

В его жизни всё складывалось как нельзя лучше. Окончив школу, поехал в Москву, без труда поступил в институт торговли, окончил его с отличием. И оказалось, хорошо, что девушки его не любили, а то бы охмурила какая-нибудь замухрышка, женился бы не на той. А в Москве Алику удалось влюбить в себя не просто чью-то дочку, а дочку заместителя министра внешней торговли СССР. Случилось это благодаря тому, что с третьего курса Бавыкин засверкал в институтской команде КВН, смешно изображал в ней недотёпу из провинции. Ещё он стал пописывать в институтскую газету, и в нём проявился дар газетчика. Этими двумя талантами он и привлёк Надю Сысоеву, девушку некрасивую, но добрую и, несмотря на то, что из привилегированной семьи, застенчивую. И он полюбил её за эту застенчивость, потаённый ум и, конечно же, за то, что она его полюбила. Не говоря уже о том, кто был её отец.

Познакомившись с Аликом, когда тот только что окончил институт с отличием, Кирилл Порфирьевич Сысоев довольно быстро увидел в Бавыкине своего, кровного по всем параметрам человека и не стал возражать против женитьбы на его дочери.

— А Алик — это сокращённо от Александр или Алексей? — спросил замминистра.

— Это самодовлеющее имя, — ответил будущий зять.

Сысоева восхищалась его манера выражаться, вести себя с достоинством, а главное, деловые качества. Сысоев участвовал в советско-итальянском проекте, благодаря которому на основе итальянского автомобиля появились первые “Жигули”, и на свадьбу тесть подарил ему этот прототип “Жигулей” — “Фиат-124”. На нём молодожёны Бавыкины отправились путешествовать в далёкую Сибирь. Бавыкин, хоть и стремился к столичной жизни, но трогательно вспоминал родные с детства места и хотел показать их Надежде. Машину на поезде доставили в Красношарк, откуда Алик и Надя поехали в Норку. Помимо ностальгии по малой родине, Бавыкина распирало тайное желание, чтобы все девушки, которые отвергали его в юные годы, теперь увидели, на какой машине он ездит, в какие импортные шмотки упакован, какой стал лощёный и столичный. И он добился своего. Катаясь по Норке на “Фиате”, Алик с наслаждением ловил уважительные взгляды, говорившие, мол, этот шибздик, однако, сильно изменился и преуспел!

Жизнь сверкала всеми своими красками, впереди светилось блестящее будущее, и каждый свой день Бавыкин принимал как подарок. И вдруг всё рухнуло совершенно неожиданным образом. И виною всему снова стал Иван Шарыгин.

Бавыкин и сам не знал, за что он так люто ненавидел именно этого человека. Ну, подумаешь, девчонки по нему сохли! Что в этом такого? Заглядывая себе в душу, Алик не мог найти основательного объяснения. Это была какая-то животная ненависть обычного самца к племенному. Узнав, что Шарыгин стал чемпионом России, а потом и всего СССР, он не спал ночами, покуда боль не затихала. Когда Иван не стал чемпионом Европы, всё равно жгло: серебро-то завоевал всё-таки, гадина!

И вот он ехал по родной Норке, даже не думая об Иване, наслаждаясь жизнью и мыслями о будущем. Надюша осталась дома, потому что на первом месяце беременности её стало сильно тошнить и часто рвало. Светило белое осеннее солнышко, с деревьев падала последняя редкая листва, неподалёку синел Енисей, и так легко дышалось чистым сибирским воздухом... И вдруг Бавыкин увидел Ивана...

Это было как раз в те дни, когда Шарыгин привёз Катю знакомить с родителями, братьями и сёстрами. Они шли с Катей, Володей и Витей, когда навстречу им вырулил на своей иномарке старый знакомый. В Бавыкине сразу всё перещёлкнуло. Захотелось унижить Ивана. Он высунулся из окна и задорно крикнул:

— Эй, Ванюша, хочешь, я тебя с твоей девушкой покатаю?

Иван понял, что его подначивают:

— Папашина бибика? Папенька-то разрешил тебе на ней покататься?

— Это мой личный “Фиат”.

— Хорош врать-то!

— Прыгайте на заднее сиденье.

— Нет желания.

— Да ладно тебе, Шарыга, у тебя-то такой бибики никогда не будет!

Иван тотчас встал в грозную позу — руки на груди.

— Это ты зря...

Оглянувшись на братьев, которые малость поотстали. Катя простодушно, не чувствуя беды, предложила:

— А что, может, и впрямь прокатимся?

Но Иван набычился:

— С этим жлобом? Да с ним потом не расплатиться.

И тут Бавыкина совсем зашкалило:

— Не бойся, расплатишься. Если денег нет, то девушкой своей.

Ивана как ошпарило, и, минуя ступень “А это ты совсем зря”, он промолвил убийственно:

— А вот это ты совсем ни к чему...

Бавыкин понял, что махнул через край, и хотел быстро уехать, но Иван молнией схватил его за шиворот импортной крепкой кожаной куртки и через окно вытащил из “Фиата”. Вот тут-то мир Бавыкина и полетел кувырком.

— Я пошутил! Пусти, Шарыга! Шуток не понимаешь?

Иван начал его месить.

— Он убьёт его! — крикнула Катя Володе и Вите.

— Стоило бы! — сказал Витя.

— За такие слова, — добавил Володя.

Оказывается, они слышали оскорбление, вылетевшее из поганых уст Алика.

— Убьёт! Посадят! — перепугалась Катя.

Володя и Витя схватили Ивана, с трудом оттащили.

— Вали отсюда, Бавыкин!

— Да быстрее ты! Нам его долго не удержать.

Бавыкин пнул Ивана ногой под коленку, быстро прыгнул в свой “Фиат” и дал газу. Иван расшвырял братьев по сторонам и попытался догнать обидчика. Видя, что Шарыгин догоняет, Алик вконец перепугался:

— Сууу-кааааа!

Ему всё-таки удалось прибавить газу и избавиться от преследования. Иван схватил с дороги ком засохшей пыли, швырнул вдогонку. Ком попал на багажник машины, взорвался пылью.

— Ну, ты и зверь, Ваня! — сказала Катя со смехом и даже неким уважением.

— Зверь, — согласился Шарыгин. — Но только когда меня вызверят.

Бавыкин помчался дальше, размазывая по лицу кровь из разбитого носа. Первой мыслью было подать заявление в милицию. Но братья и эта девочка засвидетельствуют с его стороны оскорбление. Нехорошо. И дома он сказал, что неудачно затормозил.

На другой день Алик и Надя Бавыкины уехали из Норки.

Монреаль — канадский французский город, основанный Самюэлем де Шампленом. У него и название французское, от Мон-Руаяль — Королевская Гора. По количеству жителей, говорящих на языке Мольера и Бомарше, Гюго и Мопассана, Бальзака и Экзюпери, он на втором месте после Парижа. Гуляя по Монреалю, в иных кварталах можно подумать, что ты в Париже или Марселе, Орлеане или Ницце. Французские ресторанчики и магазинчики с надписями на французском языке, французская речь на улицах и в скверах, парижский аккордеон, неоготический собор Нотр-Дам де Монреаль на пляс дез Арм...

И конечно же, когда под сводами Большого-О появилась огромная делегация под сине-бело-красным знаменем прекрасной Франции, вся франкофония трибуна востала в приветственном рёве. И французские олимпийцы гордо вышагивали, завоевав здесь два золота, три серебра и четыре бронзы — хоть и не лучший показатель для этой страны, но всё же... “Allons enfants de la Patrie, le jour de gloire est arrivé!” — “Вперед, дети Отчизны, день славы наступил!”

Свадебный кортеж двигался по зимнему Красношарску. На заднем сиденье машины жениха и невесты сидели Иван Шарыгин и Екатерина, пока еще Леденцова. На переднем, рядом с водителем, — Анька Чумакова. Всем своим видом она показывала: ладно уж, забирай себе моего чемпиона. Она и свидетельницей будет в загсе. Чумакова вдруг с иронией обернулась к Ивану:

— Кстати, я всё перерыла. Такого стихотворения у Пушкина нет — “Завистникам России”.

— Потому что такого и нет, — усмехнулся Иван.

— Ага, а вы тогда сказали, что это ваше любимое у Пушкина.

— Потому что не завистникам, а клеветникам, — фыркнула Катя. — Я и то знаю!

Что-то её распирало. Какая-то очередная дерзость. Скучно так просто жить, без поступков.

— Что-то мы едем, как простые новобрачные, — сказала она.

— В смысле? — удивился Иван.

— И до нас так ездили в загсы, и после нас будут так же ездить. Тоска!

Машины застопорились перед светофором. Рядом остановился трамвай. Катя с озорством посмотрела, как в него входят пассажиры. Щёлк! Она открыла дверцу и выскочила из машины.

— Жених! Догоняй!

Хрупкая невеста в свадебном платье вбежала в салон холодного зимнего трамвая. За нею следом, выпучив глаза, едва успел вскочить сквозь закрывающиеся двери могучий богатырь-жених. Такое удастся увидеть далеко не каждому пассажиру трамвая. Все удивлённо уставились на шальную парочку, будто на двух тропических бабочек, залетевших невесть откуда. Иван уже вовсю ржал:

— Катька! С ума сошла?

Катя весело смеялась:

— Нам тут одна остановка до загса осталась! Все на машинах приезжают, а мы на трамвае. Скажи, здорово!

— Замерзнешь, глупая!

И Шарыгин обволок свою хрупкую невесту могучим телом, прикрыл полами пиджака, словно орел крыльями.

— Батюшки! Знакомое лицо!

Катя пригляделась к женщине, сказавшей это. Ну надо же! Та самая, миловидная, которая была свидетельницей, как Лена и Вика перебрасывали Катин дневник. Только где Юлаевск, а где Красношарск.

— А я гляжу, ты нашла своего чемпиона!

— Нашла! А вы что, в Красношарск переехали?

— Больше года уже.

Трамвай останавливался точно напротив загса. Иван выскочил из него, подал руку Кате, та вышла с дерзким видом, Иван схватил её на руки и понёс. Навстречу им Леденцов:

— Ну, вы даёте жару!

За ним все остальные:

— Сумасшедшие!

— Воспаление лёгких захотели?

— Катька!

— Иван!

— Вот козлики смешные, ёлки-пальки!

Свадьбу справляли широко, в банкетном зале красношарского стадиона “Буревестник”. Справа от Кати — Нина Мелентьевна и Сан Саныч. Слева от Ивана — Екатерина Петровна, Николай Сергеевич, Папиашвили. На почётном месте — председатель горисполкома Синицын, человек с весьма редким отчеством. Ещё свежи в памяти его споры с Папой:

— На каком основании я должен дать такое распоряжение?

— На святом основании любви.

— Это не основание.

— Самое что ни на есть, дорогой Вячеслав Аграриевич.

— А в приказе я что напишу?

— Так и напиши: “Ввиду того, что они жить не могут друг без друга”.

— Не валяй дурака, Георгий Михайлович.

— Какого дурака, слушай! Если они будут незаконно жить вместе, это совращение малолетних, да? Хочешь, чтобы нашего чемпиона Советского Союза в тюрьму посадили?

— А на каком она месяце у него?

— Ни на каком. Не поверишь, у них ещё ничего не было.

— Так зачем же им?

— Так затем, чтоб было, ёлки-пальки, что тут непонятного!

В итоге ледокол “Георгий Папиашвили” протаранил глыбы административных оледенений, и особое разрешение было получено.

Но кто поверит, что у Ивана и Кати так ничего до свадьбы и не было? Вот и Нина Мелентьевна, сидя рядом с дочерью, которая только что стала не Леденцовой, а Шарыгиной, тихонько спросила:

— И на каком ты?

— Чего на каком?

— Месяце. Дурочкой-то не притворяйся!

— Ну, мам! У нас ещё ничего не было. Ну, этого самого.

— Как это не было?

— Ну так. Только целовались, да и то ещё не научились как следует.

Подучишь меня?

— Врать-то!

Свадьба только началась, даже “горько!” ещё не кричали. И первым про это вспомнил, конечно же, южный человек.

— Что-то я не понимаю! — громко возмутился Папиашвили. — Я тут всё ем да ем, а мне всё горько да горько!

— Горько! Горько! Горько! Горько! — заорал весь красношарский стадион “Буревестник”.

Иван и Катя встали, посмотрели друг на друга со смехом и сухо приложились друг к другу губами. Сели. По залу прошелестел недовольный ропот.

— Что, правда, что ли? — спросила Нина Мелентьева.

— Ну, правда. Честное комсомольское!

— Ты девушка?

— Да девушка, девушка! — разозлилась Катя.

Заиграла музыка.

— Первый танец молодожёнов! — Папа распорядился на правах тамады.

Заиграл вальс из свиридовской “Метели”. Танцевали жених и невеста значительно профессиональнее, нежели целовались. Какая пластика, какое изящество! А казалось бы, борец должен быть угловатым увальнем. И диспропорция — он огромный, она малосенякая. Однако получалось у них вальсировать так здорово, будто они давно вместе порхали в школе бальных танцев.

Под общие аплодисменты вернулись к столу.

— Ну, теперь, после такого танца, может лучше получится, — воскликнул почётный гость Вячеслав Аграрьевич. — А то что-то и впрямь очень горько.

— Горько! Горько! Горько! Горько!

И на сей раз Иван увереннее пошёл в атаку, как-то уже более умело обнял и крепко поцеловал Катю. Теперь все остались довольны, а тамада Пана добавил веселья:

— О! Что мы видим, уважаемые гости и зрители этого потрясающего поединка? Это уже был более умелый захват. Ещё немного времени, и соперник будет положен на лопатки!

“Буревестник” огласили раскаты дружного и радостного смеха.

Свадьба продолжалась. Теперь жених и невеста танцевали со свидетелями. Иван — с Анькой, Катя — с Шустиковым.

— Эх, Екатерина, если бы не Иван... — многозначительно лепетал Лёнька. — Какие я проекты насчёт тебя строил, какие бурные фантазии. И всё вмиг разбилось вдребезги. Когда этот вахлак тебя от меня к себе перебросил. Будто северные реки, будь он неладен.

Катя от души хохотала, так смешно Шустиков всё это мурлыкал. Потом пригляделась, как там Иван с Анькой, и увидела, что свидетельница слишком уж нежно смотрит на Ивана. Опять за старое? И когда пары сблизилась, Катя незаметно дала Аньке коленом под зад.

— Катька! Ты чо!

— А ничо! Для профилактики.

После свадьбы Иван и Катя проснулись в объятиях друг друга, сначала будто немного испуганные, потом заулыбались друг другу.

— Хорошо было?

— Очень хорошо! Только не говори опять, что у тебя в первый раз.

— Да в первый же!

— Тогда ты вообще молодец!

— Сашурик! Музыку!

Младший Сашурик ночевал в соседней комнате, и слышно было, как он там нарочно позевывает, посовистывает, напевает что-то. Услышав приказ брата, врубил магнитофон. И битлы запели о том, что любовь нельзя купить, а Катя вскочила и стала прыгать в кровати, как маленькая:

— Кент бай ми ла-а-а-ав! Ла-а-а-ав!

Следом за Францией на дорожку Биг-О выходила команда Великобритании, по-французски — Grande-Bretagne. Три золотых, пять серебряных и пять бронзовых. Бывало и больше, к примеру, 56 — золото, 51 — серебро и 39 — бронза, но это в далёком 1908 году в Лондоне. Игры тогда проходили с апреля по октябрь, и почему-то англичане и американцы оказались лучше всех, заграбастав двести медалей из трехсот. Россия не получила там ни одной. Другая загадка: почему через четыре года в Стокгольме англичане получили только 10 золотых медалей? Как это они столь быстро утратили свои спортивные качества? А в том же Лондоне, но в 1948 году, как ни странно, англичане завоевали только три золотых медали. Что случилось с английскими спортсменами за сорок лет, остаётся только гадать.

Англичан Большое-О приветствовало почти так же бравурно, как французов. Знамя Великобритании, состоящее из наложенных друг на друга знамен Англии, Шотландии и Ирландии, называется “Юнион Джек”, что значит “носовой флаг союза”. Флаг на носу корабля мы называем голландски — “гюйс”, а англичане по-своему — “джек”. В мире он, пожалуй, самый популярный, им любят украшать предметы быта, обувь и, в особенности, футболки и майки.

Члены королевской семьи Великобритании, присутствующие на церемонии закрытия, стоя приветствовали своих спортсменов. Исаков перебростил свой бинокль на них и зло подумал: “Вот в вас никто из наших не намеревается стрелять, а мы тоже могли бы запросто организовать терактик!” Чем больше приближался выход нашей сборной, тем тоскливее становилось бывалому генерал-лейтенанту. Хотелось взять за шкуру всех этих зрителей, тысячами опят облепивших гигантский пень стадиона, да и выкинуть в чистое поле, чтобы каждого прошерстить и найти шакала.

Вскоре после свадьбы с Иваном приключился автобусный инцидент. Поздно вечером он возвращался с тренировки. Народу в салоне — раз, два и обчёлся. Возле задней двери трое — вертлявый, молчаливый и длинный — внаглую взялись пинать молодого парня, наступали ему на ноги, дёргали за уши. Причём парень этот не хилый, вполне атлетически сложенный. Дал бы им, чтоб отвязались.

— Ну, нет у меня денег! Зарплата только послезавтра... — уворачивался он от тычков.

Вертлявый ударил его кулаком под дых:

— Молчи, сука!

— Денег нет, так получай, паскуда! — гавкнул длинный и ударил парня кулаком по голове.

Шарыгину это не понравилось:

— Эй, граждане! Это не по-советски.

Вертлявый зыркнул в него зверьком:

— Этот откуда нарисовался, падла? Длинный, врежь ему!

Ивану такое ещё больше не понравилось:

— Это ты зря...

Он встал в позу — руки на груди. Длинный внаглую попёр:

— Неприятностей захотел, пацанчик? — Он попытался ударить Шарыгина, но тот, увернувшись, схватил его и молниеносно свалил с ног. В это мгновение автобус остановился, задняя дверь открылась, Иван поднял длинного и легко выбросил на улицу. Длинный, ударившись коленкой, стал корчиться от боли.

— Бляха-муха! — малость струхнул вертлявый.

Тут пришла очередь молчаливого. Он выхватил нож и бросился на Ивана. Шарыгин ловко увернулся, схватил и повалил молчаливого. Выдавил из его руки нож.

— А это ты совсем ни к чему...

Молчаливый полетел следом за длинным, ударился затылком об асфальт и, наконец, перестал быть молчаливым — взвыл:

— Ё-о-о-о!!!

Двери захлопнулись, автобус поехал дальше. Сторонние пассажиры, сохраняющие нейтралитет, с испуганным интересом наблюдали за происходящим. Вертлявый перепугался не на шутку. Иван в его определении мигом превратился из пацанчика в дядю:

— Эй, дядя, дядя... Не шали! Ты чо, дядя, в милицию захотел? Граждане, все видели? Прошу быть свидетелями!

Какая-то возмущённая бабулька крикнула:

— Безобразие!

Автобус остановился, задние двери распахнулись, водитель объявил в микрофон:

— На задней площадке! Освободите автобус!

Шарыгин надвинулся на вертлявого:

— Слыхал, что сказано?

Вертлявый понял, что может сейчас испытать физическую боль:

— Э, дядя, дядя! Спасибо, я всё понял.

— Дядя Ваня, если угодно... — Шарыгин схватил вертлявого и выбросил его далеко из автобуса. Вертлявый умудрился ловко упасть на ноги, заскользил, чуть не упал, а, не упав, пустился наутёк, видя, что Иван выходит из автобуса. Чемпион СССР взял спасённого им парня за локоть и вывел его вместе с собой:

— Пройдёмте, товарищ.

— Куда это еще?

— Тут недалеко. Будем вас учить самостоятельно защищать свою честь.

Все данные для этого налицо. Тебя как зовут, братишка?

— Николай.

— Как моего отца. А фамилия?

— Кузнецов.

— Как раз батяня мой кузнец. Да ещё великий разведчик такой был.

Олимпийский чемпион Николай Кузнецов — неплохо звучит!

Нож молчаливого выроodka Шарыгин взял себе на память. А Кузнецов, поначалу нехотя, а затем всё больше втягиваясь, стал ходить тренироваться.

Победители Олимпийских игр в Древней Греции получали не медали, а оливковый венок. В Афинах давали ещё и небольшую денежную премию. Кое-где спортсменам ставили статуи и сочиняли в их честь песни. А в иных местах им до конца жизни разрешалось бесплатно питаться в общественных местах, но при появлении таковых призеров владельцы эллинского общепита старались заблаговременно припрятать сколько-нибудь дорогие блюда. После 293 Олимпиады в 394 году христианский император Феодосий запретил игры как языческие, и возродились они лишь в 1896 году, когда и были проведены первые современные Олимпийские игры. Поскольку проводились они в Афинах, греки завоевали на них 10 золотых, 17 серебряных и 19 бронзовых медалей, и тут мы сталкиваемся с ещё большей загадкой, чем с англичанами: на следующих играх в Париже греки не выиграли вообще ни одной медали! И в дальнейшем выигрывали одну-две, не более. О, боги-олимпийцы, почто отвернулись от своей родной Эллады!

В Монреале сборная Греции не взяла ни одной медали, и ни один из богов Олимпа не приехал на торжественную церемонию закрытия, дабы не видеть, как грустно несут полосатое бело-голубое знамя страны-основательницы с белым крестом на лазурном поле в крыже у древка.

У Кати долго не получалось готовить. В Юлаевске незачем было учиться, ведь дома имелся отец-повар. Правда, он много раз порывался приобщить дочерей к своему искусству, но они легкомысленно отмахивались. Теперь Катя очень сильно жалела, что не взяла у отца уроков. Придя домой из школы, с трудом вымучивала некое подобие пиццы.

— Так, молодая жена, чем будешь потчевать?

Если вечером муж приходит домой сытый, это подозрительно. Иван приходил голодный. Его день был загружен до предела: изнурительные тренировки, да плюс еще занятия — с осени он учился на первом курсе на факультете физкультуры и спорта Красношарского пединститута.

Катя, стараясь выглядеть бодрячком, навалила ему в тарелку какую-то очевидную бурду. Не то суп, не то каша, не поймёшь.

— Попробуем.

Иван тоже старался выглядеть бодрячком, начал есть, с трудом сдерживает отвращение.

— Опять не получилось?

— Да ты чо! Очень вкусно...

Иван с трудом попытался съесть ещё пару ложек. Пришлось использовать главный козырь:

— А зато я беременна! У нас будет малыш.

Иван с радостью отодвинул от себя тарелку с бурдой.

— Вот так новость! Сразу надо было сказать!

Он вскопчил из-за стола, схватил Катю на руки, прижал к себе, горячо целуя.

— Ты рад?

— А ты как думала! Молодец, Катюша!

— Никогда не забуду, как ты тогда перенёс меня в кинотеатре. Жаль, что такое нельзя повторить.

— Хочешь, пойдём в кино, купим билеты в разных местах, я нарочно себе два билета куплю, чтобы рядом свободное место было...

— Нет, это уже будет ненастоящее, искусственное. Не надо.

В первый год их совместной жизни Катя поначалу ещё всюду ездила с Иваном, но на шестом месяце беременности врачи запретили ей летать в самолёте, и только тут она вдруг поняла, что от её мечты отломил огромную щепку — ведь раньше она представляла, как будет всегда рядом со своим чемпионом, на всех соревнованиях, куда бы он ни поехал, даже на рыбалку или охоту, грибы собирать, реки переплывать, с парашютом прыгать, что там ещё? В космос полетит — и она с ним, никуда одного непустит.

И вдруг — нельзя.

В День Победы они впервые вместе отметили Катин день рождения, ей, наконец, исполнились те шестнадцать, о которых она безуспешно врала ему до свадьбы. В июле, как раз вскоре после того, как врачи запретили самолёты и вообще любые переезды, Шарыгин отправился в Москву на Спартакиаду народов СССР. А Катя сидела с животиком дома в их двухкомнатной красношарской квартире и плакала. Хотя бы какие трансляции по телевизору, а то даже и по радио ничего не передавали. Хорошо, что хоть Иван каждый день звонил, сообщал о своих успехах. Точнее — о неудачах.

Спартакиады народов СССР напоминали собой Олимпийские игры, только в рамках советской империи. Пятнадцать союзных республик выступали как отдельные государства, со своими сборными. В Москве тем летом царила настоящая тропическая жара. Борцы состязались в манеже братьев Знаменских. Эти три дня превратились для Шарыгина в настоящий кошмар. Легко одолев двух первых соперников, в третьем поединке он попал на грузина Думбадзе по прозвищу “Витязь в тигровой шкуре”. Того самого, которым так восхищался Папиашвили и который на Европе в Карлсруэ в финале одолел Пуму и стал чемпионом. Правда, в олимпийском Мехико тоже в финале и с тем же Пумой он проиграл, завоевав лишь серебро.

— Ах ты, ёлки-пальки! — негодовал Папа по поводу того, что Ивану придётся меряться силой с Думбадзе. Ему приходилось разрываться между симпатиями к грузину “в тигровой шкуре” и радением за своего ученика.

Думбадзе был старше Шарыгина на двенадцать лет, он вообще поздно начал спортивную карьеру, в которой достиг значительных высот. Но теперь Иван не стал уповать ни на свой молодой возраст, ни на то, что он на десять сантиметров выше “Витязя”. Сразу пошёл в атаку. Однако ничего не получалось, Думбадзе встал в глухую защиту, а вскоре и сам стал действовать значительно живее. “Сделаю решительный рывок на последних секундах”, — решил Иван. И проиграл. Рывка не получилось. Победу присудили грузину, сочтя его действия более активными.

Перейдя в группу “Б”, Шарыгин получил ещё одного неудобоваримого соперника — Гулебенко. Того самого, которого сломал в Махачкале. Теперь Гулебенко, выступающий за Украину, жаждал реванша и добился его: совершив удачный проход в ноги Ивана, получил необходимые для победы два балла. В итоге и Шарыгин, и вся сборная России по вольной борьбе оказались на четвёртом месте. Из списков на чемпионат мира в Софию, ожидавшийся в конце августа, Ивана вычеркнули.

Обидно было выслушивать резкие слова от свояка.

— Что-то я не вижу, куда делся наш недавний чемпион! — кипятился Чумаков. — О беременной жене думал? Лучше бы тогда дома сидел, с ней цацкался. Опозорил всю красношарскую школу борьбы. А я знаю, почему. Тренироваться стал в два раза меньше. Решил, что всё теперь и так с кондачка выиграю. В итоге в Софию мы уже не едем.

Но куда хуже оказалось получить нагоняй от этой шестнадцатилетней за-
нозы, возомнившей, что она имеет право шпынять его, взрослого мужика:

— Вот если бы я с тобой поехала, ты бы не сломался.

— Так врачи же!

— Подумаешь, врачи! Надо было взять меня с собой. Я бы подсказала,
как надо действовать.

— Ты что, тренер, что ли? Что ты понимаешь в борьбе!

— Всё понимаю.

— А если бы у тебя в самолёте выкидыш?

— Не выкидыш. Ничего бы не было. А вернулся бы чемпионом Спарта-
киады. Садись, ешь, так и быть.

Так и быть... А сама опять такого наготовила, что в горло не лезет.
Швырнул ложку об стол и вон из дома.

— Куда это?

— Пойду прогуляюсь, воздухом свежим подышу.

— Иди, иди. И нечего тут ложки швырять. Ещё скажи, что я тебя вы-
зверила.

Он вышел из дома, зашагал слепо куда глаза глядят. Может, всё было
блеф? И не надо было отказываться от мечты стать голкипером? До-
стиг в борьбе своего потолка, выше не прыгнуть. Ведь ничего не получи-
лось ни с Думбадзе, ни с Гулевенко, который после Махачкалы заметно
вырос, собака.

Идя в тяжёлых раздумьях по Красношарску, Иван как-то само собой вы-
шел к вокзалу, как-то само собой купил билет на автобус и как-то само со-
бой поехал домой, в Норку. Шесть часов трясся. На остановках, глядя на
мужиков, жалел, что не курит и не пьёт пива. А почему бы, собственно,
не начать? Для чего теперь беречь себя, если со спортом всё покончено раз
и навсегда?

Приехав в родное село, уже претендующее на статус города, всё же от-
бил телеграмму Кате: “Уехал в Норку. На неделю”.

Флаг Гватемалы — две вертикальные голубые полосы и одна между ни-
ми белая, на которой герб страны с ружьями и саблями, с надписью “Сво-
бода” на бумажном свитке и птицей кетцаль, сидящей поверх свитка. Флаг
Гаити — синяя и красная горизонтальные полосы, посередине — герб со зна-
менами и пушками. Символика обеих стран полна воинственности, которой
на самом деле немного, и на олимпийских играх в Монреале гватемальцы
и гаитяне ничем не отличились.

— Путаются только под ногами, — сказал Исаков, тиская свой бинокль.
Всего-то пятнадцать минут прошло с начала шествия олимпийских сборных,
а он уже устал от ожидания события, способного стать самым худшим на
этой Олимпиаде.

В Норке никто ни слова про Спартакиаду не произнёс. На третий и чет-
вёртый день работали в кузнице. На пятый отец предложил сходить на охоту.

— Так не сезон же.

— Ну, хотя бы уток пошерстим. Пошли, пусть кузница от тебя отдохнёт.

Пошли вчетвером: Иван, отец, Володя и Витя. Гриша ещё из армии не
вернулся, а то бы и его взяли. Подстрелили пару уток и вдруг невзначай вы-
шли на глупую косулю. Стараясь не шуметь, перезарядили ружья с дроби на
крупного зверя. Только Иван не стал перезаряжаться. Стоял и тупо смотрел,
как старшие братья подстрелили изящное животное. Косуля чем-то сильно
напомнила ему Катюшу, такую же с виду боевитую и гордую, а на деле без-
зачитную.

— Иван, ты опять не стрелял? — сказал отец.

— Он у нас гуманный, не то, что мы. Зачем только на охоту ходит че-
ловек, не понятно, — проворчал Виктор.

— Чтоб на вас поглядеть, кровожадных, — дружелюбно ответил Иван.

— Больше тебя не возьмём, — пригрозил Володя.

— Куда вы денетесь!..

Они-то никуда не денутся, а вот Катя? Что, если уже мотанула в свой Юлаевск? И это при том, что врачи запретили. Добренький ты, Ваня, в отношении лесных зверушек, а родного человека взял и бросил!

С телефонной станции перед отъездом в Красношарск набрал домашний номер. Один гудок, второй, третий... Неужели уехала?! Четвёртый, пятый, шестой... Придётся в Уфу лететь, оттуда в Юлаевск. Седьмой, восьмой и...

— Алло.

— Катюша!

— Что?

— Прости меня. Катюша, я так люблю тебя. Я так мало говорил тебе, что люблю.

— Ты вообще ни разу мне этого не говорил.

— Разве?

— Вот тебе и разве.

— Катюша! Я люблю тебя! Я уже на вокзале, еду домой, к тебе, к жivotику, к твоей хреновой еде, которую готов жрать до конца своих дней. Катюша!

— Хорошо, я жду тебя. Только по пути не наделай глупостей, не подерись ни с кем, из автобуса людей особо не вышвыривай.

— Ладно.

Этот путь из Норки в Красношарск был одним из самых томительных в его жизни. Он вдруг понял, как много значит для него эта маленькая косулька, которая не просто любит его, но хочет, чтобы он был во всём и везде чемпионом. И он будет им!

Он боялся, что Катя сильно обиделась и продолжает сердиться на него, но она встретила его жаркими объятьями, напрыгнула, повисла на шее. Он взял её на руки, стал целовать, и губы её были горячими, как никогда. Слезы текли по щекам, он ловил их языком и чувствовал не соль, а сладость.

Потом, когда отхлынула долгая океанская волна нежности, она сказала:

— И ты прости меня. Просто мне так было страшно одиноко, когда ты улетел в эту Москву. Я возненавидела её со всеми её кремлевскими башнями. Наверное, поэтому Москва тебе отомстила. За мою ненависть к ней. Прости меня, милый!

— Я так боялся, что ты в Юлаевск укаатишь.

— Что ж, если Катя, то должна куда-то укатить?

— Давай больше никогда не скориться.

— Согласна. Ну... а теперь — за стол. Посмотрим, как ты до конца жизни станешь жрать мою хреновую еду.

— С удовольствием стану!

На удивление, котлеты оказались вполне приемлемыми. Не шедевр кулинарии, но есть можно.

— Слушай, очень вкусно!

— Не ври. Я знаю, что хреновые. Но обещал — теперь жри.

— Не ври, а жри. Да ты поэт, Катька, тебе надо в Литературном институте учиться. Хорошо чувствуешь слово. Увидела своё имя в слове “укаатить”.

— Закончу школу, поступлю на филфак. Люблю литературу. Только не как Анька Чумакова, у которой все гении.

— За что ты её недолюбливаешь? Ведь она твоя родственница. Сестра мужа сестры. Как это называется? Золовка?

— Отвратительное слово! Терпеть не могу обозначения родственников, все эти “сноха”, “золовка”, “шурин”... Хорошо, что у меня родни не так много. Не то, что у тебя: родственников больше, чем китайцев.

— Это точно!

Знамя Китая — красное полотнище с одной большой золотой звездой и четырьмя маленькими рядом с нею. Впервые сборная Китайской Народной Республики выступила на Олимпийских играх в Хельсинки в 1952 году. Тогда же Международный Олимпийский Комитет оскорбил Китай тем, что допустил к соревнованиям и Тайвань, причём под наименованием Китайская Республика. После этого великий Китай, который, к тому же, в Хельсинки

не получил ни одной медали, обиделся и не принимал участия в Олимпийских играх более тридцати лет.

В Монреале не было ни Китайской Народной, ни просто Китайской, и всех многомиллионных китайцев представляла британская колония Гонконг. Гонконговские китайцы не получили ни одной медали и к тому времени даже не имели своего собственного флага, шли с одной только табличкой "Hong Cong".

Глядя в бинокль, Исаков подумал: хорошо, что нет китайцев, их сборная ещё минут десять бы заняла.

— Павел Игнатьевич, есть идея, — обратился к генерал-лейтенанту его помощник Даниличев.

— Валяй.

— Там группа журналистов. Спрашивают, нельзя ли им взять короткое интервью у знаменосца нашей олимпийской сборной.

— Какое ещё, на хрен, интервью! Соображаешь... Постой, постой... Даниличев, а ведь ты — гений!

После поездки в Норку, где он надышался родным воздухом, вдоволь намахался в кузнице, после шатания по тайге с отцом и братьями и, наконец, после страстного примирения с Катей Шарыгин с удовольствием отправился в спортзал, провёл свои первые тренировки после так называемого крушения всех надежд. Боялся, что не сможет так же легко и непринуждённо проводить приемы, но оказалось, что всё не так плохо, совсем, как Катины котлеты, пригодно для жизни.

После занятий он ждал разноса от Папы, но тот вдруг стал яростно кричать, что без Шарыгина упадёт знамя советского спорта:

— Каждое поражение должно делать тебя сильнее. Чем больше позора, тем больше сил должно нарастать, ёлки-пальки. Ты не просто единственная надежда всей Сибири, но и всего советского спорта. Без тебя он не сможет достойно нести вперёд своё знамя. Спартакиадой народов СССР, бичо, жизнь не кончается. Впереди важнейшие международные турниры. В сентябре едем в Иран. Турнир в честь самого шаха. Там соберутся все сильнейшие пехлеваны со всего мира. Потом — Венгрия. Потом — Баку. И, наконец, самый важный турнир — в Минске, чемпионат СССР. На нём ты должен поставить уверенную жирную точку после фразы "Иван Шарыгин — член олимпийской сборной СССР". Понял меня, ёлки-пальки?

В Иране было жарче, чем в Москве, но почему-то московская жара труднее переносилась, нежели персидская. Во время последних тренировок к Ивану вернулась былая уверенность. Он тренировался каждый день и чувствовал, как его мускулы наливаются какой-то особенной, доселе незнакомой силой. Той, которую он чувствовал у Пумы, когда сжимал его руки. Теперь она словно переключалась в него. Организаторы турнира на приз шаха Ирана перевели Шарыгина из полутяжелого веса в тяжёлый, и в своей новой весовой категории он оказался здесь сильнее всех. Правда, в Иран не поехали ни Гулебенко, ни Думбадзе, но он почему-то был уверен, что на сей раз справится бы с обоими.

Вернувшись домой, не преминул подметить:

— Вот видишь, тебя и там не было, а я вышел победителем.

— Я была, — ответила Катя. — Просто я научилась присутствовать рядом с тобой незримо.

— Я смотрю, ты и пельмени научилась делать.

— Что, правда? Тебе нравятся?

— Годятся!

— Если сибиряк хвалит твои пельмени, значит, они и впрямь чего-то стоят.

— Отличнейший афоризм! Это кто сказал?

— Екатерина Шарыгина.

— Советский Союз! А можно её мужу ещё пельмешек?

В венгерском Мишкольце муж Екатерины Шарыгиной выступил так же успешно, как и в Иране, стал победителем в тяжёлом весе, в котором с той

поры и утвердился. Потом он сладко засыпал, купаясь в целительных горячих источниках, раздражаясь на Папу, который плавал рядом и всё что-то говорил, говорил, говорил. Ёлки-пальки да ёлки-пальки...

— Георгий Михайлович, хотите анекдот расскажу?

— Валяй.

— В грузинской школе идет урок русского языка. Учитель в бешенстве: “Сколько раз мне вам повторяют, что слова “кровать”, “дават”, “опят двадцат пят”, “твою мат” пишутся с мягким знаком, а слова “тарелька”, “вилка”, “ёлка-палька” пишутся без мягкого знака!

— Не смешно, шени! Стал бы учителем в грузинской школе говорить детям “твою мат”? Сображай, сибирячок!

Из Мишкольца поехали в Будапешт, и там венгры устроили Шарыгину целую программу развлечений, его поразил красивейший город с величественным дворцом парламента, необычными зданиями, каждое со своей выдумкой. В купальнях Сеченьи он снова блаженствовал, жалея только, что нет рядом Кати. На горе Геллерта у памятника советским солдатам-освободителям боролся с набегающими на глаза слезами и шептал точные пушкинские слова: “Мы не признали наглой воли // того, пред кем дрожали вы”.

Венгры — народ бравый и воинственный, он ворвался в Европу много веков назад, придя с Урала, и утвердился здесь со своим причудливым азиатским языком среди удобоваримых славянских, германских и романских наречий. Были времена, когда Венгрия считалась одной из сильнейших европейских держав, но постепенно ревнивые европейцы всё укрощали и укорачивали ретивых уральцев, пока не превратили их государство в небольшой обрубок. Но и в таком укрощённом виде мадьяры остаются людьми с характером. Во всех Олимпийских играх, в которых им довелось участвовать, они не уходили без золотых медалей, причём лишь в Париже, на второй Олимпиаде, обошлись только одной, а потом всегда завоевывали по несколько, в 1952 году в Хельсинки — целых шестнадцать. В Монреале результат оказался посромнее: всего четыре золотых, пять серебряных и тринадцать бронзовых, но всё равно венгерские спортсмены, заняв в общем зачёте десятое место, могли с честью нести своё красно-бело-зелёное знамя.

Подойдя к Папиашвили, Исаков отвёл его в сторонку и тихонько проинструктировал:

— Сейчас мы командирuem Ивана в отдельное помещение для прессы. Журналисты хотят взять у него короткое интервью.

— Интервью? Сейчас? — удивился Папа, смешно произнося: “интервью” и вытягивая при этом губы трубочкой, как для поцелуя.

— Именно сейчас. Наш Иван любит общаться с журналистами. И вы, Георгий Михайлович, должны сделать так, чтобы это интервью оказалось не очень коротким. Понимаете меня?

— Вай мэ! Ещё бы я не понимал, я что, глупый, что ли! Отличная идея, ёлки-пальки!

Из Венгрии Иван привёз Кате красивую куклу в национальном мадьярском костюме.

— Это намек, что мне ещё только в куклы играть?

— Да нет, просто...

— Спасибо. Очень красивая кукла. Надеюсь, в животе у меня такая же красавица сидит.

Она угощала его новыми освоенными блюдами, и оставалось лишь удивляться, как она сумела преодолеть неумение готовить. Пирожки получились отменные!

— Катька, да ты гений кулинарии!

— Да ладно тебе... Лучше скажи, зачем ты внёс редактуру в свои письма?

— Какую ещё редактуру? — покраснел Иван, пряча стыдливую улыбку.

— Я тут, скучая по тебе, решила в очередной раз перечитать нашу переписку. И что же вижу? В каждом твоём письме то тут, то там дописано: “Я тебя люблю”, “Я тебя очень люблю”, “Знала бы ты, как я люблю тебя”.

Раньше этих слов там не было. И ты вообще мне впервые сказал, что любишь, когда звонил из Норки после того постыдного бегства.

— Признаюсь. Дописал. Просто хотел, чтобы, когда наши дети и внуки будут читать мои письма, они не говорили, будто я не признавался тебе в любви.

— Смешной же ты, Иван! Какой же ты смешной! И — любимый.

Вскоре муж Екатерины Шарыгиной снова улетел из родного гнезда, становившегося все более и более уютным. В этот раз — на турнир в Баку, очень важный. Определялось, кто поедет на очередную Европу, и надо было обязательно победить в Думбадзе, и Гулебенко. Впрочем, грузин снова отпал, заболел. А киевлянин приехал. И Шарыгин победил его. На лопатки положить не смог, но одно лишнее, победное, очко выиграл. Дорога в Европу открылась.

Вернувшись из Баку, Иван не застал дома жену. Её только что увезли в роддом. Роды прошли легко, на свет появилась Женька. Иван назвал её в честь своего погибшего брата, которого он в детстве очень любил. Женька так Женька, хорошее имя, бодрое, можно даже сказать, глущее. Пусть заживает! Научившись стряпать на кухне, Катя и ребёнка состряпала на славу. Крепенькая, славная девочка, очень похожая на маленького Ивана, какой он на фотографиях, такая же лобастенькая и рыжевастенная. Шарыгин был доволен, дома не спускал Женьку с рук, купал её, кормил с ложечки, гулял. Счастливо заканчивался год, начавшийся так тревожно и неудачно.

И наступил год его настоящего триумфа. Год Мюнхенской Олимпиады. В конце мая, когда Женечке исполнилось шесть месяцев, её отец отправился в Польшу завоевывать европейское золото.

Начинался этот чемпионат мрачно. Первым делом советских спортсменов зачем-то повезли на экскурсию в бывший концлагерь Освенцим. Просто потому, что он расположен в тридцати километрах от Катовице, где проходили соревнования. Впечатление осталось самое гнетущее, даже Шустиков со своими извечными шуточками не мог развеять воспоминаний об увиденном.

— Это нам показали, что с нами сделают, если мы тут всех не повалим на лопатки.

— Не смешно, Броневинок!

Ему как раз тогда ещё только-только кто-то прилепил это прозвище.

Чемпионат Европы продолжался шесть дней. В греко-римской борьбе или, как её тогда называли в СССР, классической наши смогли завоевать только две золотых медали, зато вольники устроили настоящее покорение Польши: из десяти разыгрывавшихся золотых медалей взяли семь, оставив по одной болгарам, туркам и немцам.

Шарыгин выступил блестяще, с самого начала поймав свой кураж, свободу действий, раскованность без расхлябанности. В первом же поединке за сорок пять секунд расправился со швейцарцем Зеелером, бросил его на ковер и положил на лопатки. С остальными соперниками чуть дольше, но тоже без особого труда решил все дела. В финале попотел, но в итоге сломил болгарина Тодора Пенева. Болгары, кстати, на этом чемпионате бились, как звери, завоевали в классической борьбе четыре золотых медалей, в вольной — одну золотую, шесть серебряных и две бронзовые. Вот тебе и маленькая страна — курица не птица!

Первое интервью европейское золото! Когда летели в самолёте из Польши, весь полёт хохотали, будто попали в кинокомедию Гайдая. Какое-то безмерное счастье с распахнутым настежь сердцем одолевало победителей. Шустиков в своём лёгком весе проиграл болгарину Василу Русиеву, но хохотал вместе со всеми, и теперь его шуточки были уместны, вызывали мгновенную детонацию, салон самолёта сотрясали новые взрывы хохота.

— Я ему кричу: “Ваня! Немец твой уже на лопатках, чо ты его мнешь-то? По Катюхе соскучился?”

— Хаааа-ха-ха-ха-ха!!!

А дома-то как было светло и радостно! Иван расхаживал в одних трусах, Геракл и Аполлон в одной статуе, а Катя фотографировала его в разных классических видах только что привезённым мужем из Польши японским фотоаппаратом “Сони”.

— Перед нами новый чемпион Европы Иван Шарыгин! На предстоящих Олимпийских играх в Мюнхене он будет представлять советскую сборную и завоюет главный приз!

Женька сидела в своей кроватке и смеялась. Отец выгреб её из резервации и на одной руке вознёс высоко к потолку:

— Вот мой главный приз!

Щелк! И еще один снимок на века...

Остров по-французски “иль”, и перед Индией прошли сначала Виргинские острова — Иль Вьерж, потом Кайманские — Иль Кайман, и те, и другие — мальчуганы Британии с “Юнион Джеком” в крыжах знамен и без каких-либо достижений в спорте.

За островитянами выходила большая, но совершенно бесполезная олимпийская сборная Индии, страны с колоссальным населением, не способным воспитать ярких и сильных спортсменов. Команда, идущая под оранжево-бело-зелёным знаменем с синим колесиком Дхармачакры, не завоевала в Монреале ни одной хоть какой-нибудь медали. Притихшие трибуны взирали на Индию с равнодушием.

А тем временем Папа уже бежал к Ивану:

— Ванюша, там иностранные журналисты, срочно надо дать им интервью. Руководство дало указание.

— Какое интервью, Георгий Михайлович! Скоро наш выход.

— Это не обсуждается. Ещё только Индия пошла, до нашего выхода минут двадцать как минимум. Успеешь.

Исаков был прав, Шарыгин действительно любил общаться с журналистами. Ему нравилось шикануть своим интеллектом, удивить знаниями в разных областях культуры, положить на лопатки расхожее мнение всех и вся о том, что если спортсмен, то обязательно дуболом, книжек не читает, в башке одна извилина, а серое вещество мозга ну ооочень серое.

После обидного поражения на Спартакиаде журналисты поначалу окрысились, написали статей, полных горечи разочарований, одна из которых даже называлась “А был ли мальчик?”, потом напрочь забыли об Иване Шарыгине. Зато после польского золота вмиг вспомнили и хлынули на него изо всех щелей. Вновь о нём стали писать, как о надежде Сибири и возможном будущем чемпионе Олимпийских игр. Он поначалу общался с ними сдержанно и даже с неким презрением, но потом простил. Снова стал охотно встречаться с ними, давать интервью, удивлять тем, что он и книги читает, и стихов много наизусть знает, и вообще с ним интересно поговорить — далеко не глупый парень.

В середине июня Шарыгин полетел в Минск на чемпионат СССР. Там, в столице Белоруссии, должно было окончательно решиться, кто поедет на Олимпиаду в Мюнхен. И в финале Иван оказался один на один со своим извечным соперником из Киева. Боролись не на жизнь, а на смерть. Нужна была убедительная победа, Иван пошёл на риск, промахнулся и потерял очко. Одно-единственное, но оно решило исход поединка — чемпионом СССР стал не он, а Гулебенко. Прощай, Мюнхен!

Сразу же после окончания чемпионата на олимпийской базе под Минском собрался тренерский совет. Вроде бы, всё ясно, Гулебенко — чемпион, ему и лететь в Германию. Но все вдруг заговорили о том, что у Шарыгина всё равно больше возможностей стать олимпийским чемпионом. Тайное голосование — и со своей мечтой поехать на Олимпиаду простился Гулебенко. Бедный Вася! Это был его последний шанс, через четыре года ему будет тридцать четыре, Монреаль уже ему никак не светит.

За серебро на чемпионате СССР строгая жена не укоряла, но про серебро на Олимпийских играх и слышать не хотела:

— Из Мюнхена — только золото!

А между тем, лето шло и шло из пункта А в пункт Б, из сибирского Красношарска в немецкий Мюнхен, и всю вторую половину июня, июль

и август Шарыгин усиленно тренировался. В начале августа радость от того, что его всё-таки включили в олимпийскую сборную, вдруг сменилась тревогой и тягучим, непреодолимым страхом.

— Иван, ты почему не спишь?

— Сплю.

— Да как же ты спишь, если я слышу, как ты там чего-то вздыхаешь всю ночь, будто влюблённый.

— Да ничего я не вздыхаю.

— Признавайся.

— Да так...

Катя включила бра, села в кровати. Следовательским оком взглянула на мужа:

— Давай, выкладывай.

— Сам не знаю... Что-то боюсь я в этот Мюнхен ехать.

— Чего-чегoooo?!

— Предчувствия какие-то гложут.

— Какие ещё предчувствия? Ты что, трусишь? Вот так да! Я за кого замуж выходила? За будущего олимпийского чемпиона?

— Наверно...

— Какое такое наверно! Не наверно, а точно! Ты должен чётко понимать, что едешь в Мюнхен только за золотом. Говорить себе: “Я буду чемпионом!” Ты вбрасываешь эту информацию в космос, там её принимают, и им уже не отвертеться, придётся сделать тебя чемпионом.

— Кому это — им?

— Ну там, в космосе...

— Космонавтам, что ли?

— Короче, чтобы я больше не слышала ничего такого — предчувствия, недочувствия... Понятно?!

— Понятно.

В конце августа наступило время лететь в Мюнхен. В аэропорту Катя смотрела на мужа строго, и в этом взгляде он читал: никаких предчувствий, понятно?

— Я буду ждать олимпийского чемпиона, — сказала жена строго.

В Москве пробыли недолго, на следующий день отправлялись в Германию.

Вдруг выяснилось, что Папиашвили никуда не летит.

— Как это, Георгий Михайлович? Я не понимаю! Вы мой тренер, и вам не дают ехать в Мюнхен! Объясните, что у нас такое происходит?

Лицо у Папы было растерянное, вот-вот покатятся слёзы.

— А вот так. Никому я там не нужен. Говорят: “Твой Иван и без тебя справится”.

В зал аэропорта вошла вся расфуфыренная дама, взяла под руку мужа, явно чиновника, и они вместе отправились регистрироваться на рейс, минуя очередь. Папа с ненавистью проводил их взглядом:

— А вот эта, понимаешь... женщина... Она там просто необходима на Олимпиаде. Потому что муж без неё не знает, какую ей там шубу покупать!

— А кто это такие?

— Чиновник из Олимпийского комитета. Так что он тебя там будет наставлять, как бороться. И жена его. Слушайся эту парочку, Ваня, и побеждай, как хочешь.

Тут с радостной новостью примчался Шустиков:

— Георгий Михайлович! Вопрос решён. Вы поедете в Мюнхен как простой турист. А поездку Спорткомитет вам оплатит.

— Во, видали? Георгий Папиашвили — как простой турист! Ну, хоть так, шени...

И у него носом пошла кровь, как бывало часто, когда Папа сильно расстраивался.

За Индией выходило красно-белое знамя Индонезии, столь же олимпийски бесславное, как и Индии. За всё время участия в Олимпийских играх,

ни до Монреаля, ни в Монреале индонезийцы не завоевали ни одной медали. В отличие от иранцев, выходявших следом за ними под своим знаменем, состоящим из зелёной, белой и красной полосы. На белой полосе тогда ещё красовался золотой лев с кривой саблей в правой лапе. Иранцы в Монреале всё же выиграли одну золотую и одну бронзовую награды, и борец Мансур Барзегар, взявший серебро в первом среднем весе, с гордым видом нёс флаг своей страны.

А наш знаменосец тем временем в компании с Папиашвили и Павлушиным отправился в отведённую комнату, где его ждали пятеро журналистов и два оператора с камерами на плечах, как с неким устрашающего вида огнестрельным оружием. Оба тотчас же стали снимать. Иван поздоровался по-английски. Английским он владел уже достаточно хорошо, начал изучать его ещё в армии, в радиотехническом училище. Но оказалось, все пятеро журналистов владеют в разной степени русским, и можно было расслабиться. Все уселись на стулья. Иван, Папа и Павлушин напротив журналистов из Германии, Англии, Канады, Италии и Франции.

Первым с вопросом к Ивану обратился немец лет сорока, спокойный и степенный, не наглый:

— Господин Шаригин, на Олимпийских играх в Мюнхен вы стали чемпионом и установили рекорд скорости. Победили семь человек, потратив на всех своих соперников семь минут и двадцать секунд. То есть чуть более минуты на каждую схватку. Такого никогда не было до вас и пока не повторилось. Я прав?

Иван пожал плечами:

— Есть такое дело. Прошло четыре года, а я как сейчас помню. Первым был швейцарец Зеелер. Его я положил за двадцать две секунды. Затем ровно за две минуты положил на лопатки Хенделя из ГДР. Канадца Джейсона бросил на туше на первой минуте. Но чистую победу почему-то не засчитали. Но через одиннадцать секунд я ошибку судьи вежливо исправил, и мне все-таки засчитали туше. Иранец Мухтари сопротивлялся целых две минуты, но после моей подсечки упал, как сноп. Я так легко их клал, что приходилось постоянно делать над собой усилия, чтобы не расслабиться. Лёгкие победы — коварные! За восемнадцать секунд положил монгола Цендийна. Потом венгра Дюлаи. И, наконец, финал моего Мюнхена. За двадцать пять секунд кладу досрочно болгарина Тодора Пенева. Самое удивительное, что на Мюнхенской Олимпиаде, точно так же, как перед этим на чемпионате Европы, в первом поединке мне достался швейцарец Зеелер, а в финальном — болгарин Певев.

В Мюнхен прилетели за три дня до открытия Олимпиады. И все три дня — тренировки, по две в день. В шесть утра — подъём, пробежка, лёгкий завтрак, тренировка. Вторая — во второй половине дня. А потом — прогулки по городу, старинному, красивому, большому. Больше всего Шарыгина удивляла благожелательность жителей. Неужели это те самые немцы, которые здесь, в Мюнхене, затеяли свою страшную и кровавую игру в фашизм, сеяли смерть и разрушение в завоеванных ими странах, а у нас и вовсе устроили чудовищные зверства, не укладывающиеся в человеческое понимание! Ни одного кособокого взгляда, сплошные улыбки, “битте” и “данке”.

Папу в Москве опять тормознули, и прилетел он в самый день открытия игр. Злой, обиженный. Даже из числа туристов, одобренных для поездки в Мюнхен, его тоже поначалу вычеркнули, вставили какого-то сынка, но потом Папиашвили всё же вернули в список.

— Не буду больше никого тренировать, ёлки-пальки! Зачем такое отношение? Вот если ты золото не возьмёшь, уйду с тренерской работы, мамой кланюсь!

Знамя СССР на открытии Мюнхенской олимпиады нёс супертяж, прославленный Александр Медведь, великий спортсмен. Выходя на дорожку в составе советской делегации, Иван волновался, ждал, что трибуны начнут свистеть, реветь, источать ненависть. Но ничего подобного! Зрители стоя приветствовали наших олимпийцев, волной поднимаясь со своих мест, начиная с нижних рядов и кончая верхними. И это при том, что американцев ос-

вистали за войну во Вьетнаме, как будто это не кровавые политики, а спортсмены её развязали и никак не могли завязать.

Глядя же, как Мюнхен тепло встречает команду Страны Советов, Шарыгин не мог сдерживать слёз, которые наворачивались на глаза. Церемония открытия сняла с его души опасную тревогу и неуверенность в грядущей победе. По иронии судьбы, снова первым соперником оказался швейцарец Иоханн Зеелер, которого он в Катовице положил на лопатки за сорок пять секунд. А тут хватило двадцати двух — и снова бедняга Иоханн на лопатках.

Папа наблюдал за первым поединком Шарыгина, стоя высоко на трибунах вдалеке от яичницы-глазуны, с которой сравнил круглые желтые борцовские ковры аккредитованный в Мюнхене корреспондент “Советского спорта”. Папа рвался во что бы то ни стало туда, где сидел тренерский состав, но огромный и непроницаемый охранник не пускал его.

— Товарищ дорогой! Камрад! Битте! — уговаривал непроницаемого стража порядка Папа. — Мне вон там надо быть, а не здесь. Понимаешь ты? Ферштейн или нихт?

Немец — как скала. Истинный ариец, характер стойкий, нордический, беспощаден к врагам рейха. Видя, как Иван быстро уложил швейцарца, Папашвили запрыгал от радости, тряся своим пузом:

— Ай, молодец! За двадцать две секунды положил швейцарца! — И он снова обращался к истинному арийцу: — Ты хоть понимаешь, что такое за двадцать две секунды положить Зеелера? Как это по-вашему? Цвай унд цванцих. А, ни хрена ты не понимаешь, дубина немецкая!

Следующим соперником Ивана был немец из ГДР Конрад Хендель. С ним пришлось немного повозиться, но тоже не так долго, по окончании второй минуты боя Шарыгин положил Хенделя на обе лопатки.

Папа тем временем пытался прорваться через другого охранника, протягивал ему значок с профилем Ленина на красном знамени. Но и этот оказался истинным арийцем.

— Смотри, какой значок даю тебе! Сам бы носил, да мне вон туда надо, ферштейн? Иван там, ферштейн? С вашим немцем Хенделем борется, только он из ГДР, ферштейн?

Увидев, как Иван уложил Хенделя, Папа снова запрыгал от радости и восторга:

— Ваня! Две минуты!

На другой день перед схваткой Ивана с канадцем Джонсоном юные фашисты из молодёжной организации “Адлер” попытались прорваться на арену. Иван, уже выйдя на ковёр, застыл в величественной и гордой позе и смотрел, как какие-то выродки беснуются, выкрикивая:

— Raus! Russische Schweine! Raus! Aus Deutchshland! — Вон! Русские свиньи! Вон из Германии!

На обнажённых плечах они показывали свастики, а у одного даже взлетело в руках красное знамя с белым кругом, в котором чернела эта эмблема, в древности благородная, но теперь ставшая символом нацизма. Иван смотрел на это и всем своим видом показывал: “Это вы зря...” Полицейские изытали гитлеровский флаг и принялись тычками выталкивать юных фашистов вон со стадиона.

Безобразная сцена огорчила Ивана, но и завела на решимость в поединке. На первой же минуте он швырнул канадца, как куклу, и бросил в туше.

Папа тем временем снова пробивался сквозь непроницаемую стену охранников:

— Я же не такой фашист, как те вон молодчики! Пусти, будь хорошим. Увидев молниеносную победу своего воспитанника, заорал:

— Иван! Канадца! Джейсона! На первой же минуте! Эй, ёлки-пальки, что за безобразия! Он без меня их там кладёт на лопатки, слушай! Как не засчитали? Эй ты, судья, ёлки-пальки! Суди, давай, да!

Судья и впрямь внаглую отказался увидеть туше и потребовал продолжения поединка. Впрочем, ненадолго отерочил победу русского богатыря.

— Эй, опять не засчитаешь? — кипятился Папашвили. — А, то-то же! — И он уже сиял, как начищенная медная грузинская чеканка.

В тот же день была схватка с иранским борцом Мухтари. Этот упорно сопротивлялся, как умеют упротствовать персы, но проведённая Иваном подсечка оказалась для него неожиданностью, и он рухнул, как здание, под которое была заложена взрывчатка.

Папе к тому времени уже выдали форму члена советской олимпийской сборной, и он смог пройти мимо того первого, самого крепкого охранника.

— Ты бы лучше вон тех вовремя обезвредил, кацо. Что, теперь пропущаешь меня? То-то же, данке шон тебе!

Под словом “тех” он имел в виду трёх нацистов из организации “Всемирный конгресс свободных украинцев”, устроивших на трибуне сожжение советского флага. Удивительным образом флаг, смоченный в бензине, вспыхнув, бросился прямо в морду тому, кто его держал. А им был не кто-нибудь, а сын пресловутого Степана Бандеры — двадцативосьмилетний Андрийка. Парень испуганно взвизгнул и выронил древко. Набежавшие полицейские мигом скрутили всех троих и поволокли прочь. Чтобы вскоре и отпустить.

Папа успел пробраться к краю яичницы-глазуни как раз перед самым началом схватки с Мухтари. Теперь Иван мог его слышать:

— Подсекай его, Ваня! Вот так! Да подсекай же! Ай, молодец! Хороший мальчик!

На флаге Ирландии зелёный цвет символизирует католиков, оранжевый — протестантов, а белый — мир между ними. Ирландцы — народ боевитый, задиристый. Считается, что они хорошие драчуны, то есть боксёры. Но на Олимпийских играх в Монреале они не снискали никаких наград, и белый цвет на флаге символизировал их мирную капитуляцию перед остальными олимпийцами.

С таким же неуспехом несли своё красивое крестоносное знамя спортсмены холодной страны Исландии.

Знамя Израйля называется Дегель Мединат Исраэль. Белое полотнище с двумя горизонтальными синими полосами по краям и шестиконечной звездой Давида в центре напоминает собой талит — еврейскую моленную накидку. Национальный олимпийский комитет Израйля был образован в 1933 году, то есть еще до образования государства Израиль. Олимпийские игры 1936 года, проходившие в фашистской Германии, израильяне бойкотировали из-за царившего в гитлеровском рейхе антисемитизма, и впервые они приехали на Олимпиаду в Хельсинки. С тех пор до Монреаля и в самом Монреале они участвовали, но и только — ни одной медали.

Как раз, когда во главе с мужественной легкоатлеткой Эстер Шахаморов израильские спортсмены вышли на дорожку Большого-О со своим знаменем, французская журналистка спросила Шарьгина:

— В Мюнхене вы жили неподалёку от дома спортсмен Исраэль, когда был совершён теракт. Помните ли вы это? И было ли нечто похожий на Олимпиад в Монреаль?

— Слава Богу, ничего такого здесь не случилось, — сказал Иван. — Хотя нам звонили и угрожали. Какие-то украинцы-бандеровцы обещали застрелить Володо Быстрицкого. Но ничего такого не произошло. Вероятно, благодаря умелой работе канадских спецслужб. Здесь они на высоте. Даже чересчур. В туалет спокойно нельзя сходить — всегда под присмотром.

Все заулыбались, а Иван нахмурился:

— Помню ли я Мюнхен? Ещё бы не помнить. Всё рядом с нами происходило.

В Мюнхене большое здание, в котором разместились советские спортсмены, соседствовало с небольшим домом израильяна, расположенным на самой окраине огромной олимпийской деревни. Наши общались с израильянами, многие из которых, к тому же, до недавнего времени тоже были нашими. И если штангист Зеев Фридман переехал в Израиль в 1960 году, то ровесник Ивана, борец вольного стиля рижанин Элизер Халфин эмигрировал на землю обетованную за три года до Мюнхена, а восемнадцатилетний Марк Славин, уроженец Минска, и вовсе уехал с семьёй за три месяца до

начала Мюнхенской Олимпиады. Тоже борец, но в греко-римском стиле, в полусреднем весе.

— Ну, как там вам, ребята, живётся? — дружелюбно спрашивали репатриантов наши.

— Да нормально. Проблем, конечно, хватает. Но о них у нас не принято распространяться, — отвечали они.

— А в СССР после того, как я уехал, меня всех наград лишили, — жаловался Славин, бывший чемпион Советского Союза среди юниоров.

— А ты как хотел?! Политика, брат, штука вредная.

Шустиков, как всегда, со своим юмором:

— Надоело жить в Рязани, // танцевать её кадрили, // буду делать обрезање // и уеду в Израиль!

Израиль, для рифмы, с ударением на последний слог.

— А ещё у нас поют по-новому: “На деревне пиво // с водкою в разлив — // провозжают гармониста // в Тель-Авив, // хороводом ходят // девушки вокруг — // ты пришли скорее // вызов, милый друг!”

И все вместе, русские и евреи, от души смеялись, ещё не зная, что произойдёт здесь, в Мюнхене, в олимпийской деревне, в ночь с четвёртого на пятое сентября.

Накануне вечером израильтяне ходили на представление “Скрипач на крыше”, мюзикл по произведениям Шолом-Алейхема про Тевье Молочника. Ужинали с актёром спектакля Шмулем Роденски и в олимпийскую деревню вернулись поздно ночью. Ещё какое-то время весело галдели. Иван накануне не лёг спать в восемь часов вечера и проснулся среди ночи, слышал, как они галдят. Даже выходил на балкон посмотреть, что там такое. Всё в порядке, просто ребята веселятся. Часам к трём всё стихло. Шарыгин лёг, ворочался, думая о завтрашних поединках, о монголе Цендийне, кряжистом и цепком, похожем на краба.

В половине пятого Иван снова стал засыпать, как вдруг раздался дикий вопль.

— Ну, что они там? Напились, что ли? С какой радости! — возмутился он по поводу евреев, до сих пор не завоевавших ни одной награды.

Вопль продолжался, зазвенело разбитое стекло, осколки полетели на асфальт.

— Совсем сдурели еврейцы! — окончательно проснулся Иван, полагая, что соседи что-то отмечали и поругались между собой. Но тут раздался выстрел, и Шарыгин вскочил, ринулся на балкон.

В доме израильтян творилось что-то неладное. На самом деле, в половине пятого к ним проникли восемь арабов — федаинов террористической группы “Чёрный сентябрь”. Командир группы Лютиф Афиф, заместитель командира Юсуф Назал, шестеро рядовых членов — Афиф Ахмед Хамид, Халид Явад, Ахмет Чика Таа, Мохамед Сафади, двоюродные братья Аднан и Джамал Аль-Гаши. Одетые в спортивные костюмы, они без труда перелезли через забор и с помощью заранее украденных ключей проникли в дом, где поселилась израильская команда. Толстенный судья по борьбе Йосеф Гутфройнд услышал подозрительные звуки, увидел, как федаины открывают дверь и, навалившись на неё всеми своими ста тридцатью пятью килограммами, дико заорал. Его товарищ по комнате, судья по тяжёлой атлетике Тувье Соколовски разбил стекло и, выпрыгнув в окно, спасся бегством. Ещё один судья по борьбе Моше Вайнберг схватился с федаинами, и один из них выстрелил ему в лицо. Этот выстрел и разбудил Ивана. Пуля пробила Вайнбергу щёку, после чего он перестал сопротивляться. Вскоре федаины захватили в заложники шестерых борцов и штангистов. Мужественный Вайнберг снова набросился на террористов, послал одного из них в нокаут и ножом для фруктов зарезал насмерть того, который прострелил ему щёку. Воспользовавшись замешательством, борец Гади Цабари вместо того, чтобы прийти на помощь Вайнбергу, сбежал через подземный гараж. Других федаины крепко держали. Раздался ещё один выстрел, и Моше упал замертво.

— Это уже не пьяные шуточки, — пробормотал Шарыгин, стоя на балконе и вслушиваясь в происходящее. На других балконах тоже стали появляться разбуженные выстрелами спортсмены.

Тем временем фedaины избивали и связывали заложников. Один из штангистов Йосеф Романо вырвался из их рук и стал драться, ранил фedaина, прежде чем олимпийскую деревню пронзил третий выстрел. Тяжело раненный Романо упал, и на глазах у сидящих вдоль стены связанных товарищей Юсуф Назал отрезал ему половые органы, кровь широко расплескалась по полу. Йосеф мучительно умирал, корчась в огромной кровавой луже. Остальные в ужасе смотрели на его предсмертные страдания. Сами фedaины уже не могли выносить душераздирающих криков Йосефа и несколькими выстрелами прикончили его.

Слыша выстрелы и крики, Иван не выдержал и прыгнул с балкона второго этажа, рванулся в сторону дома израильтян, но сюда уже бежали со всех сторон полицейские, и они преградили ему дорогу, стали отпихивать и других спортсменов, оказавшихся равнодушными к ужасающим звукам, разорвавшим в клочья мирное сентябрьское утро. Через некоторое время стало известно, что совершенно нападение террористов и в заложники захвачено большинство членов олимпийской сборной Израиля. Сумели сбежать и спастись лишь некоторые — глава делегации Шмуль Лалкин, два медика команды, стрелки Генри Генрикович и Зелиг Строч, фехтовальщики Дан Алон и Иегуда Вейсенштейн. Спринтерша Эстер Шахаморов и пловчиха Шломит Нир находились в другом месте олимпийской деревни, а два яхтсмена и их менеджер и вовсе благополучно пребывали в Киле, где проводились соревнования по парусному спорту.

В руках у фedaинов оказались одиннадцать человек — штангисты Зеев Фридман, Йосеф Романо и Давид Бергер, борцы Элизер Халфин и Марк Славин, судьи Йосеф Гутфройнд и Яков Шпрингер, тренеры Андре Шпицер, Кеат Шор, Моше Вайнберг и Амицур Шапира. Из них двое — Романо и Вайнберг — были уже мертвы. Тело Вайнберга выбросили на улицу, дабы ни у кого не оставалось сомнений в серьезности намерений террористов. Обезображенное тело Романо фedaины держали на глазах у заложников для устрашения.

Таким оказалось утро пятого сентября. Первый месяц осени из светлого стал черным. До закрытия Олимпиады оставалось пять дней.

С тяжёлым чувством Иван отправлялся в то утро на соревнования. Ходили слухи, что Олимпиаду отменяют, но на экстренном заседании Международного олимпийского комитета было принято решение не делать такого подарка террористам. Игры были лишь на несколько часов задержаны.

Иван старался не думать о ночных и утренних ужасах, настраивал себя на борьбу. Папа наставлял:

— Не расслабляйся, делай над собой усилие. Лёгкие победы — коварные!

С монгольским крабом Шарьгин расправился за восемнадцать секунд. Перевернул, повалил, уложил на лопатки. Папа неподалеку вопил:

— Восемнадцать секунд, Ваня! Восемнадцать секунд!

А у Ивана в ушах ещё стоял ночной страшный вопль Гутфройнда.

В то время, как он клал на лопатки монгола, в олимпийской деревне фedaины выставили свои требования — освободить из израильских тюрем две с половиной сотни палестинцев и ещё нескольких радикалов, находящихся в немецких тюрьмах. Им предложили огромные деньги, но они, естественно, отказались. Когда они выбросили тело Вайнберга, Олимпийские игры были остановлены на двенадцать часов. Спортсменам рекомендовали провести время не в олимпийской деревне.

Катя в Красношарске сидела перед телевизором и бормотала:

— Только ты не лезь, куда тебя не просят. Я ж тебя знаю, хабреца! Тебе всегда больше всех надо.

А Иван в это время гулял вместе с Шустиковым и Папой по Мюнхену, в Английском парке они спасали от голода тамошних лебедей и уток, во вращающемся ресторане башни Олимпийского парка спасали от голода самих себя, особенно Папу, который ел за троих, но всё равно ворчал:

— Вкусно, но разве это может сравниться с пельменями моей царицы Тамары!

В Галерее красавиц дворца Нимфенбург Папиашвили выказывал недовольство уже по поводу женщин:

— Разве это красавицы? Это какие-то ёлки-пальки, а не красавицы!

Взять хотя бы мою царницу Тамару. Или Ванькину Катюшку. Вот где красавицы, а это что? Ты, Броневичок, когда женишься?

— Когда-когда... Вы всех расхватали уже, ёлки-пальки!

В шесть часов вечера фedaины потребовали немедленно предоставить им самолёт для перелета в Каир. В восемь к дому израильской команды подогнали автобус, террористы и заложники переместились в него и поехали к двум вертолётам, пересели в вертолёт и полетели на аэродром военно-воздушной базы НАТО в Фюрстенфельдбрук, где их ожидал самолёт Боинг-727. Там с одиннадцати часов вечера до половины второго ночи разыгрался финал трагедии. Спецоперация по освобождению заложников провалилась. Все заложники погибли. Пятеро фedaинов были убиты, трое взяты в плен.

По телевизору сначала сообщили, что операция прошла успешно, и все заложники благополучно освобождены. Иван, дождавшись этого известия, лёг спать и мгновенно уснул. Утром лицо у Папы было хмурое:

— Не хотел тебе говорить, но лучше сейчас, чем ты узнаешь перед схваткой. Они все погибли.

— Кто?

— Евреи, кто же ещё!

— Так вчера же сказали...

— Сказали-мазали! Наврали, чтобы ты специально лёг спать спокойно и выпался. А потом сказали, что нет. Всем кранты, короче.

— И Славин погиб?

— Погиб.

— И Халфин?

— И он.

— Хорошие ребята... Были.

— Ай, слушай!.. Нечего было в Израиль улепётывать. Отщепенцы!.. Жалко, конечно. Я с ними тоже общался. Весёлые были, юморные, ёлки-пальки!

В этот день Ивану предстоял бой с венгром Ласло Дюлаи. Славный мальшй, ещё недавно ходил с Шарыгиным по Будапешту, показывая красоты своей любимой столицы, и вот теперь — прости, Ласло! — пришлось валить его, класть на лопатки, лишать возможности выйти в финал и бороться за золото Олимпиады. Но таков спорт.

— Полуфинал, Ваня! Два шага до золота! — подбадривал Шарыгина Папиашвили.

И вот уже до золота — один шаг. Завтрашний финальный поединок с болгаринoм Пеневым.

Вечером Иван и Папа сидели в баре. Папа пил пиво, Иван — коктейль из свежеежыкатых соков. По телевизору показывали кадры гибели израильских спортсменов на взлётной полосе аэропорта.

— Ну, как можно было так бездарно провести операцию по освобождению! — кипятился Шарыгин.

— Ты не об этом сейчас думай, а о том, как завтра в финале будешь класть болгарина, — беспокоился о нервной системе своего подопечного Папиашвили.

— Полагалось бы вообще закрыть на хрен Олимпиаду после такого.

— Ещё чего! Ты что, не хочешь стать чемпионом?

И Иван стал. На первой же минуте финального поединка положил Тодора Пенева на лопатки. Бесспорное, безупречное чемпионство. На семь поединков полагалось шестьдесят три минуты, по девять минут на каждый. Шарыгин уложился в восемь минут и сорок секунд, затратив в среднем на каждого соперника чуть больше минуты. Такого никто не ожидал. Такого никогда нигде не бывало.

— И не будет, Ваня, и не будет, ёлки-пальки! Ты хоть понимаешь это? Ферштейн! — кричал Папа, выбежав на яичницу-глазунью поздравить чемпиона.

— Ферштейн, ферштейн... — И Иван, подняв над собой Папу, как огромный приз, понёс его над Мюнхенским стадионом на вытянутых руках и так сошёл с ковра.

Зал искренне и тепло рукоплескал в восторге от небывалого рекорда. Поднимаясь на верхнюю ступень пьедестала, Иван, как всегда, смотрел вниз, будто стеснялся, что не дал другим стать чемпионами. И вот на шее у него — золотая медаль чемпиона Олимпийских игр!

Вечером последнего дня соревнований по борьбе вылезла усталость, скакались волнения и тревоги. Иван в семь часов добрался до своего номера, рухнул и заснул крепким сном.

Папа был огорчён. Ему приходилось одному гулеванить. Он купил себе клетчатую куртку, клетчатую шляпу, и эдаким грузинским ковбоем вошёл в лучший мюнхенский пивной ресторан “Шпатенхаус” на Макс-Йозеф-плац. Ресторан был полон, все пили пиво из небольших, больших и очень больших кружек.

— Уважаемые! Есть кто-нибудь, кто говорит по-русски?

К нему подбежал услужливый официант:

— Да, гофорию, чут-чут.

— Чут-чут, уважаемый, пишется с мягким знаком.

Бумажник Папы раскрыл два чёрных крыла, подобно орлу на гербе Федеративной Республики Германии. Из крыльев выпорхнули дойчмарки в значительном количестве.

— Угости людей от моего имени. Скажи, пусть выпьют за олимпийского чемпиона Ивана Шарыгина!

— Не вольнуйтесь, все сделаю.

— А не вольнуйтесь, уважаемый, пишется без мягкого знака.

Папа — кум королю, сват министру! — уселся за отдельный столик, шляпу не снял, а залихватски сдвинул на затылок. Ему принесли блюдо с сосисками, рульку, огромную кружку пива, которую он горделиво поставил себе на пузо и стал смотреть, как официант разносит пиво гостям ресторана, объясняя им, что да как. Гости оживлялись, улыбались, смотрели на Папу, поднимали свои кружки в его сторону. Он тоже поднимал свою кружку в их сторону, отпивал и снова ставил пиво себе на круглый живот.

— Russisch Iwan! Hoch! — кричали немцы.

— Хох! Ещё бы вам не хох! Ёльки-пальки!

Итальянцы, конечно же, не те древние римляне, покорившие всех близких и дальних соседей и ставшие одним из самых знаменитых и прославленных народов мировой истории. Доведись тем римлянам участвовать в Олимпийских играх, они бы, конечно, задали всем перцу, золотые медали гребли бы лопатами. И хотя каждый итальянец считает себя потомком римлян, до тех славных мужей они не дотягивают. Впрочем, и полного позора своим предкам не доставляют: на каждой Олимпиаде непременно заслуживают и золотые, и серебряные, и бронзовые медали. В Монреале итальянские спортсмены завоевали две золотых, семь серебряных и четыре бронзовые награды, так что трёхкратный олимпийский чемпион по прыжкам в воду Клаус Дибiasi мог с честью нести зелёно-бело-красное полотнище Итальянской республики.

А Иван продолжал давать интервью журналистам. Немец развивал свою мысль, начатую в первом вопросе:

— Also, в Мюнхене вы установили мировой рекорд, когда победили семь борцов за восемь минут сорок секунд. Но здесь, в Монреаль, чтобы стать чемпионом, вам пришлось подолгу бороться с каждым соперником. О чём это говорит? Вам двадцать восемь лет, и вы стали слабее?

Иван усмехнулся:

— Я бы так не сказал. Просто соперники стали сильнее, чем в Мюнхене.

Папа возмутился:

— Да не в этом дело, шени!.. Просто Иван накануне соревнований получил серьёзную травму...

Он не договорил, потому что Павлушин больно пнул его носком ботинка по щиколотке.

— Георгий Михайлович! О чём это вы?

— Вай мэ! — поморщился Папиашвили. — Теперь, кажется, у меня будет серьёзная травма.

— Вы хотите сказать, что господин Шарыгин был травмирован? — оживлённо спросила журналистка-итальянка.

— Да, — заявил Иван. — Это была тяжелейшая душевная травма. Прямо накануне начала Олимпийских игр мне сообщили, что у меня дома умер мой любимый домашний медведь.

Павлушин и Папиашвили с удивлением посмотрели на Ивана и еле сдержались, чтобы хором не заржать. Медвежья тема у Ивана в разговорах с иностранцами была любимейшая. Про медведей он мог им врать километрами.

Журналисты переглянулись, не то в недоумении, не то в недоверии.

— Это правда? — спросил англичанин с Би-би-си.

— Да, к сожалению, это правда, — горестно вздохнул Иван, едва сдерживая лживые рыдания. — Он был мне больше, чем друг и брат. Я вырос с ним вместе. Был бы он человек, мы бы и в школу с ним ходили, и в спортивную секцию.

— Мед-вед?! — округлила свои и без того круглые глаза итальянка.

— Иван так переживал, слушай, что из-за этого плохо кушал. И не мог действовать столь же стремительно, как в Мюнхене. О чём речь может быть, ёлки-пальки!

— Bullshit. Вы это только теперь придумали? — задал свой вопрос сидящий за спиной итальянки канадец в бейсболке с низко надвинутым козырьком.

— Можете верить, можете — нет. Главное, что золотая медаль у меня в кармане.

— Мне кажется, про медведя это шутка, — важно сказал англичанин. — Но я хочу спросить о другом. Есть информация, что вам доверено нести флаг на закрытии. Почему именно вам, а не Герману Николаеву? Он завоевал семь золотых медалей, а вы только одну. Где же справедливость?

— Я бы сам отдал Герману право нести знамя родной страны, но все проголосовали за мою кандидатуру, и я не могу отказаться. Это такая великая честь!

Когда из Мюнхена Шарыгин и Папиашвили прилетели в Москву, там их встречали в единстве с остальными советскими спортсменами, оваянными славой, завоевавшими пятьдесят золотых медалей. Для сравнения: американцы получили тридцать три, немцы ГДР — двадцать, немцы ФРГ, хозяйка Олимпиады, — тринадцать. А в общем медальноном зачёте нашим не хватило всего одной медали до ста. Конечно, Ивана, как установившего невиданный рекорд скорости в поединках на ковре, тоже чествовали, но главным советским борцом оставался по-прежнему Александр Медведь, который, завоевав третью олимпийскую золотую медаль в супертяжёлом весе, поцеловал мюнхенский ковер и эти поцелуем простился со спортивной карьерой, готовя себя уже к тренерской работе.

А вот когда прилетели в Красношарск, здесь Папу и Ивана ждал такой триумф, о каком они и не мечтали. Шустиков был при них, но он в своём легчайшем весе не дотянул в Мюнхене даже до полуфинала, и теперь держался в тени двух триумфаторов. Выйдя из самолёта на трап, Папиашвили и Шарыгин увидели море народу в аэропорту, плакаты со своими изображениями. Иван жадно прочёсывал лица толпы в надежде увидеть Катю, как грибник всматривается в густоту леса, мечтая о белых и подберёзовиках.

А Катя в это время с огромным букетом красных гвоздик пыталась пробиться сквозь толпу возле перекрытого моста.

— Пустите меня! Да пустите же!

— Куда вы лезете, девушка? Не видите, какая толпа? Всё отцеплено, — осаживал ее милиционер.

— Я жена Шарыгина! — отчаянно крикнула ему Катя.

— Я тоже! — громко сказала одна из женщин в толпе.

— И я! — воскликнула другая.

— И я! И я! — уже со смехом кричали ещё две самозванки.

— Но я правда его жена! — чуть не плача, задышалась от обиды Катя.

— Ты школу-то окончила, девочка? — спросила самая первая из самозванок.

— Окончила. В этом году.

— Иди тогда сначала институт окончи.

— Вот дуры-то!

— Сама ты дура!

— Ещё и обзывается.

— Гляньте на неё!

— Наподавать нахалке!

А боги-олимпийцы уже ехали в машине, глядя на толпы восторженных болельщиков и стадион, на котором висели огромные изображения Шарыгина и Папиашвили. Папа сидел на переднем сиденье, мурлыкал котом, почёсывал свое пивное пузко.

— Совсем обалдели, ёлки-пальки! Как будто мы с тобой два Гагарина, слушай!

— Хуже! — квакнул Шустиков, сидя рядом с Иваном на заднем сиденье. — Как Маркс и Энгельс.

— Тогда уж лучше, как Сталин и Жуков, — счастливо засмеялся Папа.

— А мне как-то не по себе, — вдруг с грустью промолвил Шарыгин.

— Это ещё почему? — удивился Шустиков. — Ликуй, Ваня! Звёздный час, ёт-тьть!

— А помните, как в фильме “Мёртвый сезон” толпа встречает спортсменов? — усмехнулся Иван.

— Ага, а наш шпион проходит незаметненько, — сказал Броневинок.

— А ведь он, быть может, больше пользы родной стране принёс, — сказал Шарыгин. — Кто знает, может, вместе с нами в самолёте летел какой-нибудь учёный, который изобрёл нечто такое, за что его до самой смерти люди планеты Земля должны на руках носить. А он вышел себе незаметненько, поднял воротничок плащика и почапал себе в свою скромную квартиру. Или даже в свою лабораторию, где он и дноет, и ночует.

— Оставь эти мысли на потом, Ваня, — посоветовал Папа.

Наконец, машина вырулила на мост через Енисей. Он был перекрыт и усеян набросанными цветами.

— И впрямь, как будто Гагарина и Титова встречают! — шмыгнул носом Шустиков и передразнил Папу: — Вот ёлки-пальки!

И тут Иван увидел в толпе возле моста зажатую со всех сторон Катю. Она махала букетом гвоздик, слёзы отчаяния бежали по её лицу.

— Стой! — крикнул Иван. — Останови машину!

Шофёр испуганно резко затормозил, так что Папа едва не втемяшился лбом в лобовое стекло.

— Ш-ш-шени! — возмутился Папиашвили, оглянулся назад и увидел, как Иван выскакивает из машины, как ему навстречу бежит Катя, а он бежит к ней, как они сталкиваются друг с другом, а красные гвоздики рассыпаются по мосту, и без того усыпанному цветами.

— Будто в кино, слушай! — засмеялся Папа.

— Точно, ёт-тьть! — фыркнул Броневинок, одновременно с восхищением и с завистью. — А ведь девчонка-то моя должна была быть. Ванька, стервец, отбил.

А Иван уже схватил Катю на руки, закружил её:

— Катюша! Катюша моя!

Побежал к машине, неся ее на руках. Шустиков распахнул пошире дверцу:

— Давай её к нам сюда в скобочки.

Иван бережно усадил жену между собой и Броневинок.

— Трогай! Да с бубенцами!

Машина рванулась с места в карьер и понеслась дальше по восторженному Красношарску.

— Правда, что ли, жена? — переглядывались женщины, не верившие Кате.

— Получается, так.

- А пигалица-то, Госсподи!
- Не мог, что ли, чемпион поядрнее найти себе?
- Видно, что не наша, не сибирская.
- Наши более интересные.
- А эта — мелочь какая-то.
- Да жена она, жена! Я его с ней видела, ребёночек у них, девочка, годика ещё нет.

Зная Ямайки вполне соответствует карибскому темпераменту — жёлтый крест, слева и справа от него — чёрные треугольники, сверху и снизу — зелёные. Дональд Кворри, кудрявый чернокожий бегун с пышными бакенбардами, похожий на танцора Бобби из популярной в то время диско-группы “Бони М”, в Монреале завоевал для своей Ямайки сразу две медали — золото на дистанции двести метров и серебро на стометровке, в которой оставил позади себя нашего Быстрицкого, несмотря на его быструю фамилию. И на закрытии Олимпиады Дональд со слезами счастья нёс знамя родного острова.

Папа глянул на часы. С момента начала интервью прошло всего четыре минуты, а Иван уже стал беспокойно оглядываться. В комнату заглянул Шустиков.

— Лёня, не пора нам там? — тотчас отреагировал на его появление Шарьгин.

— Нет ещё, — ответил Броневинок и скрылся, а Павлушин пулей выскочил за ним следом, схватил за локоть:

— Леонид! Секундочку. Это очень важно. Надо, чтобы Иван не знал, когда придёт время выходить нашей сборной. Понятно?

— Ах, вот оно что... Понятно. Конечно, понятно, Павел Сергеевич. Это вы правильно. Эх, молодец же вы!

И маленький Шустиков от души прижался к тучному Павлушину. Тот, довольный, что получил ещё одного участника заговора во имя спасения Ивана, поспешил вернуться в атмосферу Иванова интервью. Там итальянке не давал покоя медведь:

— Вы сказали, ваш друг был медвед. Как много медвед в России?

— Огромное множество, — веселился Иван. — Больше, чем людей. Особенно у нас, в Сибири. Летом они ещё ничего, по лесу бродят, а зимой наглеют, прутся в города, шастают по улицам, лезут в трамваи, автобусы, в подъезды домов, в окна. На первом этаже лучше не жить. Человек спешит на работу, входит в автобус, а там — одни медведи. Приходится их вышвыривать. — Иван жестами показал, как вышвыривают медведей.

Папа громко заржал:

— Вот, шени!

Журналисты рассмеялись, понимая, что он шутит. Кроме итальянки — она всё воспринимала всерьёз.

— Это правда? Или вы шутит?

— Какие тут шутки, — не моргнув глазом, серьёзно заговорил Шарьгин. — Это огромная проблема. Скоро медведей у нас будет, как китайцев. А отстреливать их нельзя.

— Bullshit! — фыркнул канадский журналист.

— Теперь нас ещё обвинят в плохом обращении с животными!.. — вздохнул председатель Комитета по физкультуре и спорту.

Из аэропорта олимпийцев привезли в крайком партии, где их встречал новый первый секретарь Занозенко. Предыдущего добавили в состав секретарей ЦК КПСС и перевели в Москву. Встречая Ивана и Папу, Занозенко говорил, что их подвиг должен лечь в основу великого обновления Красношарска, превращения его в крупнейший культурный и спортивный центр всего Советского Союза. За развитием спортивных школ и строительством нового стадиона последует создание своего симфонического оркестра, театра оперы и балета, киностудии, института искусств, хореографического училища, училища живописи и скульптуры, архитектурного института, музея изобразительных искусств, музея истории Сибири, грандиозного парка культуры и отдыха...

— И своего космодрома, с которого мы с тобой полетим на Марс, — шепнул Иван Кате, и та, готовая от счастья смеяться по любому поводу, громко приснула как раз в тот момент, когда Занозенко обещал создать в Красношарске Всемирный центр здравоохранения. Он приумолк, посмотрел на Катю и сказал:

— Конечно, молодёжи не верится, что можно болеть, стареть, что нужно заботиться о своём здоровье. Оно у них и так фонтанирует, как смех, изо всех щелей. Но вот вы, девочка, скоро выйдете замуж, захотите родить. А я вам тогда скажу: “Добро пожаловать в наш Всемирный центр здоровья, где самые лучшие акушеры и гинекологи!” Что вы мне тогда скажете?

Катя, ничуть не смущаясь, ответила:

— Я скажу вам, Сергей Прокопович, большое спасибо! Я, Екатерина Шарыгина, уже имею одного ребёнка, девочку, и торжественно обещаю родить второго, на сей раз мальчика.

Катя обещала неспроста — с июля она уже носила его в себе.

— Ты что... Вы — жена Шарыгина? Какая прелесть! — засмеялся Занозенко.

К золотой медали советское правительство добавляло олимпийцам денежную премию, весьма солидную, на которую можно было тогда купить двухкомнатную квартиру. Первый секретарь Красношарского крайкома партии добавил ещё и на третью комнату. Так что Шарыгины, никогда не бедствовавшие и доселе, теперь стали совсем богачами.

В один из первых дней после возвращения из Мюнхена рано утром Иван уложил все деньги на большой поднос, так что получилась солидная горка, украсил этот денежный торт тремя золотыми медалями — СССР, Европы и Олимпийских игр, встал на четвереньки и, взяв поднос в зубы, принёс его Кате, которая ещё нежилась на постели. Катя покатила со смеху — до того это было смешно.

— Постой, постой! — Схватила фотоаппарат, щёлкнула. — Вот это снимочек! Сегодня же отправим в “Советский спорт”.

— Не напечатают.

— Почему?

— Ну, я же теперь депутат.

Неугомонный Занозенко мгновенно привлёк олимпийского чемпиона к общественной деятельности, Шарыгина избрали депутатом Красношарского городского совета. Поначалу он думал: “На фига мне это?” — но вдруг вошёл во вкус, понравилось работать с людьми, выслушивать их просьбы, вникать в нужды, стараться помочь. Писать в инстанции, звонить, что-то доказывать, пробивать и чувствовать себя действительно полезным людям — всё это увлекло Ивана, и он резко сократил количество тренировок: один, максимум — два раза в неделю. Папиашвили возмутился:

— Накапливать силы и умение нужно долго, а растеряешь накопленное в два счёта.

— Немного отдохну от прежнего диктаторского режима и снова вернусь в него, обещаю, — отмахивался Иван от назойливого тренера.

Эпоха смены диктаторского режима на полный либерализм продолжалась всю послеолимпийскую осень и зиму. Первый звонок прозвенел, когда на чемпионат Европы в швейцарскую Лозанну вдруг отправили не Ивана, а его вечного соперника Гулебенко. Объяснили тем, что сразу за Европой предстоит кубок мира в Америке, и уж туда отправят Ивана.

Папиашвили ругался:

— И ты поверил? Просто Вася Гулебенко сейчас в лучшей форме, он тренируется, в отличие от некоторых. И в Америку тебе незачем ехать, провалишься с треском, меня опозорить.

Гулебенко в Лозанне стал чемпионом Европы, а Иван поехал в Америку, не провалился и не опозорил, а стал обладателем кубка мира по вольной борьбе, доказав всем несусветную глупость, что можно побеждать, и не особо тренируясь.

Тоledo, как известно, стариннейший город Испании. Но есть Тоledo и в североамериканском штате Огайо на границе со штатом Мичиган. Стан-

дартный американский город с небоскрёбами, которые со стороны озера Эри выглядят, как вертикально расставленные на краю стола доминошки. Ещё до Второй мировой войны здесь было построено первое в мире здание, полностью покрытое стеклом.

Кубок мира по вольной борьбе впервые состоялся в Стамбуле, затем был проведён в Болгарии и заглох на пятнадцать лет. И вот его решили воскресить.

Апрель в американском Толедо оказался дождливым. Гуляли в куртках под морозящим дождём. Папа вообще поначалу не хотел ехать, но потом плонул:

— Что с тебя взять, поеду. Тренер должен быть рядом и в минуты торжества своего воспитанника, и в минуты его ёлки-пальки.

Американским Шарыгиным в те времена был ровесник Ивана, могучий яноглазый парень с красивым именем Рокуэлл Эриксон, сокращенно Рокки, что значит “Скалистый”. Не случайно и фильм потом выйдет с главным героем под таким же именем, с Сильвестром Сталлоне в главной роли. На чемпионате мира в Софии, куда Шарыгина не взяли из-за провала на Спартакиаде, Эриксон выступал в полутяжёлом весе и завоевал бронзу. В Мюнхен он не попал, потому что получил травму, и в отборочных соревнованиях уступил Питеру Бенсону, ставшему олимпийским чемпионом в полутяжёлом весе. Теперь Рокуэлл, как и Шарыгин, перешёл в тяжёлый вес, он набрал форму и считался самой яркой звездой американской вольной борьбы.

С Шарыгиным они сошлись как-то просто и сразу. Иван уже бегло говорил по-английски и стал учить нового приятеля русскому языку, который тот на удивление легко схватывал. Бывает такое — встретишь человека, и сердце мгновенно распахнётся ему навстречу. Рокки обаял Ивана своей открытостью, добродушием, весёлостью. Гуляя по элитным кварталам Толедо, Иван небрежно бросил:

— У нас по телевизору любят повторять: “Америка — страна контрастов”. Мол, за фасадами небоскрёбов скрываются труппы бедняков. Врут?

И Рокуэлл простодушно ответил:

— Не врут. Пойдём, покажу.

И повёл Ивана и Папу показывать кварталы бедноты. И действительно, оказалось, что есть такие, с нечистыми улочками и переулками, с выбитыми стёклами окон, с детьми в обносках и даже натуральными алкашами. А то, что Рокки не постеснялся привести сюда представителей враждебного социалистического лагеря, ещё больше расположило Ивана к нему. Настолько, что на тренировке Шарыгин стал показывать Эриксону все свои секретные приёмчики. Папа от негодования кипел и клочкотал, как воды Арагвы и Куры, вместе взятые. Даже после тренировки Ваня, гуляя по берегу озера, не переставал обучать Рокуэлла. Рокки ликовал:

— Я не знал, что русские ребята такие классные!

А Иван:

— Вот, глянь, какой у меня ещё есть приём.

И показывал. Рокки и сам удивлялся:

— Супер! А ты не боишься раскрывать мне свои секреты?

— Секреты, секреты... Боюсь, говоришь? А, чепуха, не боюсь! — смеялся Иван.

Панишвили схватил его за локоть:

— Ну-ка, сынок, отойдём на минутку!

И, отведя сынка на некоторое расстояние, шипел, как открываемое шампанское:

— Иван, ну, ты и олух! Простодырый! Готов каждому встречному-попечечному всё отдать. Ты эти приёмы вырабатываешь в долгих и мучительных тренировках и за так разбазариваешь. Стратегически это неправильно, ёлки-пальки! Гляди, как поступает Саша Медведь:дохнуть не даёт молодым борцам. А ты? Ты сам приучаешь своих потенциальных соперников к мысли о том, что тебя можно победить.

Иван нарочно в ответ сделал глуповатое лицо:

— А чо? Пусть парни учатся... Человек, если он человек, должен уметь не только брать, но и отдавать. Правда, Рокки?

Эриксон расплывался в своей очаровательной улыбке:

— Правда. Карашо.

— Конечно, карашо! Ещё бы тебе не карашо! Всё равно я тебя повалю, даже если ты все мои приёмы узнаешь. О'кей?

— О'кей, — смеялся Рокуэлл.

— Конечно, о'кей! Всё у нас будет о'кей.

Ивану особенно весело было в финале розыгрыша кубка мира победить Эриксона после того, как он сам же раскрыл американцу свои секреты. И он победил его. Несмотря на все трагические опасения Папы, который только разводил руками от удивления, видя, как его подопечный, почти не тренировавшийся всю зиму, непринуждённо кладёт всех своих соперников одного за другим на лопатки. В финале Шарыгин сошёлся именно с Эриксоном.

— Ну, теперь пожинай плоды своего головоулетства! — горевал Папа.

Но применить Ивановы приёмы против самого Ивана Рокуэллу не удалось. Иван со смехом подавливал его и в итоге без особого труда справился, поиграв, как кошка с мышкой. Видя, как Шарыгин кладёт Эриксона на лопатки, Папашвили рычал сильнее водопада:

— Вотри его в ковёр, Ваня!

И Иван втрё. Блистательная и безоговорочная победа! Даже американцы, остервенело вопившие в поддержку своего земляка, теперь стоя, уважительно аплодировали рыжему русскому Ивану, сияющему в свете прожекторов капельками пота. А тут ещё и рояль в кустах: Осетинский Пирог, исполнин супертяж Алан Сосланов поднёс Ивану на блюдечке телеграмму. Бросив на неё взгляд, Шарыгин вскинул кулаки к небесам:

— Сыбыын! У меня сын родился!

Он прижал телеграмму к сердцу, затем поцеловал её и крикнул уже на чистом английском:

— My son is born! I have a son! This is my prize!

И теперь уже ему аплодировали бешено, восторженно, как своему. Рыжий русский Иван навсегда завоевал сердца американцев, как когда-то Чкалов, перелетевший из СССР в Америку, и в ответ на оглушительный свист засвистел громче и пронзительнее всех.

Получая из рук организаторов соревнований приз в виде метровой серебряной фигуры борца на красивой деревянной подставке, Шарыгин поднял его высоко над головой и сказал:

— Thank you, America! — И повторил по-русски: — Спасибо тебе, Америка!

Белое знамя с красным кругом красноречиво свидетельствует, что принадлежит оно Стране Восходящего Солнца. Японский император считается потомком самой богини солнца Аматэрасу. Японцы — народ гордый и воинственный. Даже странно, что они так униженно и позорно кланчат вернуть им Курильские острова, стремительно завоеванные в 1945 году нашим доблестным десантом. По законам воинской чести они должны не выпрашивать их, а столь же доблестно отвоювать.

На Олимпийских играх японские спортсмены всегда проявляли мужество и мастерство, завоевывали множество наград. Монреаль не стал исключением — девять золотых, шесть серебряных и десять бронзовых медалей. И — пятое место в общекомандном зачёте.

Но больше всех поразил и восхитил монреальских болельщиков и зрителей японский гимнаст Сун Фудзимото. Во время командных соревнований он вывихнул колено и никому ничего не сказал. Преодолевая боль, Фудзимото продолжил выступления на коне и на кольцах. В финале идеально прыгнул с колец на обе ноги, выпрямился... и лишь после этого упал, корчась от боли. Благодаря его золоту японская сборная по гимнастике обошла советскую.

Глядя на флаг родной страны, сидящий на трибунах борец Юкио Кагаяку встал и поклонился. Сел и с гордостью смотрел на своих соотечественников. Кагаяку имел полное право гордиться ими. А вот они им — нет.

Он родился в тот самый день, когда у рыжих демонов, как японцы называют русских, умер их великий вождь Сталин, перед которым капитули-

ровал сам император Хирохито Сёва, чьё имя означало “изобилие, добродетель и просвещённый мир”. То, что ребёнок родился в день смерти Сталина, родители сочли предзнаменованием его великого будущего и назвали малыша Юкио — Сияющим. А вместе с фамилией Кагаяку и вовсе получалось красиво: Сияющий избранник богов. Это с детства настраивало его на первенство среди других мальчиков. И он рос сильным, смелым, решительным. Вскоре определилось, что быть ему борцом вольного стиля. В сорок седьмой год правления императора Хирохито Юкио Кагаяку в тяжёлом весе не было равных. Он стал чемпионом Японии и не сомневался, что на чемпионате мира в Тегеране станет чемпионом земного шара.

Вот вам тема: самого лучшего японца, призванного стать чемпионом мира, походя ломает полудикий русский медведь.

Когда в самом начале состязаний чемпионата мира в Тегеране ему достался Шарыгин, Юкио подумал: “Так даже лучше. Я свалю его и следующие мне будут по плечу”. Ему было наплевать на достижения рыжего демона, причём не слабые: чемпион Европы, чемпион Олимпийских игр в Мюнхене, первый чемпион Кубка мира в американском Толедо. Кагаяку ни на миг не сомневался, что с сияющей победы над Шарыгиным начнётся его восхождение к сверкающим и белоснежным вершинам славы.

В третий день сентября он приехал в столицу Ирана, поселился в отеле “Интернейшнл”, широко распахнул окно и выглянул наружу, слегка высушившись. Ему почудилось, что он на вершине горы, под ним в долине — город, мириады огней до самого горизонта. А люди такие маленькие, как муравьи. Кагаяку посмотрел направо и увидел в соседнем окне высунувшегося Ивана. Тот заметил японца, подмигнул ему, улыбаясь, помахал рукой и продолжил разглядывать город с таким видом, будто это он, а не Юкио, самый великий японец во всей Вселенной. Но в то же время Юкио подметил, что рыжий демон совсем не такой страшный. Мягкий. Никакой жёсткости. Будто облако. Его можно и нужно одолеть! В Мюнхене он клал соперников на лопатки за считанные секунды. В Тегеране в схватке с Юкио этого не должно было случиться. Не могло случиться. Кагаяку мечтал, как он повалит Ивана в финале чемпионата.

Но по какому-то небесному недоразумению Иван достался японцу в самом первом поединке. Проиграть в самом начале было бы высшей несправедливостью для Кагаяку Юкио! Всё произошло так быстро, что Сияющий избранник богов не сразу успел охватить мыслью случившуюся беду. На пятнадцатой секунде рыжий демон, использовав бросок-обвив, легко и непринуждённо подбросил Кагаяку в воздух и сразу же положил на обе лопатки. Он расправился с ним быстро и непринуждённо, словно и не заметил его. Так люди отбрасывают мимоходом лежащий на пути мусор. Так, не задумываясь, крестьяне выпальвают сорняки. И сколько бы Юкио потом ни говорил себе, что поражения лишь делают нас сильными, в тот день Иван сломал и растоптал всю его жизнь. Шарыгин именно убил его в тот день начала осени. Когда в Тегеране стояла нестерпимая жара. С тех пор Сияющего избранника богов не стало.

На следующий год после Тегерана чемпионат мира состоялся в Стамбуле. Весь год Кагаяку готовился, уверенный, что судьба снова сведёт его с Шарыгиным, и на сей раз он, а не Иван, одержит блистательную победу. На тот стамбульский чемпионат приехала сильная японская сборная. Юджи Такава стал чемпионом в лёгком весе... А вот Иван Шарыгин на это соревнование не приехал. Вместо него в тяжёлом весе блистал Василий Гулебенко, вечный соперник Ивана. Кагаяку сошёлся с ним в предварительном поединке, и настойчиво сопротивлялся. Но Гулебенко оказался победителем. Тогда Юкио окончательно понял, что год назад в Тегеране Иван Шарыгин сломал его навсегда.

И Кагаяку возненавидел его. Он решил, что должен отомстить ему. И всем русским. За то, что отец Юкио попал к ним в плен в сорок пятом году и едва не умер от голода и холода в их проклятой Сибири. Отец вернулся с обмороженными пальцами и не мог хорошо зарабатывать. Семья Кагаяку всегда жила впроголодь. А когда Юкио было десять лет, отец умер, потому что надорвал своё здоровье в русском плену.

После Стамбула на другой год чемпионат мира был в Москве. Сияющий избранник богов на него уже не попал. Потому что сломался. А Иван на этом чемпионате тоже оказался в качестве зрителя, потому что накануне в Спартакиаде народов СССР занял всего лишь третье место. И тем самым ещё больше разозлил Юкио! Он твёрдо и сурово постановил, что поедет на Олимпийские игры в Монреаль и, если рыжий демон будет в них участвовать, он, Юкио Кагаюку, там убьёт русского Ивана.

Вернувшись из американского Толедо, Иван ещё больше утвердился в уверенности, что ему можно и дальше не особо напрягать себя тренировками. Он наработал достаточный потенциал, дабы пока что не перенапрягать послушный и сильный организм.

То, что очередной чемпионат СССР впервые проводился в Красношарске, во многом было и заслугой Ивана, первого красношарского олимпийского чемпиона. Да и другие борцы здесь появились отнюдь не плохие. А Чашкин из Агабана привёз свою новую звезду — Вениамина Точилина.

Всё шло хорошо, как вдруг в один неприятный день мелькнула сама собой подлейшая мыслишка: а не заболеть ли? Проиграть в городе, ставшем для Ивана родным, Шарыгин не имел никакого права. Случись такое — позор на всю оставшуюся жизнь.

Перед Катей муж был, как тот стеклянный небоскреб в Толедо, — насквозь просвечивался.

— Ты что, опять трусишь?

— С чего ты взяла?

— Не сомневайся, я тебя, как на рентгене, вижу.

— Есть маленько.

И Иван поделился своими страхами. Катя на сей раз не стала ругаться, стыдить его, а вдруг просто положила руку ему на сердце, как телеграмму:

— Все будет хорошо, зэпэтэ, верь мне, тэчека.

И ему чудесным образом стало легко. И он победил.

Это был чемпионат во всех отношениях радостный, светлый. Почётному гостю, закончившему спортивную карьеру Александру Медведю сибиряки подарили медвежонка, и то, как великий супертяж весело трепал мишутку за ушком, стало своеобразным символом соревнований.

Помните, родители отправляли Катю в Красношарск, уповая на то, что там нет своего цирка. Теперь деятельный Занозенко в кратчайшие сроки построил здесь цирк, и чемпионат СССР проходил в этом новом просторном здании.

Первым чемпионом в полусреднем весе стал воспитанник Чашкина Точилин, в лёгком победил Шустиков. Знай, великая страна, нашу Сибирь! Теперь уж никак нельзя было проиграть. А в финале, как нарочно, Ивану опять достался невыносимый киевлянин.

Гулебенко превосходно подготовился к чемпионату. В течение всего поединка Шарыгин ничего не мог с ним поделать. Оба истекали потом, мышцы сделались скользкими. Все шло к ничейному результату. И вдруг Иван увидел сделанное Гулебенко неверное движение. Молнией вошёл в обратный пояс, подтянул тело наверх, напряг все оставшиеся силы и бросил Василия. Гулебенко увернулся, на лопатки не лёг, но славный рывок обеспечил Ивану сразу два балла, необходимых для победы.

От сильнейшего перенапряжения Шарыгин на несколько минут оглох и не слышал неистового рева трибун. Даже не сразу дошло — он снова чемпион СССР! Красношарск поздравлял своего третьего победителя. Взойдя на пьедестал, Иван со склонённой головой принял водружаемую ему на шею золотую медаль, затем медленно распрямился и посмотрел вокруг себя. Смотрите на меня, я вас не опозорил! А на одной из трибун развернули плакат: «В Красношарске живёт самый сильный человек мира — Иван Шарыгин!»

Ни один спортсмен Камбоджи не завоевывал олимпийских медалей. В Монреале Камбоджа уже выступала как Кампучия. К власти в этой стране пришли красные кхмеры под руководством диктатора Пол Пота. Сменился

и флаг — теперь это было красное полотнище с жёлтым силуэтом священного храма Ангкор-Ват. Ещё никто не знал, что в Кампучии уже начался неслыханный террор, людей убивают десятками тысяч, а красные кхмеры извлекают из убитых соотечественников внутренности и ритуально пожирают их. Тихо и незаметно прошли кампучийцы по дорожке Большого-О под своим красным флагом.

В такой же тишине следом за кампучийцами под своим чёрно-бело-красно-зелёным флагом прошла команда Кувейта, страны, отрезанной от Ирака. Сам Ирак в Монреальской Олимпиаде не участвовал, присоединившись к бойкоту, объявленному африканскими странами, которые требовали исключения команды Новой Зеландии, проводшей матч по регби в Южно-Африканской Республике.

За Кувейтом под красно-синим флагом с золотой короной незаметно прошли два спортсмена из Лихтенштейна.

А Иван Шарыгин продолжал давать интервью. Журналисты наседали. Особенно би-би-сишник:

— Есть мнение, что знамя доверено нести вам, а не Герману Николаеву, по другим причинам. Есть сведения, что вам лично симпатизирует Брежнев. Что вы на это скажете?

Иван усмехнулся:

— А сам-то Леонид Ильич об этом знает?

Разумеется, знамя Ивану доверили нести не из-за личных симпатий Генерального секретаря ЦК КПСС, хотя Брежнев действительно симпатизировал Шарыгину. Говорил о нём:

— Наш третий Иван.

— Простите, Леонид Ильич, а первый и второй кто?

— Шутите или вправду не знаете? Заикин и Поддубный.

Брежнев лично с удовольствием вручал Ивану орден Трудового Красного Знамени за победу в Мюнхене:

— Носи на здоровье. Красное знамя! Оно теперь у тебя на груди, Ванечка.

— И в сердце, Леонид Ильич, — красиво ответил Шарыгин.

— Это ты молодец! — похвалил Генеральный секретарь. — Партийный, надеюсь?

— А как же! Ещё в армии был принят.

Орден вручали в Кремле, когда Шарыгин приехал в Москву и в своем весе легко завоевал золото на соревнованиях Универсиады. Он ещё был студентом, заканчивал институт. А вскоре после Универсиады отправился на чемпионат мира в Тегеран. Папа ворчал, что с таким количеством тренировок там делать нечего, но Шарыгин не подтвердил опасений тренера и стал чемпионом мира. В первый и последний раз в своей жизни.

Жара в столице Ирана стояла несусветная. И ажиотаж вокруг чемпионата стоял несусветный. Всюду сновали полицейские с короткими карабинами, всюду обыскивали с ног до головы, опасаясь чего угодно, в том числе и от спортсменов.

Иранские болельщики поразили жестокостью по отношению к своим борцам. Те выступали неудачно, и всякий раз после того, как иранец оказывался на лопатках или проигрывал по очкам, на трибунах сначала наступало тягостное гробовое молчание, затем зрители взрывались от ненависти, будто на их глазах совершилось предательство родины, в несчастных неудачников летело всё, что попадало под руку: пустые бутылки, лимоны, апельсины, яблоки, и те уходили под градом различных предметов и фруктов. Один из иранских борцов, понимая, что ему не справиться с нашим грузином Зурабом Леванишвили, и вовсе отказался участвовать в схватке, не вышел на ковёр.

Шарыгин своих соперников щёлкал, как семечки. Первым — японца Юкио с фамилией, похожей на раскоряку, про которого говорили, что он восходящая звезда страны Восходящего Солнца. Чтобы положить его, Ивану хватило нескольких секунд.

— Звезда пока не взойшла! — пошутили Леванишвили.

Он восхитился Иваном, и они на том тегеранском чемпионате подружались. Зураб — весёлый, лёгкий в общении.

— В армии с такими хорошо, — повторил Шарыгин фразу из своего любимого фильма “Живёт такой парень”. Потом он как-то обронил:

— Зур, ты когда-нибудь бываешь серьёзным? Как наш Броневинок — что ни слово, то шуточки-прибауточки.

— Честно?

— Честно.

— Никогда не бываю. Спорт, борьба, это, конечно, хорошо. Но если слишком серьёзно ко всему относиться, скучно, брат. Самые большие глупости в истории совершались с самым серьёзным видом.

— Стало быть, самые умные поступки — с самым глупейшим, так? Ты когда в загсе расписывался, дурачком скакал?

— А кто сказал, что это был мой умный поступок?

— Да ну тебя! — со смехом отмахивался Иван.

На тегеранском чемпионате Зур всех удивил и восхитил. Завоевав золотую медаль по вольной борьбе в своём весе, подменил не приехавшего нашего борца самбо Лёвушкина и взял ещё одно золото. Причём положил на лопатки и придерживал положенные тридцать секунд американца Глостера, считавшегося несомненным фаворитом.

— Молодец Лёвушкин, что не приехал! — смеялся Леванишвили. — Он бы с Глостером не справился.

— А почему же ты справился?

— Сказать? Оказывается, Глостер с детства боится грузин. У него мать армянка вот с таких лет его пугала: “Смотри, Глостер, придёт злой грузин, он тебе покажет!”

— Да ладно врать-то!

В финале тегеранского чемпионата Шарыгин схлестнулся с крутым парнем из ГДР Рудольфом Штайнбергом. Немцы уже успели прозвать его Штайн Руди — Каменным Руди.

— Об этого каменного пацанчика ты как раз и разобьёшься, — пророчествовал Папа.

Но пророчества сбудутся позже, а тогда, в жарком сентябрьском Тегеране Иван сразу же, как танк Т-34, попёр на эту немецкую крепость, не дал тому опомниться и своим коронным приёмом — мельницей Шарыгина! — перевернул Каменного Руди и бросил его на лопатки.

— Можешь поехать и расписаться на Рейхстаге, — сказал Зураб.

— Рейхстаг на территории Западного Берлина, а Штайнберг — из Восточного, — возразил Шарыгин.

— Ваня, ты опять серьёзный? Будешь таким, Руди в следующий раз сам на тебе распишется.

— Спорим, не будет этого?

— Спорим! Если ты проиграешь, попросим Руди на тебе расписаться.

— А если ты?

— Тогда ты можешь поставить свою подпись на мне.

— В любом месте?

— В любом. Кроме спелеолога.

— Какого ещё спелеолога?

— Не понимаешь? Который по пещерам лазает.

— Договорились. Спелеолог может не опасаться.

Они хлопнули по рукам, Шустиков их разбил, спор был заключён.

— Ну, гляди, Ванюша, — погрозил пальчиком Броневинок. — С Каменным Руди ты про спелеолога не договаривался.

— Немцы — народ культурный.

Жителей великого герцогства Люксембург ошибочно приписывают к немцам. Да, действительно, говорят они на люксембургском языке, который почти немецкий. Но сами люксембуржцы себя немцами не считают, их девиз: “Мы хотим остаться теми, кто мы есть!” Когда в Германии к власти

пришёл Гитлер, Люксембург отказался войти в состав Третьего рейха. В начале Второй мировой войны гитлеровцы оккупировали великое герцогство, но храбрые жители оказали сопротивление, многие погибли, многие были казнены.

За всё время участия в Олимпийских играх люксембуржцы однажды завоевали серебряную медаль и однажды — бронзовую. В Монреале — ничего, но, тем не менее, пятеро спортсменов гордо несли сине-бело-красное знамя, всем своим видом показывая: “Мы всегда будем теми, кто мы есть!”

Француженка, произнося фамилию Ивана с ударением на последний слог, продолжила тему, заданную англичанином:

— Прошу ответить. Господин Шарыгин, вам поручено нести флаг потому, что вас повысили в партии?

— Как это?

— Ну, вам дали более высокие звание в коммунист партии?

— Нет. Просто за меня проголосовала вся команда.

Англичанин разозлился:

— Не надо! Мы прекрасно знаем, как всё это делается у вас в стране. Можете не отвечать на вопрос моей коллеги. Скажите про другое. Известно, что после Олимпик более половины советской команды хочет остаться в Канада. И это правильно. Люди хотят жить в свободной стране...

Вместо Ивана поспешил ответить Павлушин:

— Это ложь! Ни один спортсмен не останется, все вернутся в СССР.

Но би-би-сишник не успокаивался:

— Wait a minute. Прошу не перебивать. Вы не хотите посмотреть правде в глаза. Никто из ваших спортсменов не хочет возврат в Совет Юнион. Многие останутся. Другий вы насильно вернёте домой. Вопрос к Иван Шарыгин: вы хотите остаться в Канада и Америка?

— Нет, конечно. И никогда не хотел.

Англичанин прищурился:

— Говорят, вы смелый человек. Как видно, не достаточно смелый, чтобы говорить правду.

— Но это чистая правда. Мне хорошо дома, и я не собираюсь менять родную страну ни на какую иную.

Би-би-сишник наглед с каждой минутой:

— Bullshit. Как можно хотеть вернуть себя в страну, где нет даже туалет бумаж!

— Чего-чего? Туалетной бумаги нет? — засмеялся Шарыгин.

— Кто вам это сказал? — возмутился Павлушин.

— Я лично видел, один совет турист покупал мешками туалет бумага в магазине в Лондоне, — всерьёз продолжал свою туалетную тему англичанин.

Не выдержал и возмутился Папиашвили:

— Да у нас её столько, что жоп не хватит! Слушай, уважаемый, ты зачем сюда пришёл? Чтобы глупые вопросы задавать?

— Это не глупости, — возразил англичанин. — Совет Юнион — страна с дефицитом на все товары. Ни для кого не секрет, что Иван Шарыгин очень любит Америку, и там его хорошо встречают. Думаю, он лжёт, когда говорит, что не хотел бы жить в США.

Роман с Америкой у Ивана и вправду закрутился после того, как он впервые завоевал кубок в американском Толедо и покорила американцев своей радостью по поводу рождения сына.

Мальчика назвали Александром в честь Катиного отца. Иван хотел Николаем, в честь своего, но Катя заупрямилась:

— Теперь моя очередь давать имя.

— Ладно, — смирился счастливый папаша. — Надеюсь, это не последний сын. Но в следующий раз моя очередь будет.

— А я что, так и буду рожать и сидеть тут в нашей пещерке? Пока ты будешь по всему миру шастать? Ну уж, нетушки!

— Это наша квартира пещерка? Давай купим побольше. Пещерищу. Но сыновей надо много.

— Хватит одного сына и одной дочки.

— Давай так: за каждую золотую медаль по ребёнку.

— Нет. Медали само собой, а детей пока хватит. Неужели тебе меня не жалко?

— А как же моя мать?

— У неё муж по белу свету не мотался, дома сидел.

— Аргумент, — вздохнул Шарыгин, временно капитулируя перед женой по поводу потомства.

Дети оказались похожими на Ивана, такие же лобастенькие и рыженькие.

— Привет, рыжики-шарыжики! — кричал им Иван, возвращаясь домой. Радостно хватал, поднимал на вытянутых руках под самый потолок: — Вот мои главные призы!

Катя всякий раз пугалась:

— Иван! Уронишь!

— Это ты зря! — отвечал Шарыгин, но не сердито, не угрожающе, а на сей раз весело. Он сблизжал детишек мордашками друг к другу: — Целуйтесь!

И Женька так потешно целовала Сашу, а тот смешно морщился и шевелил носиком.

— Папаша у вас теперь ещё и киноартистом будет, — ворчала Катя. — Мало ему спортивных поездок, теперь ещё по киностудиям, да по премьерам, фестивалям разным. А мы тут с вами будем куковать да только по телевизору его видеть.

Бог солнца Уицилопочтли велел ацтекам поселиться там, где на кактусе будет сидеть орёл, пожирающий змею. Ацтеки нашли такое место и поселились в нём. С этого началась Мексика, а орёл, держащий в клюве змею, изображён на мексиканском флаге, таком же, как итальянский, — зелёно-бело-красном. Говорят, решающая битва мексиканцев за независимость проходила на арбузном поле, победители, томимые жаждой, сразу после сражения уселись жадно поесть арбузы, потому и у знамени такие арбузные цвета.

Мексиканские спортсмены больше всего медалей завоевали на своей домашней Олимпиаде в Мехико: три, три и три. Но и в Монреале им достались одна золотая и одна бронзовая.

— Ну, что там? — спросил Исаков, не отрываясь от своего бинокля.

— Пока ещё выплясывает перед ними, — доложил Даниличев.

— Что это значит — выплясывает?

— Да нет, я неправильно выразился. Хорошо держит удары этих антисоветчиков. И смотрится превосходно. Звезда!

В гриме Поддубного Иван Шарыгин был очень хорош. Ему шли густые, закрученные кверху усы.

— Ну, как вам? По-моему, вылитый Иван Поддубный! — спросила гримёрша.

— Стопроцентное попадание, — ликовал режиссёр Лебедецкий. — Будем сниматься! Ну что, Иван Николаевич, готовы стать артистом кино?

— Запросто!

Лебедецкий, сам в прошлом борец, давно задумал снимать кино про Ивана Первого, то бишь, Поддубного, да никак не мог найти актёра на главную роль. И тут вышел на Шарыгина. Сценарий Ивану понравился, загорелось сниматься. О великом русском борце он и раньше много читал, а тут довелось узнать ещё много нового. В начале века вольной борьбы ещё не существовало, а греко-римская или классическая называлась французской.

— Странно, вообще, тогда французы сплошь борцами были. Куда они теперь подевались?

И действительно, во времена Ивана Третьего, то бишь, Шарыгина, французы в борьбе уже давно не блистали.

В начале фильма Поддубный борется с французом Раулем ле Буше, который обмазался маслом и в буквальном смысле слова ускользал от захватов нашего богатыря. В итоге француз подло присвоили звание чемпиона мира “за красивые и умелые уходы от острых приёмов”.

— Подлая формулировка!

Иван Максимович так сильно огорчился от несправедливостей, что решил навсегда уйти из спорта...

— Поддубному-то рано было тогда уходить, а вот тебе, Ваня, может, и стоит задуматься, — больно ужалил Шарыгина Папа после того, как Иван проиграл Штайнбергу финал Европы в Мадриде.

Чемпионат Европы в том году проходил в одни и те же дни, что и кубок мира, и спортивное руководство постановило — в Мадрид на Европу поедет Шарыгин, в Лас-Пальмас на розыгрыш кубка мира по вольной борьбе отправится Гулевенко.

Мадрид поразил Шарыгина необыкновенной красотой и величием. В первый день по приезде удалось много пошастать по нему. Великолепная Гран-Виа, площадь Испании, пышный памятник Сервантесу с его Дон Кихотом и Санчо Пансой. Невольно покосишься на Папу, уж очень он похож на Санчо со своим брюшком, да и в характере есть что-то. А на улице Майор больше всего понравились две статуи на крыше могучего здания — две колесницы с впряжёнными в них четвёрками лошадей. В колесницах — матёрые атлеты с мужественными фигурами. На сей раз Папа кивнул Ивану:

— Как будто с тебя лепили.

Это был единственный момент, когда Папа перестал хмуриться по поводу шарыгинских недотренировок. И тотчас не преминул кольнуть, показывая на статуи возниц:

— Вот эти ребята тренировок не пропускают, сразу видно, в хорошей форме.

— Да ладно вам, Георгий Михайлович, завоюю я вам мадридское золото, — подмигнул Иван, нарочно искажая слово “мадридское”.

И — не завоевал! В каждой схватке с трудом одолевал соперников, тратя на них всё время, отведённое для поединков, и побеждая лишь по очкам. С каждым боем чувствовал всё меньше куража и уверенности, пропускал броски соперников такие, каких раньше ни в жизнь бы не пропустил, даже как будто сила в руках стала куда-то вытекать, словно прохудились руки. А в финале произошло и вовсе невероятное — Ивана положили на лопатки! Тот самый Каменный Руди, которого он мельницей перевернул и повалил в Тегеране. Теперь он оказался сильнее Шарыгина, который лежал и смотрел в потолок, не веря, что положен на обе лопатки.

— Подпись, Ваня, подпись, что разлётся! — раздался ехидный голос Зураба. Леванишвили попытался помочь Шарыгину встать, но тот рывком прыгнул на ноги. Угрюмо подошёл к судье, арбитр взял его запястье, запястье Штайнберга и поднял вверх — не Иванову руку, а руку немца. Всё плыло перед глазами, как в страшном сне.

Он угрюмо зашагал прочь, но Зур был непреклонен:

— Куда это ты? А наш спор?

— Какой ещё, на хрен, спор!

— Такой спор! Идём к немцу за автографом.

— Это ты зря... Отстань, Зур!

— Так нечестно, Иван! Спор есть спор, — подсуетился Шустиков. — Я разбивал, я за тебя несу ответственность.

— Бррррневичок! — рыкнул сквозь сжатые зубы Шарыгин. — Ладно, пошли.

Перед церемонией награждения Руди весело расслаблялся в своей раздевалке. А тут ещё русские добавили ему праздника: явились втроем — Леванишвили, Шустиков и побеждённый Шарыгин. Позвали переводчика. Тот выслушал Зураба, улыбнулся и перевёл. Реакция у Руди — чисто немецкая. Ни слова не говоря, залез в свою сумку и достал фломастер. Спросил, где надо расписаться.

— На спине, где же ещё! — опять подсуетился Шустиков.

— Почему это на спине? — буркнул Иван. — Можно на бицепсе.

— Свой бицепс ты на потом побереги, — возразил Леванишвили. — Он тебя на лопатки положил. Стало быть — на лопатках, Ваня.

— Ну, и гад же ты, Зур! — И Иван послушно оголил спину, подставил

её под фломастер, показавшийся жгучим, как раскалённый клинок. Каменный Руди размашисто набросал на широченной спине Шарыгина: “Rudolf Steinberg. 26/06/1974. Madrid”. А у Зураба уже и фотоаппарат был наготове — щёлк!

— В “Советский спорт” отправим! — съехидничал Шустиков.

Иван угрюмо пожал руку Штайнбергу, будто Дон Жуан — Каменному гостю:

— Поздравляю.

А когда вышли, возмутился:

— Договаривались только о подписи, а он чего там так много накарябал?

— Дату обозначил и место встречи незабвенной, — ответил Зур.

— Сволочь фашистская! Это он нашим отцам за Рейхстаг отомстил, — смеялся Броневинок.

— Это ты зря... — мычал обиженно Иван. — Руди — коммунист, член партии, я знаю.

Последнее почему-то ещё больше рассмешило Леванишвили и особенно Шустикова:

— Член, член! Конечно, член!

Били Шарыгина все, кому не лень.

— Вот твоё мандридское золото, — сказал Папа. — Точно, что мандридское.

В Красношарске жена встретила мужа ласково, успокаивала, на ужин приготовила шедевр кулинарии. Шарыгин поначалу не просёк, стал есть, наваливал:

— Вкусно! Охренеть, как вкусно.

— Ешь, милый. Я целых две бараньих лопатки запекла в духовке.

По старинному немецкому рецепту.

Он проглотил ещё пару кусков и тут только допетрил.

— Вот оно как... Ну, спасибо, жена, уважила.

Резко отодвинул от себя блюдо с бараниной.

— Я, значит, баран, по-твоему.

— Почему же баран? Ты актёр, в кино будешь играть. Там понарошку всех на лопатки положишь.

— Ну, ты и язва же у меня, Катька!

Он схватил ложку и, как тогда, со всей силой швырнул её об стол. В кроватке заплакал Саша, на диване, сидя за новой куклой, привезённой из Мадрида, затаилась в страхе Женька.

— Что, в Норку побежишь прятаться? — сердито отозвалась Катя. — Учти, я сразу — детей под мышки и домой, в Юлаевск.

Три минуты продолжался тяжелейший поединок Ивана с самим собой. И Иван Великодушный победил Ивана Грозного. Он встал из-за стола, резко схватил жену на руки:

— Я вот тебя сейчас саму на лопатки!

— Ночью, бешеный! Дети же! — смягчилась строгая жена.

Ночью, вспоминая день, Иван тихо ржал в кровати, глядя жену, прижавшуюся щекой к его груди:

— Ну, ты и язва! Две бараньих лопатки. Да по немецкому рецепту...

Про автограф Каменного Руди, который он поспешил смыть ещё там, в столице Испании, рассказывать не стал. Но Леванишвили, собака, распечатал фотографии:

— Пока никому показывать не буду. Но если не станешь олимпийским чемпионом в Монреале — распространю.

— А если стану?

— Сожгу вместе с негативами.

— Клянёшься?

— Мамою клянусь.

— Грузией клянись!

— Грузией мы не клянёмся.

— Ой, ой, ой, все такие из себя растакие! А мамой, значит, можно.

Монголы — известные борцы. Крепкие, кряжистые, упёртые. В Монреале единственную монгольскую медаль, серебро, в лёгком весе завоевал боец-вольник Зэвэгийн Ойдов. Он же и нёс на закрытии Олимпиады знамя своей страны — красно-сине-красное, на красной полосе, примыкающей к древку — государственный символ Соёмбо, который состоит из солнца, луны, языков пламени и особого знака Анусвара — точки, из которой, как верят буддисты, началась наша Вселенная. И точка эта, конечно же, находится в Монголии!

Канадский журналист, в бейсболке с низко надвинутым козырьком, скрывающийся за спиной итальянки, бросился, наконец, в свою атаку на Шарыгина. Говорил он совершенно без акцента:

— У меня вопрос! Почему вы, спортсмены, не возмущаетесь тем, что в СССР миллион политических заключённых?

Иван усмехнулся:

— Я этот миллион как-то не встречал ни разу в жизни.

Канадец ждал подобного проничного ответа:

— Это не ответ! Миллион! Это население целой страны, к примеру, Монголии. Каждый день арестовывают людей в Литве, Латвии, Эстонии, на Украине. В тюрьмах томятся сотни тысяч евреев и других инакомыслящих. Диссиденты.

— Это всё ваша пропаганда. Не более того. — И вдруг Ивана осенило: — Постой, постой...

— Кстати, про Украину, — вмешался в разговор Павлушин. — Именно в Канаде нашли своё убежище украинские фашисты. Бандеровцы. Тридцать лет назад весь мир, включая Америку и Канаду, воевал против фашизма. И что мы видим у вас в Канаде?

— Эти люди за освобождение Украин от рабства Москвы! — вспыхнула француженка и вдруг повернула лицо к Папе: — Господин Папа... Ша... Виши...

— Не мучайся, красавица, просто Гоги, — улыбнулся ей Папа, будто это был не напряжённый разговор с идеологическими противниками, а начало их знакомства в ресторанчике.

— Спасибо. Господин Гоги. Вы — георджьен.

— Кто я?

— Джорджиан, — сказал англичанин.

— Грузин по-ихнему, — объяснил Павлушин.

— Грузин. Так и что? — снова улыбнулся Папа, будто после такого ответа его попросят что-нибудь спеть распевное грузинское. Но вместо этого француженка спросила:

— Почему не хотите бороться за свободу?

— Какую свободу, вай мэ?

— Свободу Джорджии от власти России, — сказал англичанин.

Павлушин снова пришёл на помощь:

— Джорджия — Грузия по-ихнему.

— А я Георгий, то есть, по-вашему, Джордж, — улыбался Папиашвили. — Эх, дорогая... — Он внимательно пригляделся к неприглядной француженке. — Я бы показал тебе настоящую свободу, да времени нет развернуться нам с тобой. Уезжаем мы скоро.

А Иван тут своё вставил:

— Вот вы, француженка, объясните мне, куда делись ваши некогда знаменитые французские борцы? Ведь когда-то даже греко-римскую борьбу называли французской борьбой. А потом перестали так называть.

После возвращения Ивана из Мадрида начались первые пробные съемки фильма. Режиссёр сразу же решил обкатать сцену схватки со скользким французом, роль которого исполнял хороший актёр Сергей Витюшин. Он долго изучал борьбу, даже тренировался с настоящими борцами, и Шарыгину и впрямь было трудно бороться с ним, густо намазанным скользким маслом. Лебедецкий сиял от радости:

— Молодцы, братцы! Спасибо вам! Иван Николаевич — настоящий актёр, а ты, Сергей, — настоящий борец.

Во имя киноискусства Шарыгин не поехал даже на предварительные сборы, проводившиеся накануне чемпионата СССР. Перед женой оправдывался: — Чемпионат в Уфе будет, рядом с твоим родным Юлаевском. Обещаю, что всех завалю.

В Уфу Шарыгины поехали всей семьей, с детьми. На трибуне Катя тайком, прикрываясь шалью, кормила грудью младшего рыжика-шарыжика. На Женюку её молока не хватало, а вот на Сашу открылось целое место-рождение.

Мало того, в Уфу из Юлаевска прикатили Катины родители и ещё какие-то родственники. Все жаждали посмотреть на Катюшиного чемпиона. И ему следовало из всех сил расстараться.

Поединок с Гулебенко на сей раз выпал не в финале, а в самой середине соревнований. Шарыгин успокаивал себя: это отлично, сразу расправлюсь с ним. Его глодало подозрение, что в финале Гулебенко окажется сильнее. Но он оказался сильнее Ивана и в середине чемпионата. Шарыгин метался, не в силах ухватить своего закадычного врага: казалось, киевлянин, как тот французик, намазался маслом, выскальзывает из рук Ивана, и в итоге по очкам победу присудили Гулебенко. А дальше ещё хуже. Зураб к этому чемпионату набрал килограммы, перешёл в тяжёлую весовую категорию и в следующем поединке попал на Шарыгина.

— Автограф, Ваня, автограф, — улыбался Леванишвили. — Помни про фотографии.

И он одолел Шарыгина. На лопатки положить не смог, но по очкам выиграл. В итоге, на глазах у жены и детей, тестя и тётки, на глазах всех родственников, всей страны Иван Третий занял в чемпионате СССР всего лишь пятое место! Это был один из самых чёрных дней в его жизни.

С ним никто не разговаривал, его не ругали, но и не утешали, ему не сочувствовали, просто отводили глаза в сторону, мол, ты и сам всё видишь, всё понимаешь. А когда вернулись в Красношарск, Папа жёстко произнёс:

— Вот что, дорогой, хочу тебе сказать. Ты, Ваня, в спорте достиг всего, чего мог. Чемпионом страны был? Был. Чемпионом Европы был? Был. Чемпионом мира был? Был. Чемпионом Олимпийских игр был? Был. И всеми этими чемпионами ты навсегда останешься. А теперь пора дать прощальный гудок.

— В смысле? — похолодел до тошноты Иван.

— А что тут непонятного? Прощай, большой спорт!

Дома, делая вид, что ничего не случилось, Иван весело уплетал приготовленный Катей борщ с пампушками в честь поражения от Гулебенко и сациви в честь Зураба. Но актёр из него всё же был плохой, сразу видно, что на самом деле ему невесело.

— Я так и знал, что будет борщ и что-нибудь грузинское. Молодец, Катюша. И, главное, всё такое вкусное. Научилась же готовить!

— Я-то да...

— В смысле?.. Ага, понимаю. Ты научилась готовить, а я разучился пообедать. Это хочешь сказать?

— А что? Именно это и хочу. Я замуж за чемпиона выходила. Ты Гулебенко в семидесятом легко положил, а теперь он тебя точно так же легко по очкам высек! И теперь Гулебенко — чемпион СССР, а не Шарыгин. Молодец Вася! В отличие от Ивана, у которого...

— Что у которого? Ну, сказавши А, скажи и Б, всё остальное в КГБ.

— И скажу тебе Б: у Ивана Шарыгина налицо звёздная болезнь. Самая банальная, самая пошлая звездянка. Ну что, ложкой об стол и в Норку?

— А можно было этот разговор, хотя бы не когда я ем.

— Извини, пожалуйста. Действительно, нехорошо. Ешь, мой любимый.

Муж встал из-за стола. Иван Великодушный вступил снова в схватку с Иваном Грозным, который уворачивался, ускользал, будто намазанный маслом. Пришлось идти на балкон, стоять там, смотреть невидяще на двор, по которому он шел когда-то, а Катя играла с племянником и завязывала первые узелки их будущей жизни. Вернувшись с балкона, сел в кресло, взял газету, посмотрел на Катю, усевшись в уголке с книгой.

— Что читаем?
— Экзюпери. “Ночной полёт”.

Его любимая книга. Хороший сигнал. Газету — на пол.

— А помнишь, как тогда на мосту через Енисей?

Он ринулся к Кате и снова, схватив на руки, стал кружить по комнате.

Она не оттаивала.

— Да хватит тебе дуться! Не бойсь, буду я опять чемпионом! А скоро ещё в кино Поддубного сыграю!

Катя тяжело вздохнула:

— Не нравится мне всё это. У Поддубного судьба была трагическая...

— В смысле, что он потом в нищете умирал? Нам это не грозит. Обещаю!

— Может, не надо тебе в кино сниматься?

— Надо. А то получится ещё одно поражение.

— Тогда ладно, снимайся. Только звездянку лечить надо.

— Вылечим!

Непал — страна скромная. И флаг тому под стать — два красных треугольничка в синем обрамлении, на одном — белая луна, на другом — белое солнышко. Треугольнички символизируют южную и северную вершины самой высокой горы мира — Эвереста. Но в Олимпийских играх непальцы никаких эверестов не покорили, ни разу ни одной медали. И шли они по Большому-О незаметненько.

— Слушайте, мы о спорте пришли говорить или о политике? — кипятился Папа, защищая Ивана от занозистых вопросов трёх журналистов, явно настроенных против советского спортсмена.

После поражения с треском на чемпионате СССР в Уфе Иван понимал, что надо вернуться к прежнему, не либеральному, а диктаторскому режиму тренировок, режиму беспощадной тирании, выжимающему кровь и пот. Но внутри сидел протест, глупый, бараний, самому противный. Наплевать на тренировки, буду в кино сниматься!

Тем более, что второй пробный эпизод должен был стать ещё более увлекательным. В Санкт-Петербурге шестикратный чемпион мира Поддубный побеждает скользкого француза, после чего тот впадает в отвратительную истерику. Затем Иван Максимович побеждает Чёрную маску — сильнейшего борца Александра Гаркавенко, а через два дня в том же Екатеринославе у Ивана Первого схватка с Иваном Вторым — Иваном Михайловичем Заикиным. Вот этот эпизод и был намечен режиссёром как следующий пробный. В нём предстояло окончательно решить, кто будет исполнять главные роли.

— Итак, Заикин помнит, как семь лет назад в Париже он провёл в схватке со своим учителем Поддубным целых шестьдесят шесть минут, больше часа. И Поддубный тогда одолел своего ученика, — наставлял Лебедецкий актёра Наумова, исполнявшего роль Заикина. — Теперь он ещё лучше подготовился и страстно мечтает взять реванш, стать лучше учителя.

Шарыгин прислушивался к наставлениям режиссёра и понимал, что попал в какой-то ненастоящий мир, где он сейчас будет бороться с ненастоящим борцом, изображать, как ему трудно, но он сильнее. В этом мире игры Иван в роли Поддубного победит Наумова в роли Заикина. А в настоящем мире, где ничего не надо изображать, он, Иван Третий, давно уже опозорил славу и Ивана Первого, и Ивана Второго. Там не он, а его кладут на лопатку, выигрывают по очкам, и не его руку поднимает судья к борцовским небесам по окончании поединков.

Загримированный под Поддубного, он с тоской вышел на съёмочную площадку. Встал напротив напыжившегося актёра Наумова, загримированного под Заикина. Это борец? Это смех, а не борец!

— Готовы? Начали!

Перед носом у Ивана ассистентка щёлкнула киносъёмочной хлопушкой.

— “Иван Поддубный”, сцена шестнадцатая, кадр второй, дубль первый.

Наумов пуще прежнего принял позу борца. Иван стоял и тупо смотрел

на него. Никаких поз не принимал. Наумов профессионально, по-актёрски, понял, что съёмка срывается, и принял расслабленную позу.

— Стоп, стоп! В чём дело? Что случилось, Иван Николаевич? — тоже уже чувствуя неладное, испугался режиссёр.

Иван посмотрел на него грустным взглядом:

— Да ладно, какое тут кино...

И он сорвал с себя накладные усы, швырнул их на пол. Развернулся и пошёл прочь из мира ненастоящего.

— Иван Николаевич! — кричал Лебедецкий, подобрав усы и семена с ними за Шарыгиным. — Товарищ Шарыгин! Это безответственность!

Идти домой Ивану не хотелось. Он долго бродил тупо по городу, даже в кино пошёл и смотрел, не зная, что. “Белый взрыв” давно уже ушёл из проката. Меньше всего ему сейчас хотелось идти к Кате и объявлять ей, что с киношкой покончено. Ведь тем самым он и перед ней капитулировал.

Вернулся домой в час ночи. Квартира спала тихим и сладким сном. Тихо разделся, осторожно подлез под одеяло, но Катя, как оказалось, не спит, оттолкнула его руку, положенную ей на бедро.

— Ты что?

— А ничего! Можешь и дальше в киношках сниматься, а на ковре проигрывать. Пятое место на чемпионате СССР! Стыд и срам! Ты уж выбери, кино или спорт. Звезда ты наша! И не приставай ко мне с поцелуйчиками!

— Катюша... Я сегодня решительно порвал с кино. Отказался от роли.

— Зачем же?

— Затем. Катя, что мне надо немного одному побыть. Поеду в Норку лечить звездянку. Обещаю через неделю вернуться другим человеком.

— А почему без нас?

— Так надо. Понимаешь?

— Не понимаю. Но делать нечего, понимаю.

Папиашвили очень смешно произносил слово “Никарагуа” — “Никарагауа”, с ударением на “у”. Это страна, расположенная на пуповине, соединяющей Северную Америку с Южной. Во время Монреальской Олимпиады в Никарагуа царил диктаторский режим Анастасио Сомосы, защищавший богатство одного процента населения и нестерпимую нищету остальных девяносто девяти процентов. Но люди не хотели оставаться голодными рабами богатых негодяев, и уже началась революция под руководством Даниэля Ортеги. Сине-бело-синий флаг Никарагуа двигался по стадиону, за ним шли спортсмены, не завоевавшие ни одной медали, но желающие в будущем завоевать для своей страны свободу от ненасытных богачей и их подлых прислужников.

После возмущённого вопроса Папы, что мы пришли обсуждать, спорт или политику, добропорядочный немецкий журналист с презрением посмотрел на своих коллег из Канады, Франции, Италии и Британии и сказал:

— Приносим свои извинения. Господин Шарыгин, намерены ли вы завоевать третью золотую медаль на Олимпийских играх в Москве?

Но не успел Иван ответить, как из-за спины итальянки фыркнуло:

— Если они состоятся!

Иван тотчас же грозно скрестил на груди руки:

— Это ты зря... Они состоятся. Конечно, намерен. Мне будет всего лишь тридцать два. Для борца возраст ещё очень подходящий.

— Ну-ну, — снова фыркнуло из-под козырька бейсболки.

Иван пригляделся:

— Постой... Бавыкин? Ты?

— Вопрос не по существу, — ответила бейсболка. — Меня зовут Эл Боуи. Агентство “Трейтор”.

Но Иван уже видел своего старого знакомого, только никак не мог поверить, что это он.

— А это ты совсем зря... Какой ты Боуи! Ты Бавыкин! Правы были мой отец и братья... Переметнулся, стало быть?

Отправившись в Норку лечить звёздную болезнь, Иван снова с жаждой бросился работать в кузнице, перелопатил всю отцову работу на месяц вперёд, парился в бане, плавал в Енисее, снова ходил на охоту с отцом и братьями и снова не стрелял, а только смотрел, как охотятся они.

— Зануда же ты, Ванька! — сказал ему на это Володя. — Даже противно. Зачем тогда ружье с собой берёшь, патроны?

— Чтобы от вас в случае чего отстреливаться, — со смехом отшучивался Иван.

— Даже противно с тобой, — плюнул Володя. — Мы, значит, кровожадные, а ты у нас хороший, добрый. Запишись в вегетарианцы и не ешь тогда то, что мы наохотим. И вообще, чего ты припёрся!

— Ты чего, Вовка?

— Да ничего, выверил ты меня своим пацифизмом, сволочь!

В сущности, Володя выразил чувства всех — и свои, и отца, и Виктора, и даже шестнадцатилетнего Сашурика, которого с недавних пор стали брать на охоту на общих основаниях и с общими для всех требованиями. Все смотрели на доброго охотника набычившись. А когда сидели все вчетвером у костра, отец сказал:

— Может, ты и проигрывать стал потому, что не хочешь соперников обидеть?

Иван задумался. Тихо произнёс:

— Пожалуй, вы правы. Не надо на охоту ходить в качестве зрителя.

— Во-во! — оживился Володя, и все сразу смягчились, видя, что Иван к ним с повинной подвинулся.

— На охоте, Ваня, важно не только участие, но и победа, — сказал Витя. — А значит, добыча. Которую все заедино вместе добывают.

Разговорились, и Иван впервые честно стал рассказывать о себе, как и почему он зазвездился и стал проигрывать.

— Короче, ждём от тебя новых побед, — подытожил отец.

— Чтоб в Монреале снова был лучше всех, — похлопал младшего брата по плечу Володя.

— Обещаешь? — спросил Виктор.

— Обещаешь? — подквакнул Сашурик.

— Ты мне ещё тут, мелюзга! Ладно уж, обещаю, что с вами поделаешь. Черти кровожадные!

— Молодец, Ваня, берём тебя обратно в свою компанию, — засмеялся отец.

— Да выверили они меня уже, все эти Гулебенки да Каменные Руди! — едва не бил себя в грудь кулаками чемпион.

Потом говорили о Норке, какие всякие есть новости.

— Говорят, Бавыкин-то уже где-то в Америке, — сказал Виктор.

— Да ну? — удивился Иван. — Впрочем, ничего удивительного, туда ему и дорога, подлецу!

Норвежцы — народ суровый, северный, потомки викингов, некогда завоевавших пол-Европы. В зимних видах спорта они всегда берут много медалей, в том числе и золотых. В летних поскромнее, но тоже не являются на стадионы в качестве просто участников или зрителей. В Монреале — одно золото и одно серебро. Красивый норвежский стяг с синим крестом в белом обрамлении на красном поле гордо развевался в руках тяжелоатлета Лейфа Енссена.

Алик Бавыкин с детства любил Норвегию, читал много книг о ней: “Фрам”, потом Стриндберг, Ибсен, Гамсун, мечтал побывать в стране каменных скал и обрамлённых изумрудной зеленью фьордов. Где-то в глубине души в нём таился романтик, любящий суровую северную природу.

Жизнь его покатила под откос, причём почему-то именно с того дня, когда он нахамил Шарыгину, а Шарыгин ему навалил. Всё началось с того, что посадили Трифона Ермолаевича. Хищения в крупных размерах. Но это ещё полбеды! Полетел со своего поста и высокопоставленный тесть. Да и у самого Алика к тому времени быстро рыльце оказалось в пушку.

Надо было сие рыльце спасать. И, прихватив беременную жену, Алик Трифонович воспользовался командировкой в Норвегию, чтобы попросить в любимой стране политического убежища. Якобы его предки владели в Сибири золотыми приисками, их потом разорили большевики, а нынче припомнили и посадили безвинного Трифона Ермолаевича. Норвежцы всегда были России недруги, легко присвоили Бавыкину статус политического беженца. В Осло Надя родила первенца, которого счастливый папаша назвал в честь Гамсуна — Кнут.

— Хорошее имя, — убеждал он жену. — Всем недоброжелателям будет острастка.

Но в Норвегии прижиться не удалось, там не очень-то залезешь в карман государства, заработки оказались ничтожными, и Бавыкины переместились в Канаду. Надя была беременна вторым сыном, которого родила уже в Торонто. Этого назвали Джорджем. Такие славные мальши — Кнут Бавыкин и Джордж Бавыкин. Но сочетание имён с фамилией показалось отцу нелепым, и он легко переделался из Бавыкина в Боуи. И даже своё имя Алик сменил на Эл. Получилось даже остроумно — “элбоу” по-английски “локоть”. А на Западе имей крепкие локти и знай только распахивай ими всех остальных! В Канаде ему подфартило: перед Олимпийскими играми возникла нехватка русскоговорящих журналистов, ненавидящих СССР. А таланты журналиста у Эла Боуи проявились ещё во время учёбы Московском торговом институте. И, пару лет помывкавшись после бегства за границу, бывший Алик снова оказался на коне. Агентство “Трейтор” платило хорошие деньги тем, кто, весь исцарапанный, весь в ожогах, вырвался из коммунистического ада. Репортажи о бедственном состоянии советской Сибири шли нарасхват.

А тут ещё Олимпийские игры и гнусный Шарьга, самоуверенный болван с накаченными мышцами и одной извилиной в голове. Пришла пора с ним навсегда расквитаться!

— Господин Шарьгин, — продолжал миндальничать с болваном немецкий чистоплой. — Когда в Мюнхене Александр Медведь стал в третий раз олимпийским чемпионом, он поцеловал ковёр...

— Да, было дело. Красивый поступок, — сказал Шарьгин.

— Если вы станете, как и он, трехкратным олимпийским чемпионом, вы поцелуете олимпийский ковёр в Москве?

— Я придумаю что-нибудь своё.

Эла Боуи испенеляла ненависть:

— Если только Олимпиада в Москве...

Но Иван не дал закончить это “если”, твёрдо припечатав:

— Состоится!

Вернувшись из Норки после успешного лечения звёздной болезни, Иван первым делом разругался с женой. Но на сей раз не он, а она оказалась виновницей ссоры. Едва перестав кормить грудью Александра Ивановича, — а именно так любил называть сына Шарьгин, — Катя стала покуривать. И по возвращении из родных краёв Иван обнаружил полную пепельницу окурков.

— Что с тобой будет, ежели ты с девятнадцати лет курить взялась не на шутку! — бушевал в справедливом гневе муж. — Скоро в доме не продохнуть будет. А к двадцати пяти годам скуришься на фиг!

— Что значит “скуришься”? Звучит, как “скурвишься”. Обидно, вообще-то!

— Это ты зря.

— Ага, понятно. Дальше скажешь: “Это ты совсем зря”, потом “Это ты совсем ни к чему”, а потом кости мне переломашь?

— Это ты совсем зря.

— Ну-ну, давай. Я тут месяцами, я тут годами одна кукую! Разве о такой жизни я мечтала? Нет, я не хочу такой жизни!

Дети смотрели на ругань родителей и тихо плакали. Почему-то Женька жалела маму, а Александр Иванович — папу, хотя обычно бывает наоборот.

Папиашвили встретил повинную Ивана в штыки. Шарыгин, как дурак, в костюме и галстуке, стоял на кромке ковра, на котором Папа тренировал своих новых борцов.

— Это всё, что вы хотите мне сказать?

— Всё, ёлки-пальки! Ты больше не борец, ты депутат, партийный начальник, актёр! Короче, звезда. Вот и иди — депутатские обязанности, карьерный рост в партии, в кино снимайся, а на ковёр больше не лезь!

— Сам знаю, что мне делать.

— Знаешь, так и иди, не мешай мне новых чемпионов воспитывать. Настоящих, а не зазнаек.

Ночью, лёжа на спине и глядя в потолок, Иван вздыхал так, что будь рядом сицилийцы, они бы испугались, что проснулась и вздыхает Этна. Катя, прижимаясь носом к могучим рёбрам мужа, сказала:

— Домой к нему иди.

— Не пойду. Пошёл он на фиг! — отозвался Иван.

Летающая тарелка выплыла из святилища кухни и приземлилась на столе, полная “инопланетян”, дышащих ароматным паром, заманчивых. Сидя перед беззащитными горячими “инопланетянами” с виноватым видом, Шарыгин приблизил к приёму неприкрытой лести:

— Тамара Петровна, а ведь моя Катя очень хорошо научилась готовить пельмени. Но когда я ей говорю: “Как у Тамары Петровны”, — она возражает: “Почти”.

Жена Папиашвили наложила мужу и гостю штук по сорок пельменей каждому. Папа сделал вид, будто не слышал льстивых слов своего бывшего ученика. Так он назвал Ивана, когда тот явился к нему домой:

— А, бывший мой ученик? Ну, заходи, гостем будешь. Хочешь, не хочешь, а мы, грузины, вынуждены соблюдать законы гостеприимства.

И теперь, глядя, как Георгий Михайлович принялся пожирать “инопланетян”, Иван решил, что не притронется к дивному яству, прежде чем не решит проблему.

— Я хочу начать всё сначала, — сказал он так грозно, как если бы намеревался следующим движением повалить Папиашвили.

Тот съел ещё пару “инопланетян”. Подумал. Съел ещё одного.

— Ну, если решил, то готовься. Начинать будем, как говорится, с белого листа, ёлки-пальки! Понял ты? И огньне Папа — твой хозяин, а ты — его раб! Понял ты?

— Понял.

— Тогда жри давай!

Уже на следующий день Шарыгин вернулся к прежней диктатуре тренировок, бегал до изнеможения свои ежедневные полста километров по окрестностям Красношарска, мимо знаменитой часовни Адриана и Наталии, через Медный бор, по крутым тропам на вершину Красного Шара и дальше вниз, туда, где к воде решительным шагом подходила другая известная скала — Великан. Каждый день тренируясь в спарринге, доводил себя до иступления, до безумия, стремясь восстановить и преумножить былую силу и власть над своим телом. Дошло до того, что однажды, подбегая к Великоану, он хорошо увидел, как исполинская ярко-розовая скала двинулась в его сторону и совершила неверное движение, которое он подметил и уже знал, как сделать подсечку, перевернуть Великана и мельницей бросить его на лопатки прямо на глянцевою гладь Енисея.

Добежав до реки, Иван вытаскивал припрятанное там ведро и обливался холодной водой. Потом бежал обратно.

Папа видел старания Шарыгина, но только ругался, только орал на него, будто у Ивана ничего не получается. А Иван знал, что дело пошло, и чувствовал, что Папа доволен.

То же самое было в доме. Иван расхаживал по квартире в одних трусах, красивый, как античный бог, и сердито спорил с Катей:

— А я говорю, что вернусь в большой спорт!

— Громкие слова!

— Спорим?

— Спорим!

— Если вернусь, то ты бросишь курить навсегда!

Катя неожиданно для себя и своего мужа втянулась в курение. Тайком, стараясь, чтобы часа за три до встречи с Иваном, выкуривала несколько сигарет, а без этого чувствовала себя нервной и злой. А он всё равно безошибочно учуивал и ругался.

Сам Иван вошёл в свою лучшую форму: стометровка — одиннадцать секунд, отжимание от пола — обычно сто двадцать, а иногда до ста пятидесяти раз, по канату вверх и вниз на пять метров — по пятнадцать раз без передышки, и каждый день — сибирский марфон.

Наконец, и Папа впервые улыбнулся:

— Вот теперь я вижу, что ты не дурак. В этом году ты должен всех порвать, ёлки-пальки, потому что в следующем году — Монреаль. Не порвёшь, я тебе лично голову откушу!

На международном турнире в Ереване Шарыгин занял первое место и завоевал себе право участвовать в чемпионате Европы. Но в Ереване не было ни Гулеенко, ни Леванишвили — и киевлянин, и тбилисец заболели.

Европа предмонреальского года проходила в немецком Кенигсвальде. И здесь Ивану необходимо было во что бы то ни стало повалить Каменного Руди. Шарыгин чувствовал, что способен на это, он знал, какое неверное движение сделает скала Великан. Но спорт нередко преподносит сюрпризы. Штайнберг оказался в плохой форме и сошёл с дистанции до полуфинала. В финале же Шарыгину достался доселе не известный ему болгарин Коста Димов, по очкам победивший и Штайнберга, и нашего Леванишвили. Шарыгин уложил Димова на лопатки в своём мюнхенском стиле — на тридцать пятой секунде поединка. Второе после Катовице Иваново европейское золото!

— С возвращением, Ваня! — крикнул ему Папиашвили, глядя, как Иван протягивает руку поверженному сопернику.

На Олимпийских играх в Монреале Новая Зеландия оказалась в центре внимания. Мировое сообщество давно уже бойкотировало Южную Африку за сохранение режима апартеида. И вдруг перед Олимпиадой новозеландцы бросили всему миру вызов — сборная Новой Зеландии по регби провела матч со сборной ЮАР. Африканские страны потребовали исключения Новой Зеландии из списка стран-участниц игр в Монреале, но Международный олимпийский комитет игнорировал это требование. В ответ все страны Африки и присоединившийся к ним Ирак бойкотировали Олимпиаду в Канаде, запретили своим спортсменам отправляться в Монреаль. Сами новозеландцы спокойно приехали и, мало того, завоевали две золотые, серебряную и бронзовую медаль. Знамя островного государства, лежащего под боком у Австралии, очень похоже на австралийское, только на нём четыре красные звезды на синем небе, а у крыжа всё тот же британский Юнион Джек.

Трибуны горячо приветствовали новозеландцев и их знаменосца — борца в среднем весе Дэвида Эспина. Ещё бы — сколько чернокожих африканцев и смуглых арабов не приехало в Канаду благодаря скандалу!

До выхода советской сборной оставалось ещё двадцать четыре страны. Шарыгин продолжал своё интервью с удовольствием — оно позволяло ему отвлекаться от волнующих мыслей.

Итальянка, наконец, влезла со своим вопросом:

— Господин Иван, вы так хорошо помните, сколько секунда бороли каждый спортсмен? Или вы говорите это... Как это...

— От фонаря?

— Простите?

— Ну, так у нас говорят.

— From the bulldozer, — произнёс по-английски Эл Боуи.

— По-вашему, от бульдозера? — стрельнул в его сторону Иван. — Нет, я не от бульдозера. Просто у меня память на цифры... Вот напишите на листочке десять цифр, назовите их мне, а я вам повторю в обратном порядке.

— Это правда? — итальянка поспешила достать из сумочки блокнот, авторучку, приготовилась писать.

— Вы готовы?

— Готов. Можете произносить цифры, не слишком медленно.

— Сем, один, один, четыре, восемь, один, один, один, zero, девят, сем, — продиктовала итальянка, записывая цифры себе в блокнот.

— Тут даже не десять, а одиннадцать, — сказал Иван. — А единиц-то сколько! Ну, да ладно. Готовы?

— Готова.

— В обратном порядке: семь, девять, ноль, один, один, один, восемь, четыре, один, один, семь. Правильно?

Итальянка от восторга вспомнила о своём родном языке:

— Incredibile! Fenomenale! — Невероятно! Феноменально!

Иван усмехнулся:

— Сделано в Сибири!

— Вы что, сьюпермен? — фыркнул англичанин.

— Нет, я простой крестьянский парень. Сын кузнеца.

Удивительная память и стремительность ума позволяли Ивану не только мгновенно реагировать на промахи соперников или не заводить телефонную книжку, а все телефоны помнить наизусть. И он не только для запоминания стихов и песен использовал память. В карточной игре, особенно где надо было помнить, какая карта уже ушла, а какие должны остаться на руках, Шарыгину не было равных. Нередко, расслабляясь до или после поединков, он игрывал со своими товарищами по вольной борьбе, но они понимали, что не имеют шансов на выигрыш, и продолжали шлепать картами только ради интереса — посмотреть, как Иван лихо обыгрывает всех, кому не лень с ним состязаться. Играли либо на какой-то глупый поступок, который должен был совершить проигравший, либо на денежный интерес, но, как говорится, по копейке. А самому Ивану просто было забавно считать карты, отслеживать ушедшие взятки и сбросы.

Глупо, конечно, но когда приехали в Киев на очередную Спартакиаду народов СССР, полночи перед началом соревнований Шарыгин шлепал картами с весёлыми гостями своего номера. Папу вызверило, когда он зашёл к нему в три часа ночи и увидел это неслыханное нарушение режима. Но на другой день Иван уверенно стал побеждать одного за другим всех соперников и дальше без труда двигался к финалу. Через три дня в полуфинале ему, конечно же, достался Гулебенко. И снова — один-единственный балл! Как это получилось, Шарыгин не мог объяснить. Он чувствовал, что сейчас сильнее Василия, но в какой-то миг ошибся, сбросил не ту карту, и в финал на тбилисца вышел не сибиряк, а киевлянин.

Увидев, что схватка окончена не в пользу воспитанника, Папа взвыл жутким голосом и побежал вон из зала. Столько стараний, и всё напрасно! Когда Иван нашёл его в раздевалке, Папашвили жестоко хлестнул его:

— В Норку, Ваня, в Норку!

Обиднее всего, что в финале Леванишвили легко расправился с Гулебенко, а значит, мог и Шарыгина одолеть. Стоя на третьей ступеньке пьедестала и получая на шею всего лишь бронзу Спартакиады, Иван малодушно размышлял: “А может, и вправду я достиг своей планки и выше уже не прыгнуть?”

Папа был неумолим и беспощаден:

— В картишки, Ванюша, надо побольше играть. Может, вообще, перейдёшь в эту область деятельности? Можно в поездах ездить, облапошивать разных губошлёпов, неплохо зарабатывать.

— Георгий Михайлович...

— Что, Ваня? Я думал, ты скала, а ты... Перед Гулебенко ты оказался липишлом.

И на чемпионат мира, который проходил в Москве, Шарыгина взяли только в качестве зрителя. В тяжёлом весе нашу сборную представляли киевлянин и тбилисец. Когда Шарыгин предложил Кате вместе полететь в Москву, жена уколола:

— Ну уж нет. Лети без меня. Не забудь дудочку, трещоточку, что там зрителю полагается иметь при себе. Бубен.

— Ладно, — злобно ответил Иван.

Он твёрдо решил полететь в столицу, пусть и в качестве зрителя. Подумал, если не полетит туда, все будут ехидничать: “Ваня, как всегда, в Нор-ку”. Ему же всем своим видом надо показать, что ему по фиг, мы ещё своё погодим маленько, а потом, как в том любимом анекдоте Папы, спустимся и возьмём всё стадо.

Этот чемпионат оказался очень интересным, новым. Отменили ничью на предварительном этапе, возможна стала только победа. Отныне наиболее эффективные амплитудные броски стали оцениваться гораздо выше, чем раньше. Теперь, если бросок начинался на ковре, а заканчивался за пределами ковра, баллы засчитывались. А выходы за пределы ковра стали наказываться строже.

Московский чемпионат мира стал триумфом сборной СССР — двенадцать золотых медалей из двадцати, а в греко-римском стиле — восемь из десяти, неслыханный рекорд, который потом никогда не будет побит. В вольном стиле в той весовой категории, в которой должен был выступать Шарьгин, сильнее всех оказался Каменный Руди, в полуфинале Штайнберг положил нашего киевлянина Гулебенко, а в финале — нашего тбилисца Леванишвили. Зураб ограничился серебром, а Вася — бронзой. Понимая, что это нехорошо, но в глубине души Шарьгин тоненько так злорадствовал.

Чемпионом мира стал и Броневичок. В самой лёгкой весовой категории до пятидесяти килограммов Шустиков в финале уложил на лопатки сильного болгарского борца Ису Магомедова. Иван с удивлением узнал, что и среди болгар попадаются мусульмане.

А в среднем весе засияла восходящая звезда, впервые сверкнувшая на недавней, чёрной для Ивана, Спартакиаде. Звали вундеркинда Борис Вале. Как выяснилось, дедушка Бориса по отцу был француз.

— О, возвращается французская борьба, — узнав об этом, усмехнулся Шарьгин.

Эдак он ещё дорастёт и до тяжёлого веса, и придётся Ивану с ним бороться, как некогда Поддубному со скользким французом ле Буше. Так со смехом размышлял Шарьгин. Как ни странно, несмотря на то, что в чемпионате мира не пришлось поучаствовать, он пребывал в превосходном настроении, в предвкушении великолепных побед, которые не за горами.

— Ну, что теперь будем делать? — задорно и с вызовом спросила Катя.

— Вернёмся к нашим баранам, — ответил Иван, принохиваясь. Но вроде бы табачищем не пахло, видать, собрала силу воли. — Ну, где там твои борщи, сациви, бараньи лопатки по-немецки?

— Сегодня паровые трещотки в майонезе и жареный бубен.

— Зашибись!

Команда Пакистана в Монреале обозначилась бронзовой медалью в хоккее на траве — уже не зря приехали ребята на Олимпиаду, имели право пройти по дорожке стадиона со своим зелёным знаменем, на котором сияла белая звезда и белый полумесяц.

Итальянка задала совершенно неожиданный вопрос, показавшийся Ивану наглым:

— Скажите, Иван, нельзя ли мне как журналисту посмотреть ваши апартаменты? Потом, после. Хотелось бы видеть, как живут советски спортсмены.

Иван даже покраснел.

— Как журналисту ещё можно было бы, но как журналистке — нельзя. Я, простите, женат.

Все засмеялись. Кто-то простодушно, а кто-то злобно.

— Из партии исключат! — громко вставил свою спицу Эл Боуи.

В партии Иван состоял не ради карьеры, а по убеждению. Он действительно и твёрдо верил в дело коммунизма, в то, что рано или поздно будет построено самое совершенное в мире общество. Просто должен прийти новый руководитель, более строгий, чем Брежнев, взять за задницу всех недо-

бросовестных, вороватых, взяточников, карьеристов, шмоточников, потенциальных предателей и, пусть даже как в своё время Сталин, очистить страну от заразы. Ведь когда лечат больного, его организм не спрашивают, хочет ли он принимать в себя лекарства или согласен ли он, организм, на проведение операции. А то, что страна больна, Иван, как и большинство граждан, не мог не видеть. Придёт хороший хирург и возьмётся за дело, излечит, а пока что таким, как Шарыгин, надо готовить больного к хирургическому вмешательству. И он продолжал не только тренироваться, но и работать в выборных органах, оставался депутатом областного совета, помогал людям, чем мог.

Осень перед монреальским годом выдалась на редкость спокойная, ясная, чистая. Иван и Катя переживали как будто заново свою любовь. Женьке исполнилось четыре года, Александру Ивановичу — два с половиной, и детей уже можно было оставлять на попечение Чумаковых, которые по-прежнему жили в том же доме двумя этажами ниже. Можно было сбежать на дачу, которую Иван отгрохал в живописнейшем уголке Красношарской области — в посёлке с приятным названием Сметанино. Далековато, шестьдесят километров, но зато воздух такой, какого нет нигде во всём мире; озеро Сметана — вода чистейшая и вкусная, и впрямь, как сметана, можно плыть и пить её. Выходишь из своего дома, и вот он — песчаный пляж, песочек белый, как снег. Лодка, рыбы в озере — тьма, а рядом лес, в лесу грибов — море, особенно хороши маслята, выглядывающие из мха, как малыши из пеленок.

Этой осенью они как будто заново встретились и полюбили друг друга самозабвенно, бешено, упоительно.

— Мне кажется, мы ещё не любили друг друга так сильно, как в эту осень, — призналась жена.

— Мне тоже, — признался муж.

Вот только третьего ребёнка Катя не хотела:

— Потом, позже. Сначала Монреаль, потом Москва. Хочу всегда быть рядом, надоело быть женой телевизора. Ты где-то там, далеко, а я сижу неделями, как последняя ссс... — Она на секунду задумалась, а что, собственно, “ссс...”, и закончила фразу: — ...ссвятая.

Иван захохотал.

— А что? А что я такого сказала?

— “Как последняя святая!” Это очень точно сказано! В самую точку.

— Да ладно тебе.

— Ты у меня последняя святая, Катька! Так теперь и буду тебя величать.

— Вот только попробуй. Обижусь, знаешь, как!

— Боюсь только, в Монреаль тебя не пустят со мной.

— А в Москву не смогут не пустить. И на другие соревнования. По Союзу так уж точно.

Ллойд Лабич завоевал бронзу в беге на сто и двести метров, но это было давно, в Лондоне, и с тех пор команда Панамы медалей не получала, в том числе и в Монреале, где шествие олимпийцев стало постепенно двигаться к завершению и над стадионом плыл сине-бело-красный панамский флаг с красной и синей звёздами в белых, расположенных по диагонали друг против друга, шашечках.

Следом за Панамой под красно-чёрным стягом с белыми звёздами и золотой райской птицей шли спортсмены Папуа—Новой Гвинеи, никогда не завоевывавшие никаких олимпийских наград.

— Во, Папуасия пошла, — тяжело вздохнула Катя, сидя дома в Красношарске перед “Рубином-714”, который продолжал глупо и настойчиво подмигивать ей, мол, быть тебе, Катюша, всю жизнь моей женой. В ящике стола пачка “Мальборо”, попискивала, как мышь, посылая Кате сигналы: “Он ещё не скоро приедет, успеешь проветрить”.

— Да что же это такая тоска на сердце! — почти взвыла Катя от тяжелейшего предчувствия. Если б хотя бы дети не спали, возились рядом, мешали смотреть, ныли, ссорились друг с другом, и то легче. Ей казалось, что с Иваном должно произойти что-то плохое, непоправимое, страшное. И она сама себе говорила: — Да что может случиться-то!

Но ведь с людьми часто случается что-то неожиданное, после чего вдовы навсегда остаются женами телевизоров.

Она не выдержала, встала, подошла к столу, вытащила соблазнитель из ящика, открыла им окошко и вытащила один белый длинный цилиндр, впилась в него ноздрями — до чего же душистый запах! И дым ароматный, только потом всё это превращается в смрад, который Ивана, по его любимому выражению, визверивает.

— Нет, не буду, — решительно произнесла Катя и впихнула сопротивляющийся цилиндр обратно в красивую картонную тюрьму.

Та прекрасная осень плавно перетекла в столь же прекрасную зиму, полную любви, морозного воздуха надежд, счастья. Вскоре после Нового года Катя впервые отправилась вместе с мужем за границу — его всё же послали на Кубок мира в американский Толедо, а ей каким-то чудом или благодаря его бурной партийной и общественной деятельности разрешили полететь с ним. И это при том, что обычно советским гражданам сначала разрешали поездку за рубеж в страну соцлагеря, потом в какую-нибудь нейтральную страну типа Индии, и лишь после множества проверок — в капстраны, а в США — в самую последнюю очередь. Но тут и впрямь чудо — сразу же в США.

В Толедо зрители ещё помнили, как русский Иван радовался рождению сына, и теперь устроили овацию и ему, и его жене.

— Чего это они? — удивлялась Катя.

— Просто уважают.

— С чего бы это?

— Да в целом-то они нормальные люди. Многие даже такие же, как мы, не хуже.

В Америке Кате очень понравилось, но, чтобы хранить марку, она сказала про озеро Эри:

— Наша Сметана гораздо красивее.

А особенно ей, конечно же, понравилось, как Иван легко одолел всех своих соперников, и Рокки, и болгарина Гачева, и в финале — Зураба. Жаль, что не было ни Гулебенко, ни Штайнберга. Но, как бы то ни было, а Иван Третий снова стал обладателем Кубка мира.

Когда ему вручали приз, с трибун кричали:

— Son! He has a son! — Сын! У него есть сын!

А уже вечером, когда всех наших пригласили в ресторан, там музыканты исполнили наспех сочинённую песню:

*Russian Ivan,
he is the one,
and he has a son,
red as a sun, sun, sun, sun, sun! —
Русский Иван,
он такой один,
и у него есть сын,
рыжий, как солнце, солнце, солнце, солнце!*

А если для рифмы, то —

рыжий, как блин, блин, блин, блин, блин!

И это было так весело, так прекрасно. Америка, к которой мы все привыкли как к чему-то извечно враждебному и ненавидящему нас, вдруг представляла перед Катей вполне человеческой страной. За всё время в Толедо лишь одно пятнышко ссоры на почве всё того же курения, будь оно неладно! А так всё прошло идеально. На полученный за победу гонорар купили целый воз подарков всем, всем, всем — красношарцам, норчанам и юлаевцам.

— Вот видишь, что бывает, когда я с тобой вместе! — ликовала Катя. Счастливее её не было в ту зиму человека.

Да и в ту весну тоже.

Все соревнования смещались, уступая лето целиком и полностью Монреалу и подготовке спортсменам к нему. Толедо прошло в феврале, а Европу назначили на апрель, и проходила она у нас в Ленинграде.

— Какой город, Иван! Какой город! — восхищалась Катя.

— Что, не хуже, чем в Америке? — иронично вскидывал бровь Шарыгин.

— В Америке очень хорошо, — вздыхала Катя. — Но наши города по своему лучше. Не такие богатые, даже обшарпанные, а какая-то в них есть особая красота. Особенно здесь, в Ленинграде. Ну, ты только посмотри на этих коней, на этот мост! Сколько раз видела на фотографиях и в телевизоре этом ненавистном, а сейчас наяву... Какая смелая и стремительная красота, какая сила!

— Тебе бы книги писать, слог такой изящный, я бы не смог так выразить, — обнимал жену Иван, прижимал к себе. — Давай ты окончишь филфак и станешь писательницей, напишешь книги о борцах, я тебе всё буду подсказывать. О Поддубном, Заикине, Иваничком, Медведе.

— Шарыгине.

— Ну, и о нём, конечно же, что он — рыжий?

— А он рыжий, рыжий, рыжий!

Русский белогвардейский генерал Беляев, ставший после гражданской войны беженцем, оказался в Южной Америке, в Парагвае заново построил армию, оказавшуюся весьма грозной в войне с Боливией. Но это было давно, в тридцатые годы двадцатого века, и на спортсменах Парагвая былая доблесть участников войны с Боливией никак не отразилась. В Монреале под сине-бело-красным флагом с государственным гербом на одной стороне и печатью государственного казначейства — на другой шла совершенно беззубая олимпийская парагвайская сборная.

Флаг Нидерландов — такой же сине-бело-красный, как у Парагвая, только без герба и печати казначейства. Зато в Олимпийских играх голландцы всегда завоевывали медали, и нередко им доставались золотые. В Монреале золота не было, но две серебряных и три бронзовых медали они взяли, и капитан команды по хоккею на траве Андре Большойс мог заслуженно нести по Большому-О знамя своей страны, в которой живут мужественные и трудолюбивые люди, отвоевавшие территорию у моря.

В отличие от Кати, здесь, в селе Норка, расположенном на противоположном конце земного шара, ни у кого не было никаких дурных предчувствий.

— Нет, всё-таки я не понимаю, с какого хрена после Парагвая идут Нидерланды, — возмущался восемнадцатилетний Александр Шарыгин. Осенью ему предстояло идти в армию. — Где пэ, а где нэ, объясни мне, Тоня.

— Ну, Сашурик! Ну, ведь у всех народов всё по-разному называется. Мы говорим: “Париж”, — а по-французски: “Пари”.

— Пусть они тоже говорят: “Париж”.

— Здравьте! Мы говорим: “Германия”, — а по-немецки: “Дойчлянд”. Языки-то разные, и названия по-разному произносятся. Нидерланды переводится как “Низменные земли”, а по-французски это “Пэи-ба”, стало быть, на букву “пэ”.

— В нашем доме прошу не выражаться, — засмеялся отец.

— А что я такого сказала?

— Повторять не будем. Ну, скоро там советская сборная пойдёт?

— По идее, уже недолго осталось ждать.

В апреле, когда Монреала уже оставалось ждать недолго, в Ленинграде на чемпионате Европы Иван Шарыгин предъявил неопровержимые доказательства того, что в тяжёлом весе he is the one — он и только он сможет взять олимпийское золото.

Дворец спорта “Юбилейный” трещал от наплыва зрителей. Такого интереса к борьбе не было ещё никогда, и хотелось думать, что это потому,

что есть он — Иван Третий, чья сила, красота, ум и стремительность восхищают людей не меньше, чем те же качества у Первого и Второго Иванов — Поддубного и Заикина.

Леванишвили весной сильно болел. Поправившись, быстро восстановился, но веса не набрал и выступал теперь в полутяже. Один из троих главных соперников таким образом отпал. Оставались Гулебенко и Штайнберг.

Иван с первых минут той Европы пошёл в наступление, как наши в сорок пятом: *буря и натиск!* Первым соперником оказался чех с невалимой фамилией — Ярослав Непал. Но он пал на двадцатой секунде схватки — туше! Болгарин Коста Димов оказался покрепче, но не выстоял и минуты: схватка закончилась неопровержимым туше на пятьдесят девятой секунде. Турок Эркин Карагучлю сдался на сороковой секунде и тоже — туше. Ураган, тайфун, торнадо, буря, смерч, вихрь — во всех спортивных газетах мира журналисты не отличались особой изобретательностью при описании действий Ивана Третьего. В Ленинграде повторялся Мюнхен. В полуфинал вышли Шарыгин против Цвингау и Гулебенко против Штайнберга. В финале могли сойтись либо двое из ГДР, либо двое из СССР. В любом случае, при победе Ивана ему доставался один из его *закадычных врагов*.

Чтобы расправиться с Густавом Цвингау, ему хватило минуты и трёх секунд — и немец оказался на лопатках! А Гулебенко со Штайнбергом бились насмерть до последнего свистка судьи, и киевлянин вкусил, что такое одно лишнее очко, за счёт которого он так часто выигрывал и которое теперь досталось не ему. Прощай, Вася! Здравствуй, Руди!

Иван предвкушал нелёгкую борьбу и был даже изрядно разочарован, когда Каменный гость из Берлина оказался на лопатках уже на сорок девятой секунде. Видимо, слишком много сил потратил на покорение Украины.

В это трудно было поверить: точное повторение рекорда скорости, поставленного в Мюнхене, в среднем по минуте и три секунды на каждого соперника! Такого никто никогда не добивался. А Иван смог.

— Ну, что скажете, Георгий Михайлович? — спросил Иван, отходя от ещё тёпленького Руди и первым делом подойдя к Папе.

Папа сделал вид, будто двоечник впервые в жизни написал на три с минусом:

— Ну, что же, неплохо, неплохо. Если так и дальше пойдёт, из тебя даже может получиться хороший спортсмен.

Шарыгин схватил его, забросил себе на шею и с тренером в виде всадника вышел к реву трибун “Юбилейного”. Папа расплывался в широченной улыбке, казалось, он только что отведал пару десятков сваренных царицей Тамарой “инопланетян”. Шарыгин спросил, нельзя ли ему и на пьедестал почёта подняться с Папиашвили на шею, но ему строго дали понять, что не понимают подобных шуточек.

Можно, конечно, злобно скрипеть зубами, мол, дома не только стены помогают, но и судьи, однако факт остаётся фактом — гимн Советского Союза под сводами “Юбилейного” звучал девять раз, и только одиннадцать раз — гимны других стран. И девять раз к потолку дворца спорта северной столицы медленно взлетало знамя твоих побед, Родина. В лёгком весе чемпионом Европы стал Броневичок Шустиков, в других весовых категориях — Виталий Рюмин, Сергей Черноглазов, Борис Вале, Зураб Леванишвили, Иван Шарыгин, да ещё трое в классическом греко-римском стиле.

— Фурон, настоящий фурон! — радостно булькал Папа, изрядно взявши на послечемпионатном банкете.

— Фурор, Георгий Михайлович, — поправляла его Катя.

— Какая разница! — махал рукой Папиашвили. — Женщина! Ты почему явилась на ристания мужчин?

Все от души ржали, а Папа спрашивал Ивана на ухо:

— Я правильно произнёс: ристания, а не дристания?

— Кажется, дристания, — отвечал Шарыгин и получал от Папы легонько в челюсть:

— Не серьёзный ты человек, Ваня! Мне в своё время за тебя чуть голову не откусили.

За послевоенные годы советские русские люди привыкли считать поляков такими же самыми близкими братьями, как белорусы, украинцы и болгары. И не знали, что многие украинцы всерьёз мечтают об украинской независимости от общего дела, а очень многие поляки тайком на своих кухнях говорят о том, как они по-прежнему своей вековой ненавистью нас ненавидят. В семидесятые годы ещё не появился профсоюз “Солидарность”, который начнёт борьбу за отделение Польши от социалистического лагеря, и пока сохранялась видимость какого-то братства. В те времена жители СССР ещё очень радовались успехам братьев-поляков, не зная, что братья-поляки успехам своих восточных соседей не радуются. В Монреале польские спортсмены достигли своего лучшего результата — семь золотых, шесть серебряных и тринадцать бронзовых наград, шестое место в общекомандном зачёте. Гордо развевался над стадионом бело-красный польский флаг, бывший когда-то знаменем всех восстаний против России и утверждённый как государственный после обретения независимости, которую подарила Польше Великая Октябрьская революция.

— Скажите, господин Иван, — обратилась к Шарыгину журналистка-француженка, — почему советские спортсмены-мужчины на открытии Олимпийски игр были в красных костюмах, а на закрытии — в белых. Что это символизирует?

— Ну, это уж вопрос не ко мне, — засмеялся Шарыгин. — А классные нам пошили формы, согласитесь! Самые лучшие. Кстати, сразу видно, что вы француженка. Только француженке пришлось в голову задать такой вопрос.

С блеском победившего на московском чемпионате Европы Шарыгина освободили от одесского чемпионата СССР, и вместо города на море Иван с женой и детьми отправился в свою родную Норку. Самая счастливая половина отношений с Катей продолжалась. Весь июнь Иван усиленно тренировался, причём не только под наблюдением Папы, но и под строгим оком жены.

Однажды устроили забег по трассе из Красношарска в их дачное Сметаново, шестьдесят километров. Катя с детьми ехала в машине, а Иван бежал следом в некотором отдалении, дабы не слышать запаха выхлопных газов. Дети сидели на заднем сиденье, Женька всё что-то лопала, она обожала мамины пирожки, которые Катя научилась печь лучше всех, а Александр Иванович жалел папу... Он смотрел в заднее окно недавно купленной новой модели “Жигулей” и канючил:

— Ма-а-а-ма! Ну, давай возьмем папу!

Иван продолжал свой героический пробег. Саша не мог понять, почему папа бежит, а они едут, и уже рыдал:

— Ну, ма-а-а-ма! Папа устал!

— Не нить! Папа тренируется, понятню тебе?

Но сынок не хотел понимать и переживал.

Точно так же не хотела понимать и переживала Катя, когда было строго объявлено, что на предолимпийские сборы в Москву все спортсмены обязаны ехать одни, без жён.

— Тайком поеду! В чемодан свернусь! Ну, что за изуверское отношение к самым близким людям! Ладно на сами Олимпийские игры, хрен с вами, не пускайте, а на сборы-то! Какое-то мракобесие!

В чемодан к Ивану её, конечно же, тоже никто не пустил, и бедная Катя опять осталась сидеть с детьми в Красношарске:

— Перехожу в статус жены телевизора. Пожалуй, возьму его фамилию: Екатерина Рубин. А что, тоже красиво звучит.

Ещё в 1936 году в Олимпийскую хартию было вписано положение, обязующее все команды иметь единую экипировку, повседневную и парадную одежду. Мало того, особо указывалось, что нельзя в одной и той же форме ездить по разным Олимпиадам, и дизайн одежды должен отличаться от предыдущего.

Французских спортсменов одевали известнейшие модельеры — Коко Шанель, Ив Сен-Лоран, Пьер Карден. Советских — Общесоюзный дом моделей.

Как только накануне Монреаль прибыли в Москву на сборы, с каждого спортсмена стали снимать мерки.

— Всё-таки насколько я дешевле обхожусь государству, чем такие истуканы, как наш Иван, — отпускал свои “шусточки” Броневинок.

— Скажи спасибо, что мы летние, на зимних куда больше тратят, — отвечал Шарыгин.

Действительно, на одежду зимних олимпийцев денег тратилось значительно больше. На Олимпиаду в Инсбруке Хрущёв распорядился одеть советских спортсменов в шубы из золотой норки, каждое такое меховое изделие стоило столько же, сколько трёхкомнатная квартира. На игры в японское Саппоро наши спортсменки прибыли в белоснежных шубках из белька, а спортсмены — в тяжёлых мутоновых шубах. Тут уж каждый такой меховой шедевр стоил квартиру плюс машину.

Летних олимпийцев одевали, конечно же, гораздо дешевле. Костюмы наших спортсменов в Монреале были самыми эффектными. На церемонию открытия у мужчин — тёмно-малиновый пиджак и брюки, сорочка василькового цвета и галстук вишнёвого; у женщин — белый пиджачок, белая юбка и голубая рубашечка с синим бантом. На церемонию закрытия пошили другой комплект. У женщин — оранжевые нарядные платья, а у мужчин — белый пиджак, белые брюки и тёмно-кремовый галстук поверх белой сорочки.

В последний день перед вылетом в Канаду советская олимпийская сборная в форме открытия возложила цветы к Мавзолею Ленина. А по приезде должна была возлагать уже в форме закрытия.

— Красиво продумали ритуалы, — восхищался Иван.

— Да уж, как говорится, Ленин дал, Ленин взял, — снова ёрничал Шустиков.

— Но-но, — в шутку грозил ему Шарыгин, — за такие шусточки можно и партбилет на стол.

Впрочем, цветы возлагали не только к Ленину, но и к Вечному огню у могилы Неизвестного солдата. Спортсменов отправляли, как на войну. Да она и продолжалась. Холодная. И Монреаль должен был стать новым, хоть и спортивным, Сталинградом. Летели через океан с теми же чувствами, с какими летят десантники, получившие задание высадиться, создать плацдарм, закрепиться на нём и по возможности захватить важнейшие вражеские стратегические объекты.

Знамя Перу таких же цветов, как польское, только красные и белая полосы поставлены вертикально, а на белой — герб. Увы, спортсмены этой крупной южноамериканской страны не завоевали в Монреале ни одной медали, равно как и на предыдущих пяти Олимпиадах.

А вот пуэрториканцы, жители страны, полностью зависимой от США, одну бронзовую медальку получили, благодаря стараниям крошечного боксёра Орландо Мальдонадо, и увереннее, нежели перуанцы, могли нести своё полосатое подобие американского флага.

До выхода советских спортсменов оставалось пятнадцать олимпийских сборных, и Иван чувствовал приближение своего звёздного часа. Он посмотрел на часы, словно там ему могли показать, команда какой страны сейчас шествует по дорожке Большого-О, и строго объявил:

— Друзья мои, пожалуйста, последние два вопроса, мне пора идти.

Человек со сказочным именем и фамилией Елисей Додонов хоть и не слыл таким же всеобщим любимчиком, как Иван Шарыгин, но где-то близко к этому. Разумеется, все его звали Королевич Елисей. Он родился через полгода после Ивана в семье военного в немецком Потсдаме, потом вместе с родителями поселился в Москве. Врачи находили у мальчика шуму в сердце и никак не предсказывали ему спортивную карьеру. А он мечтал стать новым Эдуардом Стрельцовым, забивать голы в ворота непобедимых до него соперников. Но старший брат Ермолай начал заниматься борьбой, за ним потянулся и Елисей. По состоянию здоровья в секцию его не приняли, тогда он принялся делать всё то же, что Ермолай. И случилось чудо: ещё

недавно болезненный младший брат стал побеждать старшего. Болезни отпустили его, он стал расти, быстро возмужал, переходя из одной весовой категории в другую. Став высоким и могучим богатырём, дошёл до тяжёлого веса и в нём брал одну награду за другой, чаще всего побеждая, уложив соперника на лопатки. К Олимпийскому Монреалю у Королевича Елисея имелось уже немало золотых наград. Три звания чемпиона СССР, три — чемпиона Европы и два — чемпиона мира.

На открытии игр в Большом-О именно Додонову, как сказочному богатырю, доверили нести красное знамя с золотой звездой, серпом и молотом. Он шёл в тёмно-малиновом костюме впереди всех, и знамя, как пламя, плясало у него над головой, а Шарыгин смотрел Королевичу в спину и завидовал: мне бы так же!

На открытии игр присутствовала английская королева Елизавета II, и многие, шагая по дорожке стадиона, старались ее увидеть — где там она? Но всё же в те минуты Королевич Елисей был для наших спортсменов важнее английской королевы. Лишь бы не уронил знамя. Хотя разве такой уронит?

Перед началом олимпийского турнира борцов классик Елисей достался вольнику Ивану в спарринг-партнёры.

— Супер! — радовался Шарыгин. — О таком можно было только мечтать.

И в первой же тренировочной схватке он попросил:

— Королевич Елисей, ты пожёстче действуй. Лично я тебя не собираюсь беречь.

И они навалились друг на друга с беспощадностью лютых врагов. Даже Папе показалось излишним их рвение:

— Осторожнее, ёлки-пальки! Это всего лишь тренировка. Не поломайте друг друга!

Потом вместе гуляли по красивейшему Монреалю, жадно говорили друг с другом, будто впервые познакомились. Просто если раньше судьба как-то не сводила их для таких разговоров, то теперь свёл спарринг.

— А представляешь, мне в детстве врачи сказали, что я никогда не должен заниматься спортом, — признался Додонов.

— Да быть такого не может!

— Честное слово! Сказали: этот мальчик всю жизнь должен избегать любых физических нагрузок. А ты мне: “Пожёстче”!

— Они что, врачи, ошибались?

— Нет, у меня и впрямь были шумы в сердце. А потом я эти шумы убил. Гирей. Никто не верил. Стал заниматься борьбой и совсем вылечился.

— Что ж, бывает. Вон, Гарринча. Ему тоже врачи говорили, что не только бегать, а ходить для него будет счастьем. Деформация позвоночника, смещение костей таза, левая нога на шесть сантиметров короче правой. А стал самым скоростным футболистом в мире.

На красно-зелёном знамени Португалии — золотая армиллярная сфера, астрономический инструмент для определения координат небесных светил. Это в память о бесстрашных португальских мореплавателях, первооткрывателях множества новых земель.

Увы, давно уже бывшая португальская слава канула в прошлое, и лишь футбольная сборная Португалии из года в год напоминает о существовании такой, некогда грозной страны. Вот и в Монреале лишь марафонец Карлош Лопеш да стрелок по траншейным стендам Армандо Силва Маркеш завоевали пару серебряных медалей. Но и то хорошо, можно было уверенно нести по дорожке Большого-О знамя с армиллярной сферой.

Большое-О — один из самых грандиозных олимпийских стадионов. Рекордно дорогостоящий проект к началу самих игр так и не успели воплотить до конца. Чего только не случалось во время строительства — и жесточайшие морозы, и забастовки рабочих, с особой силой вспыхнувшие после трагической гибели тринадцати из них по вине подрядчиков, экономивших на всём, на чём только можно, лишь бы накормить свои вечно голодные

карманы. Стадион продолжали строить одиннадцать лет после Олимпиады, Монреаль ещё тридцать лет выплачивал олимпийские долги.

А когда шли Олимпийские игры, над небом стадиона застыли в неподвижности подъёмные башенные краны, которые потом будут возводить над Большим-О надёжную крышу, а рядом со стадионом — гигантскую наклонную башню Ля-Тур де Монреаль, призванную эту крышу поддерживать с помощью натянутых тросов.

Глядя на Большое-О в свой бинокль, генерал-лейтенант Исаев вдруг впервые обратил внимание на эти застывшие в отдалении краны. Проектора на стадионе светили так ярко, что их и трудно было сразу увидеть. И они показались ему зловещими, похожими на гигантские виселицы. Холодные муравьи пробежали у заместителя всемогущего Пятого управления КГБ, ответственного за контрразведку. В окуляры бинокля он отчётливо увидел, как кто-то торопливо взбирается на одну из этих виселиц.

Олимпийская деревня располагалась в Монреале в восьмистах метрах от Большого-О, но деревней её назвать язык не поворачивался. Это оказались два колоссальных пирамидальных здания по девятнадцати этажей в каждом. По настоянию Папы его поселили в одном номере с Иваном. Понятное дело: чтоб никаких картишек и тому подобного разгильдяйства.

— Что вы с Додоновым так рвёте друг друга! — ворчал въедливый тренер.

— Ну, конечно, а стали бы мы сдерживаться, вы же сами... Вспомните, как тогда с Зурабом.

Это было, когда Шарыгин тренировался в спарринге с Леванишвили накануне тегеранского чемпионата мира, и они стали беречь друг друга. Папа тогда возмутился:

— Вы ещё поцелуйтесь! И женитесь друг с другом!

— Да, помню, — сказал теперь Папиашвили. — Но Додонов уж больно железобетонный. Что-то мне подсказывает, что не надо вам так усерд... усерд... ствовывать.

Кроме непонятной тревоги Папы, ничто не предвещало беды. Олимпиада понеслась вперёд, как русская птица-тройка, наши спортсмены быстро вышли в лидеры, набирая и набирая медали — золото, серебро, бронза, серебро, золото, золото, серебро, золото... И у всех настроение с каждым днём становилось всё лучше и лучше, а те, кому ещё только предстояло вступить в борьбу, чувствовали себя увереннее, видя успехи тех, кого по расписанию пустили первыми.

“Трижды три равняется Санеев!” — написали журналисты о подвиге прыгуна в тройном прыжке, в третий раз подряд взявшего олимпийское золото и прыгнувшего на семнадцать с половиной метров. “Весь пьедестал наш!” — о метателях молота Юрии Седых, Алексее Спиридонове и Анатолии Бондарчуке, завоевавших и золото, и серебро, и бронзу. “Самый сильный человек планеты” — о штангисте Василии Алексееве, завоевавшем второе золото после Мюнхена.

Но самыми яркими звездами стали наши гимнасты. Кореянка из Узбекистана Нелли Ким завоевала три золотые награды — в опорном прыжке, вольных упражнениях и командном первенстве. Когда после исполнения опорного прыжка судьи поставили ей десять баллов, оказалось, что такого ещё не бывало, и даже табло не было рассчитано на четырехзначную цифру. На нем высветилось 1.00, и Нелли чуть не упала в обморок, думая, что ей поставили такой низкий балл:

— Не может быть! Это несправедливо! Что? Не один, а десять? Не может быть!

А гимнаст из Суздаля Герман Николаев в различных дисциплинах завоевал сразу семь медалей: четыре золотых, две серебряных и одну бронзовую. Он выступал с таким несравнимым изяществом, что журналисты присвоили ему титул самого элегантного спортсмена Монреальской Олимпиады.

Первой неприятностью стал скандал с пятиборцем Игорем Ципко. До этого спортсмен с Украины имел серебро на Олимпиаде в Мехико, золото

и серебро в Мюнхене, и здесь тоже от него ждали победы. Но вдруг во время соревнований по фехтованию обнаружилась явная подлость. Англичанин Джеффри Вулф во время выпада Ципко отклонился назад, и шпага Игоря его не задела, остановившись в пятнадцати сантиметрах от груди англичанина, однако за спиной у Вулфа зажглась лампочка, сигнализируя, что он получил укол. Думали, сбой системы, но проверили, и оказалось, что в рукоятку шпаги Ципко вмонтирована замаскированная замшей кнопка. Нажав её, он мог в любое мгновение замкнуть электрическую цепь, которая включала судейскую лампочку, и получалось, что противник получил укол шпаги.

Такого позора советская сборная ещё не испытывала. Павлушин срочно собрал членов партии. Жалости к Ципко не испытывал ни один из присутствующих:

- Немедленно вон из олимпийской деревни!
- Чтоб духа его тут не было!
- Неслыханно!
- Лишить звания заслуженного мастера спорта!
- Этого мало! Вон из рядов партии!
- Жулик!
- Пожизненная дисквалификация!
- Пусть идёт на ламповый завод, лампочки там включает!
- Товарищи, кто за то...

И из олимпийской деревни в тот же день вытурили, и из партии исключили, и звания лишили, а Павлушин лично принял решение о пожизненной дисквалификации. По возвращении в СССР у Игоря отобрали и орден Трудового Красного Знамени. Поделом, конечно, но всё-таки орден — уж слишком жестоко.

Republique Democratique Allemande — так по-французски называется Германская Демократическая Республика, спортсмены которой, овеянные славой, выходили на дорожку Большого-О после португальцев. Немцы начали выступать на Олимпийских играх раздельно, начиная с Мехико. Там олимпийцы ГДР завоевали девять золотых наград, через четыре года в Мюнхене — двадцать, ещё через четыре года в Монреале — сорок! Плюс двадцать пять серебряных и столько же бронзовых и — второе место после СССР в общекомандном зачёте. Лучше всего они были в лёгкой атлетике, плавании, гребле, гимнастике и велосипеде. А вот в борьбе им почему-то на Олимпиадах не везло.

Трибуны стадиона приветствовали социалистических немцев стоя, в большинстве — с уважением, лишь некоторые зрители — с ненавидящим рёвом и свистом. Довольно многочисленная делегация ГДР горделиво вышагивала под трёхцветным чёрно-красно-жёлтым знаменем с изображением молота, циркуля и пшеницы как символов единства рабочего класса, интеллигенции и крестьянства.

Теперь рядом с Исаковым стоял вызванный им руководитель канадских спецслужб, обеспечивающих безопасность на Олимпиаде, Доменик Вердьё. И тоже смотрел в бинокль на подъёмный башенный кран. Там, добравшись до опорно-поворотного круга на самом верху, некий злоумышленник уселся подле кабины управления и смотрел в бинокль на Большое-О.

— Кажется, он на нас смотрит, — усмехнулся Вердьё.

— До выхода советской сборной осталось не более пяти-семи минут, — проскрипел Исаков. Ему было не до смеха и даже не до усмешек.

— Сейчас его снимут, я послал самых надёжных ребят, — заверил канадец советского контрразведчика. — И с нашей проблемой будет покончено.

А Иван тем временем оборонялся от последних вопросов журналистов в своём *последнем и решительном бою*:

— Господин Шарыгин, вы в советской олимпийской сборной один из главных партийных активистов, — напирал представитель агентства "Трейтор". — Насколько мне известно, именно вы категоричнее других настаивали на драконовских мерах против украинского спортсмена Игоря Ципко.

— У нас нет на Олимпиаде отдельно украинских, русских, грузинских и так далее. У нас все спортсмены представляют единое Отечество — СССР, — сердито перебил его Иван.

— И тем не менее, — шел в атаку Бавыкин, он же Боуи, — известно, что Игорь Ципко является сторонником независимой Украины.

— Чуть собака! — вспыхнул Павлушин.

— Нет, не чуть, дайте мне договорить, — злобно продолжал Бавыкин. — В Советском Союзе жестоко преследуются украинцы, мечтающие о свободе. Сейчас уже просочились сведения, что весь скандал с Игорем Ципко был срежиссирован в КГБ, и спортсмен не знал, что ему в шпагу вмонтировали устройство. Теперь он лишён всех званий, срочно вывезен в СССР и, по-видимому, станет очередным политическим заключённым, узником свободы. Не боитесь ли вы, что в ближайшее время России придётся жестоко расплачиваться за свою изуверскую имперскую политику в отношении других так называемых братских республик СССР, которые не желают оставаться у России в рабстве. Не хотят быть рабами и покорённые Советским Союзом страны Европы — Польша, ГДР, Румыния, даже Болгария, не говоря уж о таких, как залитая кровью в пятьдесят шестом году Венгрия и раздавленная танками в шестьдесят восьмом Чехословакия. Прогрессивное человечество не будет бесконечно терпеть тиранию Советского Союза. Готовится всемирный крестовый поход против советской Российской кровавой империи...

— Интервью закончено! — решительно встал Павлушин.

— Нет, позвольте мне ответить, Павел Сергеевич, — возразил Шарыгин. — Этот человек, выступивший только что с явной политической провокацией, бывший гражданин СССР. Мало того, он родился со мной в одном селе, и фамилия его была Бавыкин, а теперь он переметнулся в Канаду и даже имя и фамилию себе поменял... Но не это важно. Важна та угроза, о которой он нам тут сказал. Крестовый поход, говоришь? На это я могу ответить моим любимым стихотворением Пушкина.

И Шарыгин, сначала медленно и слегка дрожащим голосом, начал читать “Клеветникам России”. Постепенно голос его окреп, стал уверенным и сильным, особенно, когда он дошёл до финальных строк великого стихотворения:

*Вы грозны на словах, попробуйте на деле.
Иль русский богатырь, покойный на постели,
Не в силах завинтить свой измаильский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясённого Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?*

Иван на несколько секунд умолк. Никто не ожидал, что “русский медведь” станет читать стихи, причём с таким сильным чувством. В небольшом зале воцарилась гробовая тишина, в которой Иван закончил:

*Что ж, высылайте к нам, витии,
Своих озлобленных сынов,
Есть место им в полях России
Среди нечуждых им гробов!*

В помещении некоторое время стояла тишина, какая бывает после объявления войны или когда скажут: “Вы все уволены”.

— Какие ещё есть вопросы? — произнес Шарыгин. — Один-два, и нам с вами пора прощаться.

Шел шестой день Олимпиады в Монреале. Через три дня Ивану предстояло выйти на ковер. Жеребьёвка его огорчила. В первой же схватке ему предстояло бороться сразу же с Каменным Руди. Ну, почему Штайнберг выпал ему с самого начала, а не в финале или в полуфинале? Шарыгину до сих пор жгла спину немецкая подпись. Проиграть в первом же поединке Олимпиады стало бы настоящей трагедией. А Руди сейчас находился в своей самой лучшей форме.

Выйдя на спарринг с Додоновым, Иван сказал:

— Елисей, ты ведь знаешь манеру Штайнберга?

— Разумеется.

— Представь себе, что ты — это он.

И они начали тренироваться так, как если бы Королевич Елисей был Каменным Руди.

— Эй, потише, потише! — осаживал их Папа, предчувствуя недоброе. И предчувствия его оправдались. В один из моментов спарринга Елисей так сильно сдавил Ивана, что тот почувствовал резкую, ослепительную боль. Но он давно уже по особой методике натренировал себя на сдерживание боли, и никто ничего не заметил. Но после спарринга в раздевалке Иван тихо сказал:

— Георгий Михайлович, вы только не пугайтесь, но, кажется, Елисей мне ребро сломал.

— Что?! Что ты сказал?! Щенок! Я же предупреждал вас! Немедленно к Берёзкину! Может, ещё не всё так плохо.

Врач сборной Сергей Березкин, осмотрев Ивана, не успокоил, а лишь ещё подлил жару:

— Похоже, не одно, а сразу два.

Рентген подтвердил его опасения, высветив перелом сразу двух рёбер. При вздохе, набирая в лёгкие воздух, Иван натёкался на засаду, из которой его начинали обстреливать болью засевающие там враги. При выдохе отпускала, но всё равно боль чувствовалась.

У всех опустились руки.

— Какая глупость, ёлки-пальки, какая глупость, шени! — сокрушался Папиашвили. — Прощай, Олимпиада! Прощай всё!

На огромном табло с изображением эмблемы Олимпиады в виде пяти колец с тремя навершиями, как будто кольца сошли с небес и оставили за собой след на небе, высветилось название очередной страны — участницы Олимпийских игр: RFA — Republique Federale d'Allemagne — Федеративная Республика Германия.

Если бы в Монреале выступала единая немецкая команда, то сорок золотых медалей ГДР плюс десять золотых медалей ФРГ, и было бы пятьдесят, на одну больше, чем у СССР, и единая Германия заняла бы первое место. Но она ещё была разделена на социалистическую и капиталистическую, и вторая заняла на играх четвёртое место с десятью золотыми, двенадцатью серебряными и семнадцатью бронзовыми. Под аплодисменты всего стадиона конник Райнер Климке, завоевавший в Монреале свою третью золотую олимпийскую награду, преисполненный гордости, нёс чёрно-красно-золотое знамя своей страны.

— В завершение нашей беседы, господин Шарыгин, — взял слово немецкий журналист, хотя Бавыкин и тут рвался в бой, явно желая задать ещё какой-нибудь провокационный вопрос. — Что бы вы хотели пожелать читателям наших газет, слушателям наших радиопередач, телезрителям? А если быть шире, то — всему человечеству?

— Всему человечеству? — покраснел Иван, вдруг понимая, что он сейчас говорит не просто с продажными буржуазными журналистами, а и вправду — со всем человечеством, и надо сказать что-то такое очень и очень главное. А что?

Он переглянулся с Паной и Павлушиным, Папа подмигнул, а Павлушин ободрающе кивнул.

— Вы знаете... — неспешно заговорил Иван, поскольку, когда говоришь со всем человечеством, надо говорить не спеша и с достоинством, чтобы тебя услышали. — Однажды в гостинице в американском городе Толедо я открыл ящик письменного стола и обнаружил там книгу, нарочно подготовленную именно для русского гостя. То есть она была на русском языке. Я открыл её наугад и с удивлением обнаружил, что первое же слово, на которое наткнулся мой взгляд, было слово “любовь”. И я легко запомнил слова, которые прочитал тогда. Вот они: “Любовь долго терпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине, всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит”. Именно такой любви я бы и хотел пожелать всему человечеству. В целом-то оно хорошее, наше человечество. И будьте добры, передайте ему от меня эти слова, написанные много столетий тому назад человеком по имени Павел.

Вечером того сломанного дня Иван и Папа сидели в номере Ивана в Олимпийской деревне и играли в шахматы. Папашивли был подавлен, раздавлен, рассеян, не следил за фигурами и проигрывал уже третью партию.

— Вам мат, Георгий Михайлович, — сказал Иван, с улыбкой перемогая боль в грудной клетке. Казалось, в грудь воткнули нож и тихонечко поворачивают его, пытая: “Говори, рус Иван, где партизаны?” — Я выиграл. А значит, я буду бороться, несмотря ни на что!

Папа ладонью казнил десяток своих фигур, рассыпав их по доске, будто они провинились в его рассеянности или это благодаря им все рухнуло здесь в Монреале, не успев начаться.

— Мат-перемат... С двумя сломанными ребрами!

— А японец? — напомнил Иван о героическом поступке гимнаста Фудзимото.

— Что японец! — фыркнул Папа. — У тебя перелом, а него был только вывих.

— Посмотрел бы я на вас, как бы вы с вывихом прыгали со снаряда и приземлялись на вывихнутую ногу. Уж простите.

— Ай, не спорь, шени! Ему только надо было пару секунд продержаться, спрыгнув. И он сразу упал, корчась от боли. А тебе — бороться не пару секунд, а десятки, если не сотни секунд. Сравниваешь тоже себя и японца!

— Придётся ещё подсократить время укладывания на лопатки, — улыбался сквозь муть боли Шарыгин.

Ночью ему стало плохо, боль не утихала, как ни ляжешь, невозможно было найти позу, при которой бы хоть немного было легче. Сидя лучше, но как спать сидя? Где-то он читал про христианских подвижников, которые, смиряя плоть, спали всегда сидя, и сейчас, пытаясь уснуть, Иван шутил сам над собой:

— Придётся стать христианским подвижником!

Но не спалось, хоть ты тресни, хоть трижды уверуй в Господа Бога, ещё и температура поднялась. В иные минуты хотелось навзрыд взорваться слезами — такая обида! Сколько сил потрачено, чтобы набрать лучшую свою форму, приехать сюда за золотом, и — на тебе! Как потом в глаза людям смотреть? Даже всё понимая, даже сочувствуя, они, тем не менее, в сердцах своих будут говорить: “Эх ты, Иван, Иван!”

Время выхода советской сборной на дорожку Большого-О неумолимо приближалось. На табло уже светилась другая аббревиатура: RPDC — République populaire démocratique de Corée — Корейская Народно-Демократическая Республика. Северные корейцы лишь во второй раз участвовали в летних Олимпийских играх и обозначили своё присутствие одной золотой и одной серебряной наградами. Удивительный народ, объявивший своей государственной идеологией доктрину чучхе, основывающуюся на том, чтобы ни от кого ни в чём не зависеть и опираться только на свои силы и ресурсы страны.

В тот миг, когда северокорейский знаменосец понёс над стадионом красивый сине-красно-синий стяг с красной звездой в белом круге, двое канад-

ских спецназовцев уже приближались к верху подъёмного башенного крана, на время Олимпиады взявшего отпуск. Сидящий около кабины человек при виде приближающихся к нему снизу вверх бойцов спецназа устремился ещё выше, очевидно желая забраться на самую вершину, туда, где мирно вращался анемометр — ветромер, призванный показывать направление воздушных струй. Подбираясь к злоумышленнику всё ближе, лучший канадский спецназовец с французской фамилией Шарпантье крикнул ему сначала по-английски, потом по-французски:

— Снимите рюкзак и бросайте его вниз!

Злоумышленник глянул на своего преследователя, увидел направленный на него пистолет, понял, что дело худо, снял и сбросил с себя рюкзак, который обречённо полетел с небес на землю.

— Теперь всё, что у вас в карманах! — потребовал Шарпантье по-французски и повторил требование по-английски.

Злоумышленник вывернул карманы, из которых выпали зажигалка, пачка сигарет. Денежные купюры превратились в бабочек и захлопали крыльшками по ветру.

— Больше у меня ничего нет! — крикнул нарушитель спокойствия по-английски.

— Спускайтесь! — приказал Шарпантье. — Вы арестованы.

Злоумышленник стал спускаться.

Тем временем внизу другие представители канадских спецслужб осторожно приблизились упавшему с небес рюкзаку. Один из них по фамилии Бодри поднял опасный предмет, медленно расстегнул его и вытряхнул на землю содержимое. Этим содержимым оказалось нечто из ярко-красной материи. Развернув ткань, все с удивлением увидели, что это знамя Советского Союза с золотыми серпом, молотом и пятиконечной звездой.

— Ну и дела! — сказал Бодри.

— И это всё? — спросили его.

— Всё.

На другой день после перелома рёбер четверо советских делегатов олимпийских игр в Монреале вошли друг с другом в преступный сговор. Их имена — Иван Шарыгин, Георгий Папиашвили, Сергей Берёзкин и Николай Орликов. В массажной комнате двое из них колдовали над третьим под прищелком четвёртого.

— Осторожнее втирай, — говорил врач.

— Не волнуйтесь, Орликов своё дело знает, — отвечал массажист.

— Третье ребро не ломайте, — ворчал тренер.

И лишь борец лежал молча, претерпевая муки и стараясь ни единым мускулом лица не выдать, как ему больно. Массажист втирал в него какие-то чудодейственные, по его словам, мази, от которых якобы даже “встают шагать грыбы // четвёркою своих дубовых ножек”.

— Рёбра, конечно, не зарастут, — уверял он, — но терпеть боль станет легче.

— Только об этом никто не должен знать, умоляю! — сурово требовал Берёзкин. — Иначе меня выгонят, как того Цишко. За шкуру и — тью-тью на родную Родину.

— Клянусь, дорогой! Никто не узнает, — бил себя в грудь раскрытой ладонью Папиашвили. — К тому же такой подарок судьбы для соперников, если они узнают.

— И всё-таки, я советую отказаться от поединков, — на всякий случай подстраховался доктор.

— Я буду стараться не подставлять болезненные места. И в каждой схватке побеждать как можно скорее, — пообещал Шарыгин.

— Нельзя! — вдруг заупрямился Берёзкин.

— Можно! Иначе я не Иван Шарыгин!

— Если Иван говорит “можно”, значит, можно. А наша медицина должна творить чудеса, — сказал Папа.

— Чудеса им!.. — фыркнул врач.

В тот же день стало известно о вчерашнем звонке Быстрицкому. Какой-то мерзавец позвонил и попросил позвать к телефону нашего выдающегося бегуна, завоевавшего золото на последних шести чемпионатах Европы, а в Мюнхене отхватившего сразу две золотые медали в беге на сто и на двести метров. Когда Володя подошёл к телефону и взял трубку, на другом конце провода ему объявили мерзким голосом:

— Ты — посипака москалив, зрадник Украины, бигаешь, як бобик, щоб им було краще. Якщо сьогодні побизиши, я тебе застрелю зи снайперской гвинтівки. Зрозумив, падла?

— Кто говорит? — спросил Быстрицкий, мысленно переводя услышанное: “Ты — прихвостень москалей, предатель Украины, бегаешь, как бобик, щоб им было лучше. Если сегодня побежишь, я тебя застрелю из снайперской винтовки. Понял, падла?”

— Не говорит, а каже украинский патриот, член спилки боротьбы за свободу Украины. Зрозумив?

— Зрозумив, — растерянно ответил прославленный спринтер.

— Чао-какао! — И “украинский патриот” повесил трубку.

О случившемся разговоре Быстрицкий поведал только своему тренеру, чтобы тот знал, на случай, если угрозы приведут в действие. После забега, в котором Володя взял всего лишь бронзу, тренер раскрыл тайну, желая оправдать своего подопечного.

— Да, — вздыхал Папиашвили, — представляю, каково это — бежать и думать, что вот-вот...

— В таких случаях лучше не думать, — сказал Шарыгин. — Молодец Володька! Не струсил, побежал всё-таки. В данном случае главное не то, что он лишь бронзу взял, а то, что вообще не испугался. Кто бы мог подумать, что он такой бесстрашный. Уважаю!

— Ну ведь откуда-то с Западной Украины?

— Из-под Львова. Чистый украинец, западенец. Сколько уж лет после войны минуло, а бандеровцы всё ещё поднимают голову. Молодец Володя, не струсил перед их звериным оскалом.

Надя Команечи стала чемпионкой сразу в трёх видах гимнастики — в многоборье, на бревне и на брусьях, принесла сборной Румынии три золотых медали из четырёх, и в итоге румыны заняли в общекомандном зачёте уважительное девятое место. Шли гордо под своим сине-жёлто-красным знаменем с изображением герба в центре, а на гербе — зелёные ели и нефтяная вышка, карпатские горы, за которыми встаёт солнце, и всё это в обрамлении колосьев.

— Слава Богу, что не пришлось снимать с парада соцлагерь, а то бы все эти румыны-чехи-поляки такую бы вонь подняли! — вздохнул с облегчением Исаков, глядя в бинокль, как доблестные канадские спецназовцы спускают пойманного шакала с башенного скелета.

— Ну, вот и все, господин Исаков. — Вердье похлопал своего советского коллегу по плечу. — Теперь мы все можем быть спокойны. Выстрела не будет.

— Благодарю вас, Доменик. — Генерал-лейтенант КГБ впервые по-дружески назвал Вердье не по фамилии, а по имени. — Ваши профессионалы прекрасно сработали. Со временем об этой операции узнают люди.

— Только не сейчас. Иначе нам, знаете ли, тоже не поздоровится.

— Понимаю, не учли возможности того, что кто-то залезет на башенный кран.

— Да уж... — стыдливо поморщился Вердье.

Боли в сломанных рёбрах вроде бы стали меньше, а вроде бы и нет. Иван не хотел никого расстраивать, делал вид, что мази Орликова и впрямь оказались чудодейственными.

— Вы маг и волшебник, Николай Данилович, — восторгался он. — Теперь я всех порву.

— Действуй, Ваня, — радовался массажист.

И вот наступил день, когда Шарыгину предстояло схватиться со Штайнбергом. Рёбра жгла боль, спину жгла до сих пор не забытая подпись Каменного Руди, сделанная с подачи Леванишвили. Кстати, Зур опять сбросил килограммы и здесь, в Монреале, выступал как полутяж, то бишь в весовой категории до девяноста килограммов.

Глядя на то, как тренер накачивает Каменного Руди, Иван пытался представить себе, что именно он ему говорит. Наверное, что-то о том, что ты уже побеждал этого рус Ивана, клал его, Руди, ты победишь и сегодня, и этого рус Ивана мы больше не увидим, он уже покойник, Руди. Собери свою свою немецкую волю, и ты будешь олимпийским чемпионом!

Папа подошёл к Ивану и сказал почти спокойно:

— Ты должен его разорвать! Ты меня слышишь? Ра-зор-вать! У тебя ничего не болит. И ты разорвёшь Штайнберга! Ты для чего сюда приехал? Победить! И ты должен его победить, ёлки-пальки!

Прекрасно понимая, что затяжная схватка — это долгоиграющие боли, которых он может и не выдержать, Шарыгин сразу же пошёл в атаку, не давая Каменному Руди опомниться. Немец попытался было пройти в ноги Ивану, то есть заставить его скакать на одной ноге и затем подсечь. Иван угадал, мгновенно согнулся, закрывая пространство между грудью и ковром. Руди растерялся, стал действовать непродуманно, вынужденно, стихийно. Иван сделал бросок и на секунду положил немца на лопатки.

— Иван! Вотри его в ковёр! — кричал Папа.

Но туше уже произошло, а японец арбитр ничего не заметил.

— Туше! Чистое туше! Почему не засчитано? Акхуребули! — скрежетал Папиашвили, как камни в горной реке.

С удивлением глядя на арбитра, Иван тихо произнёс:

— Это ты зря...

Свисток и — снова схватка. Руди вошёл в клинч, обвил Ивана, едва не стонущего от боли в сломанных рёбрах, попытался бросить через бедро. Усилиям рук Шарыгин погасил инерцию движения, подсел и сбил Штайнберга в партер. Есть балл, а то и два! Но этого мало, надо не на баллы рассчитывать, время действует в пользу боли и в пользу Руди. Снова туше, и снова арбитр ничего не видит. Хотя видят все. Немецкий тренер схватился за голову:

— Ah, Scheiße! — Вот дерьмо!

Иван внешне спокоен, а Папа вне себя:

— Второе туше не засчитано! Метраки! Шени деда!..

Глядя на японца, Шарыгин выдал свое второе предупреждение:

— Это ты совсем зря...

Папа пытался поддеть своего страдальца:

— Всё равно счёт в твою пользу. Добави его, бичо!

Третий раз тушировать Штайнберга не удалось. Преодолевая чудовищную боль, Иван довёл поединок до конца. Японец, не заметивший двух туше, баллы всё-таки отсчитывал честно. После третьего периода борцы подошли к судье, и тот с очевидной неохотой поднял вверх руку Ивана. Папиашвили потешно плясал вокруг ковра, а на табло светилось упоительное, прекрасное, счастливое:

FREESTILE WRESTLING IVAN SHARYGIN — RUDOLF STEINBERG

14:4

В раздевалку к Ивану Штайнберг пришёл по-немецки серьёзный и сосредоточенный. Без сопровождающих лиц. Протянул Ивану чёрный фломастер:

— Unterschrift, bitte.

Стянул с себя олимпийку и поставил спину.

— Чего это он? — изумился Папа. Он так до сих пор и не знал о той досадной подписи. Зур и Броневинок молодцы, не выдали тайну.

Иван метнулся к двери, распахнул её и крикнул:

— Ребята! Зураба и Броневишка ко мне позовите! Только быстро! Умоляю!

Вернулся к обнаженной спине Штайнберга:

— Энтшульдиген, айн момент, битте.

Примчался на своих всегда хороших скоростях только Броневичок.

— А где Зураб?

— Хрен его знает, не нашли. А что такое? А-а-а, кажется, понимаю! —

И Шустиков расплылся в счастливой улыбке.

Иван взял фломастер, снял колпачок.

— Внимание, внимание! — бессмертным голосом Левитана заговорил Броневичок. — Работают все радиостанции Советского Союза.

Места для подписи было предостаточно. Иван занёс фломастер.

— Акт о капитуляции Германии подписывает главкомандующий советской армии вольной борьбы... — продолжал Левитан, временно слившийся с Шустиковым.

Иван размашисто расписался.

— Иван Шарыгин! — закончил Левитан.

Иван подумал и поставил дату, слово “Монреаль” и даже пририсовал пять олимпийских колец.

— Битте, — сказал он поверженному Рейхстагу.

— Danke, — побежденно ответил Рейхстаг и натянул на свою широченную спину олимпийку. — Ich gratuliere Ihnen zu dem Sieg. — Штайнберг, пожав руки Шарыгину, Шустикову и Папиашвили, с достоинством удалился.

— Сильный поступок, — с уважением покачал головой ему вслед Папа. — Всё-таки в немцах есть что-то такое...

— Зиг хайль! Гитлер капут! — подытожил Броневичок.

Сан-Марино как государство всегда вызывает улыбку. Крошечный кусок территории, упрямо не входящий в состав единой Италии, потому что скрывавшийся в дзешних горах Гарибальди пообещал жителям вечную независимость. “Нигде не побеждать, но везде участвовать!” — таким мог бы стать девиз олимпийской сборной этой страны под бело-голубым флагом.

— Ну, что там Шарыгин? — спросил Исаков подбежавшего к нему Даниличева.

— Заканчивает свое интервью, — доложил помощник.

— Может заканчивать. Шакала обезвредили. Небо для Ивана расчистили, — счастливо объявил замначальника Пятого управления.

Из всех африканских стран один только Сенегал не присоединился к бойкоту Олимпийских игр в Монреале. В глазах африканцев сенегальцы надолго стали предателями, да и никаких наград они здесь не завоевали, и зелёно-жёлто-красное знамя развевалось над стадионом Биг-О при молчании трибун. Равно как и бело-красное знамя Сингапура, чья команда тоже выступила бесцветно.

— Последний вопрос! — строго объявил журналистам Шарыгин.

— Разрешите мне! — выскочил-таки представитель агентства “Трейтор”.

— Валяй, — усмехнулся Иван.

После победы над Штайнбергом появилась уверенность: даже превозможная чудовищную боль, можно побеждать сильных соперников. Папиашвили светился восторгом и обожанием, смотрел на своего воспитанника, как влюблённый юноша на предмет своих чувств:

— Я горжусь тобой, Ваня! Ты настоящий русский герой. Как Матросов, ёлки-пальки. Как Гастелло. Даже хуже. Скажи честно, дорогой, как тебе? Очень невмоготу?

— Вмоготу, — со вздохом отозвался Иван. — Закроем тему, Георгий Михайлович.

После Каменного Руди четверо следующих соперников — как Курская дуга после Сталинграда: тяжело, но не тяжко. Болезненно, но терпимо. Страшновато, но не очень-то и страшно. Оказывается, и к боли можно привыкнуть. Особенно, когда есть цель и когда понял, что способен, готов, “и паруса надулись, ветра полны, // громада двинулась и рассекает волны”.

Вторым после Штайнберга оказался аргентинский борец Аркадио Ступка, по происхождению украинец, даже немного знающий русский язык. Перед выходом на ковёр он беззаботно напевал по-хохлацки:

— Ще не вмерла Аргентины и слава, и воля, // ще нам, браття молоденьки, усмихнется доля!

То был гимн Украины, который через двадцать лет станет государственным в самостийной стране, только вместо слова “Украина” Аркадио вставил Аргентину.

— Ну шо, братко Иванко, — сказал он, встав на ковре против Шарыгина, — померяемся силами? — И дружелюбно улыбнулся.

Хотя после долгого и изнурительного поединка с Каменным Руди повторить мюнхенский рекорд скорости уже не грозило, Иван не стал надолго затягивать поединок: на двадцать пятой секунде ловко подсёк Ступку, и через несколько мгновений тот лежал на обеих лопатках.

Забавный этот парень Аркадио! Когда Шарыгин протянул ему руку, он встал, сказал:

— Спасибо, братко.

И пошёл, не слишком-то огорчённый, понимая, кто он, а кто Шарыгин.

Дальше — старый знакомый, чех Ярослав Непал. Он тоже выглядел дружелюбным и, в отличие от многих своих соотечественников, не видел в русском Иване одного из тех, кто восемь лет назад раздавил танками пресловутую Пражскую весну. А, между тем, на трибунах появился плакат с надписью: “Yarda, roztrhat tento rusky debil!” — “Ярда, порви этого русского дебила!”

Но долго сей призыв не красовался, потому что на двадцатой секунде, точь-в-точь, как в Мюнхене, и тем же самым приёмом Шарыгин уложил Непала на лопатки.

Следующим соперником оказался швед Улоф Свенссон.

Десятикратный чемпион Швеции по вольной борьбе и столько же кратный по греко-римской, Свенссон был как двоеженец или “Фигаро здесь, Фигаро там” — в Мюнхене он взял серебро в греко-римском стиле, а в Монреале решил искать счастья в вольном. На открытии Олимпиады Улоф нёс красивое знамя своей страны с жёлтым крестом на голубом поле.

Полвека назад на олимпийских играх в Стокгольме шведы взяли двадцать четыре золотые, столько же серебряных и семнадцать бронзовых медалей. Но то в родной Швеции, где и стены, и судьи, а здесь результат оказался хороший, но куда скромнее: четыре золотых и одна серебряная медаль. Свенссон рассчитывал стать, наконец, олимпийским чемпионом и нести знамя не только на открытии, но и на закрытии Олимпиады. Увы, не сложилось...

— Валяй, — сказал с усмешкой Шарыгин, видя, как Бавыкин рвётся в свой *последний и решительный бой*.

Эл Боуи подбоченился и, сверля Ивана взглядом, в котором сквозило некое тайное знание, заговорил:

— Просочились сведения о том, что во время Олимпиады в Монреале один из советских спортсменов, а именно Быстрицкий, получил телефонные угрозы. Какой-то бесстрашный борец за независимость Украины обещал застрелить Быстрицкого во время забега. За то, что Быстрицкий, будучи украинцем, служит Советскому Союзу. Тюрьме народов. Господин Шарыгин, отвеьте, а вы не получали подобных угроз?

Иван уничтожающе посмотрел на корреспондента агентства “Трейдор” и произнёс каменным голосом:

— Господа журналисты, на этом наша встреча окончена. Всем большое спасибо за интересные и глубокие вопросы. Всего наилучшего.

И встал. Встали Павлушин и Папиашвили. Папа от души зааплодировал Ивану:

— Молодец, сынок! Так и надо!

— Вы уклонились от ответа на мой вопрос! — оскорблённо взвизгнул Бавыкин. — Что это значит? Вам, стало быть, тоже угрожали? Эй, чемпионы! Дуй в свою Норку, пока цел!

Но русские безмолвно удалялись из помещения.

Перед поединком со шведом Папа втолковывал Ивану:

— После Руди этот Карлссон, который живёт на крыше, чепуха. Но он сильнее Непала. Будь осторожен, но и не уходи в оборону, порви его на первых секундах, ты же можешь!

На разборку со Свенссоном, которого Папиашвили почему-то упорно называл Карлссоном, ушло сорок пять секунд. Туше — и рухнула шведская мечта об олимпийском золоте в вольной борьбе.

В полуфинал вышли Иван Шарыгин против ещё одного своего старого знакомого — монгола Дэлгэра Цендийна и болгарин Тодор Пенев против — кто бы мог подумать! — Рокуэлла Эриксона.

— Кого бы ты хотел в финале? — спросил Папа, будто выход Ивана в финал — дело уже решённое.

— Надо ещё потомка Чингисхана побороть, а там видно будет, — уклончиво ответил Шарыгин.

— Пенева ты в Мюнхене быстро уконтропушил, должен и сейчас справиться. А вот Рокки... Я видел, как он умело пользуется приёмами, которые ты, как последний олух, ему же и показал. Эриксона, если честно, я побаиваюсь.

— Так не вам же с ним бороться, Георгий Михайлович.

— Понятно дело, что не мне, а тебе. Эх, давай тебе мои целые ребра пересадим, а мне — твои сломанные. А?

— Я согласен. Ножницы есть?

— Эх, Ваня, угораздило же тебя! А Додонов тоже хорош. Додонов он после этого!

Предчувствия не обманули мудрого грузина. С монголом Иван расправился в течение полутора минут, с мельницы послав старину Цендийна в туше. Так что, по очкам была победа только над Каменным Руди. Интересно, Иванову подпись Руди в тот же день смыл или до сих пор носит на память?

— Вообще надо бы такую традицию ввести, — вспоминая, как Штайнберг явился в раздевалку за подписью, говорил Папиашвили. — Проиграл — подставляй спину. Позор запомнится, будет стимулом для борьбы. А победители станут считать: “Я столько-то подписей в своей жизни поставил! — А я столько-то!”. Красота!

Пенев всеми считался сильнее Эриксона, но в полуфинале Монреаля с разницей в одно очко американец победил болгарина. Иван отправился к Рокуэллу и от души поздравил его:

— Ты сделал это, Рокки! Я очень рад за тебя. Здорово, что мы с тобой сойдёмся в финале.

— Спасибо, Иван, — широко улыбался своей голливудской улыбкой Эриксон, обнажая дёсны над строем белоснежных зубов, бравых, как морские пехотинцы. — Но должен тебя сразу предупредить: золотая медаль будет моя!

— Это ты зря, — сказал Шарыгин по-русски, хлопнул американца по плечу и удалился.

— Вот я даже не знаю, где этот Суринам находится! Даже не знаю, что это, страна или напиток, — фыркнул в далёкой сибирской Норке скептически настроенный против всего мира Сашурик, глядя на то, как по олимпийскому стадиону Монреаля под флагом из зелёных, белых и красных полосок идут немногочисленные спортсмены страны, не завоевавшей ни одной награды.

А в самом Монреале, радуясь, что шакал обезврежен, генерал-лейтенант Исаков шёл сообщить Ивану Шарыгину, что он может спокойно, ни о чём не волнуясь, нести знамя Страны Советов.

В полночь накануне финального дня соревнований по вольной борьбе Иван позвонил домой:

— Если бы ты знала, как я люблю тебя! Катюша, родная, мне столько нужно сказать тебе! Скорее бы домой, так хочется прижать тебя к себе, взять

на руки и кружить. Обязательно пойдём в цирк, пойдём в кино, сядем попольн, и я перенесу тебя к себе.

Столь бурный поток любовных словоизлияний насторожил Катю:

— Иван, с тобой там всё в порядке?

— А почему ты спрашиваешь? Что, если я тебя так сильно люблю, значит, у меня не всё в порядке?

— Да нет, просто... Мне очень приятно слышать такие слова, Иван! Я тоже сильно люблю тебя. Поскорее бы ты приехал и схватил меня на руки. А потом давай поедем на море. Я так хочу на море!

Иван продолжал объясняться в любви, его слова летели над земным шаром из одного конца в другой, из дождливого Монреаля в Красношарск, в котором тоже шли дожди. И это в самый разгар лета! Ивановы и Катинины "люблю" вылетали в космос и там переплетались в танце, целовались, ласкались, отпрыгивали друг от друга и летели дальше, Ивановы — в Сибирь, Катинины — в Канаду.

А на другой день была финальная схватка Ивана и Рокки. Ею заканчивались все финалы в состязаниях по вольной борьбе. Накануне состоялся неслыханный триумф советских борцов греко-римского стиля: в каждом финале выступал наш спортсмен, из десяти комплектов наград в десяти весовых категориях семь золотых и три серебряных медали! Смогут ли вольники повторить это достижение?

Первыми начинали легковушки — спортсмены весом менее пятидесяти килограммов. Леонид Шустиков в трудной борьбе положил на лопатки американца Питера Мотли и запрыгал, как воробушек, после того, как судья поднял к небесам его руку. Тотчас Броневинок подкатил к своему земляку-сибиряку:

— Ну, Ванюша, Сибирь начинает и выигрывает! Я альфа, ты омега. С меня началось, тобой закончится. У меня был американец, у тебя тоже будет америкашка. Не подкачай, Шарыгин! Велика Россия, а отступать некуда, позади Сибирь.

— Ну, ты и балаболка, — в тысячный раз открыл Америку Шарыгин. — Дать бы тебе шелкана, да нельзя — чемпион Олимпийских игр в Монреале! Да и какая я омега — после меня ещё Осетинский Пирог борется.

— Какая разница, Ваня! — пьяный от своей победы, ликовал Броневинок.

Следующим выступал русский борец из Дагестана Виталий Рюмин, весовая категория до пятидесяти семи килограммов. Он довольно легко одолел швейцарца Буало. Третье золото в полуреднем весе завоевал якут Сафрон Елизаров, по очкам победивший поляка Вержбицкого. Увы, в других четырех финалах наши борцы довольствовались серебром. Повторить триумф классиков оказалось невозможно.

Остались три категории: в полутяже — Леванишвили против американца Питера Нуланда, в тяже — Шарыгин против Эриксона и в супертяже — Сосланов против венгра Шольома. Зураб, который сильно сокрушался, что не присутствовал при подписании капитуляции Штайнберга, сам великолетно отборолся, дойдя до финала с тремя чистейшими туше соперников. На Нуланда он наткнулся, как на стену в темноте. В тяжелейшем поединке с огромным трудом выиграл с разницей в два очка.

Настала пора Шарыгину отстаивать своё чемпионство.

В Монреале восемнадцатилетний тайландский боксёр легчайшей весовой категории Паяо Поонтарат завоевал для своей страны первую в истории олимпийскую медаль. Хоть и бронзовую, но с каким счастливым видом он нес тайландское знамя, состоящее из чередования полос: красная, белая, синяя, белая, красная.

Белый костюм элегантнейшего покроя. Как хорошо он смотрелся на Шарыгине, и как было бы красиво украсить этот костюм красными бутонами, будь Бавыкин тем самым снайпером, который должен привести в исполнение угрозы, присланные в адрес советского борца! Ярko представлялось бьв-

шему Алику, а отныне Элу: вот он идёт, красавец Иван в своём нарядном белом костюме, несёт впереди себя красное знамя Советского Союза. И вдруг — что это?! — на белизне костюма алые брызги крови, фонтанчики крови, один, второй, третий... Или ещё лучше: пуля пробивает Шарыгину его крутой лобешник, кровяца водопадом устремляется на белизну костюма. Да, и знамя, знамя! Оно падает из рук Ивана на беговую дорожку Биг-О, а он ничком падает, всей своей ненавистной мордой прямо в это красное знамя, чтобы ещё подкраснить его своей кровушкой!..

Найдя на трибуне японца, Эл сел рядом с ним на оставленное нарочно для него место и сказал по-английски:

— Всё прекрасно. Как говорится в одном советском фильме, клиент дошёл до нужной кондиции. Он сильно волнуется. Думаю, наш сценарий работает эффективно.

— Спасибо, — ответил Кагаяку, продолжая с глубочайшим презрением смотреть на олимпийскую сборную Таиланда, поскольку воинственные и храбрые японцы исторически презирали миролюбивых и трусливых тайцев. — Если наш план сработает, вы сегодня же получите вторую сумму.

— Таиланд? — взволнованно ерзая на своём месте, по-русски пробормотал Бавыкин. — Осталось всего ничего.

Финал против Рокки стал самым тяжёлым поединком за всю жизнь Ивана Шарыгина. Эриксон не просто усвоил приёмы, простодушно подаренные ему Иваном, он их усовершенствовал, ими он победил всех соперников на этой олимпиаде, и в разработанном виде подал Шарыгину. Сколько ни пытался могучий сибиряк скорее расправиться с изобретательным америкосом, ничего не получалось. В Рокки он видел самого себя, такого же ловкого и пластичного носителя несокрушимой силы. Они оба шли в атаку, оба ни на секунду не собирались перестроиться и перейти хотя бы ненадолго в оборону.

Иван изнемогал от боли. Ему даже стало казаться, что Рокуэлл знает о его сломанных рёбрах и нарочно давит на них, но трудно было представить, что кто-то слил информацию, которой владели четыре человека: Шарыгин, Папашвили, Берёзкин и Орликов. Иван и Папа уж точно вне подозрений. А врач и массажист? Кто их знает, иной раз бывает, уверен в человеке, а он окажется предателем. Ведь за такую информашку американцы могли бы и хорошо позолотить руку подлецу...

Но Рокки... Разве мог бы этот улыбочивый, открытый, прекрасный парень воспользоваться сведениями и нарочно давить на сломанные рёбра? Нет, нет, просто там сильно болело, и оттого казалось, что Эриксон нарочно давит в больное место.

Стоп! А почему он с такой уверенностью заявил, что победит?

Нет, нет, не может быть!

Иван от нестерпимой боли едва не терял сознание. Пулями пронеслись губительные мысли, а не послать ли этот поединок к едрене фене, зачем такие страдания? Но он вовремя уклонился от этих пуль, продолжая изнурительную борьбу с американцем.

Шарыгин предпринял ещё один хищный выпад, и снова ничего не смог сделать против Рокки. Зрители ревели, в подавляющем большинстве поддерживая американца. На последних секундах Иван и Рассел замерли, как две скалы, вросшие друг в друга. Они оба были измотаны, оба не имели сил продолжать тяжкий поединок.

Гонг!

Иван медленно повернул лицо и увидел, как Папа орёт что-то с озверевшим выражением. И непонятно, что он пытается выорать из себя: радость, возмущение, ликование, злобу?

Папа тыкал пальцем, показывая куда-то, чтобы Шарыгин туда посмотрел. И, повернув лицо в другую сторону, Иван увидел табло:

Всё, победа. Но почему такое равнодушие навалилось, почему не хочется отрываться от прижавшегося к нему Рокки, почему он ничего не слышит и ничего не хочет в это мгновение, даже жить!

Иван и Рокуэлл, оба мокрые от пота, повисли на плечах друг у друга. Судья из Норвегии с трудом принялся разнимать их.

И поднял вверх руку Ивана.

Иван вспомнил, что в таких случаях положено радоваться, и слабо улыбнулся. В глазах его всё поплыло. Он сделал несколько шагов, сошёл с борцовского ковра и упал навзничь.

Когда очнулся, увидел лица, с трудом узнавал их. Виталик Рюмин. Зур. Лёнька Шустиков. Георгий Михайлович.

— Папа, — сказал Иван.

Осмотревший Шарьгина Берёзкин произнёс:

— Обморок от перенапряжения и постоянного болевого шока.

— А почему болевого? — спросил Рюмин.

— Он в спарринге с Королевичем Елисеем два ребра сломал! Перед самой первой схваткой против Штайнберга.

— Доктор, вы же сами говорили никому ни слова... — удивился Папиашвили.

— А, ну вас к чертям собачьим! — махнул рукой Берёзкин. — Надо-ели же вы мне все хуже горькой редьки!

— У него что, два ребра?.. — в ужасе спросил Броневилок.

— Все поединки провёл со сломанными рёбрами, — сказал Папа. — И снова стал чемпионом!

— И никто не знал? Вот так Ива-а-ан! — восхитился Рюмин.

— Настоящий джигит! Мужчина! — выдохнул Леванишвили. — Вот, смотри! — И Зур подбросил перед собой облако пепла. Он, как и обещал, сжёг те фотографии, на которых Штайнберг расписывался на спине у Шарьгина.

Иван смотрел на всех мутным взором. Слабо улыбнулся, но уже с лукавинкой:

— Так кто там победил-то?

— Второе олимпийское золото, Ваня! — воскликнул Папа. — Я тебя так люблю, что сейчас голову тебе откушу. Понял, ёлки-пальки?

Иван усмехнулся:

— Понял.

Шарьгин попытался встать, но боль злобно скрутила его, а сил бороться с ней не осталось, и он вновь потерял сознание.

Два золота, два серебра, четыре бронзы — и Витезлав Маха, чешский борец греко-римского стиля, несёт знамя Чехословакии — синий треугольник у древка и две продольные полосы, белая и красная. Жаль, что хорошие чешские и словацкие спортсмены, мужественные и самоотверженные, не смогли попасть в десятку лучших, куда попали другие соцстраны — СССР, ГДР, Польша, Болгария, Куба, Румыния, Венгрия.

Исаков не успел обрадовать Ивана и всех остальных сообщением о ликвидации шакала. Его нагнал Даниличев:

— Павел Игнатьич! Павел Игнатьич!

— Что там ещё? — обернулся генерал-лейтенант и понял, что счастливый конец фильма ещё не настал.

— Это не шакал, — огорчил его окончательно помощник.

— А кто?

— Какой-то мудила из Нижнего Тагила.

— То есть?

— Личность окончательно устанавливается, но это наш турист, придурок. Решил совершить подвиг — залезть на башенный кран и вывесить на самом оголовке красное знамя.

— На чем вывесить?

— На оголовке. Ну, самая верхняя часть крана называется оголовок.

— А ты откуда всё это знаешь?

— Про оголовок? В юности работал на кране.

— Да на хрена мне твой оголовок! Откуда информация?

— Доменик велел вам сообщить. Они уже допросили этого придурка. Мечтал, чтобы знамя реяло, когда наша команда пойдёт по стадиону.

— Откуда он? Из Нижнего Тагила?

— Да нет, это присказка такая. А он сам из Саратова. Фамилия, едрёна вошь, героическая — Покрышкин.

— Покрышкин он! Видно, что у парня не в порядке этот самый... — —

Исаков постукал костяшками пальцев себе по лбу: — ...оголовок.

Покуда Ивана снова приводили в чувство, пришла последняя победа — Осетинский Пирог в трудной борьбе уложил на лопатки венгра Ласло Шольома. Шарыгин пришёл в себя и сразу же окунулся в атмосферу всеобщего ликования — шесть медалей из десяти в вольной борьбе наши!

— Шустиков, Рюмин, Елизаров, Леванишвили, Шарыгин, Сосланов! — кричал Папа. — Золотые имена героев! Как космонавты, ёлки-пальки! И даже хуже.

Берёзкин настаивал на госпитализации, но Иван наотрез отказался. Силы постепенно возвращались к нему, и он уже мог бороться с болью. Весь остаток дня лежал в своей комнате в олимпийской пирамиде, неподвижно, как какой-нибудь новый Хеопс или Рамзес.

Позвонил Кате, поздравил её:

— Отныне ты жена двукратного олимпийского чемпиона. Повышена в звании.

— Голос мне твой не нравится. Ты здоров?

— Да всё нормально, только малость подустал. Рокуэлл, собака, все мои приёмы перенял, а некоторые даже лучше меня использует.

— Но это ему не помогло. Если ещё увидишься с ним, передай от меня привет и соболезнования.

— Привет передам. А соболезнования... Это ты зря. Соболезновать мы им не будем.

Почему-то комаром в сердце кусало подозрение, что Эриксон знал о сломанных рёбрах. Вспоминалось, как с этим парнем они гуляли по берегам озера Эри, как было весело, и особенную беззаботность добавляло сознание, что американцы — наши враги, а с Рокуэллом можно вот так свободно и хорошо общаться, будто он из соцлагеря. Неужели он?.. Нет, нет и нет, не может такого быть!

— Кажется, наши, — сказал Николай Сергеевич, увидев красное знамя и встрепенувшись.

— Ага, — засмеялся Виктор, — и все сплошь негры. Иван наш, вон, тоже негр. Впереди всех знамя несёт.

Семья Шарыгиных в напряжении ожидала перед телевизором выхода советской сборной — Екатерина Петровна, Николай Сергеевич, Виктор с женой Любой и двумя сыновьями Колей и Ваней, Григорий с женой Ритой, да оба Сашурика. Все немного нервничали.

— А правда, чего они негры? — удивился Виктор сын Ваня.

— Да потому что это не наши! — возмутился Гриша. — Глаза-то разуйте, флаг красный, но с чёрной полосой.

— А я уж подумала, наш флаг, но какой-то траур, — вздохнула с облегчением Екатерина Петровна. — Слава Тебе, Господи, что не наши!

Тринидад и Тобаго — два острова в Карибском море, их названия означают Троица и Табак. Страна незначительная по размеру и населению, но, тем не менее, часто получающая награды на Олимпийских играх. Вот и в Монреале золотую награду завоевал спринтер Хейсли Кроуфорд, в стометровке оказавшийся далеко впереди нашего Быстрицкого, бежавшего под мнимым прицелом снайпера. В Порт-оф-Спейне, столице Тринидада и Тобаго, его именем назовут главный стадион, а сейчас Кроуфорд нёс знамя своей страны — красное, сверху вниз перечёркнутое чёрной полосой, обрамлённой тонкими

белыми полосками. Вот почему многие, ожидавшие появления на экранах красного советского стяга, встрепенулись, дали фальстарт.

А вот как Иван Шарыгин получал из рук Павлушина красное знамя Советского Союза, по телевизору не показывали. И жаль, потому что зрелище было волнующее.

После беседы Ивана с журналистами Папиашвили проникся к своему воспитаннику ещё большим уважением:

— Ну, ты, Иван, оратор! Как хорошо с ними расправился. Не хуже, чем со своими соперниками здесь и в Мюнхене! А стихи какие! Чьи это?

— Пушкина.

— Слушай! Что вы все заладили со своим Пушкиным! Я на него в обиде.

— Это почему же, Георгий Михайлович?

— Зачем он написал где-то: “Бежали робкие грузины”?

— Это не он.

— А кто же?

— Лермонтов. Поэма “Демон”.

— Лермонтов? Вай мэ! От него я никак не ожидал. Где он видел робких грузин!

— Он же не знал вас, Зураба, других борцов грузинской школы.

— А Багратион? Тоже робкий грузин? Пушкина прощаю, а Лермонтов с этой минуты — мой кровный враг, шени!

И вот в окончании этого спора навстречу Папе и его сынку вышел председатель комитета по физической культуре и спорту, неся свёрнутое красное знамя. И протянул его Шарыгину:

— Держи, Иван Николаевич. Знамя твоей страны.

Ивана мгновенно охватила волна счастья и гордости. “Вот, ёлки-пальки”, — подумал он, принимая из рук Павлушина знамя, как невесту, худенькую, облачённую в красную ткань. Где-то он не так давно вычитал, что в старину на Руси невесты одевались не в белое, а в красное. И Иван прижал эту невесту к своей груди, держа её за древко, как за худенькую ножку.

На следующий день после победы Ивана над Эриксоном в холле Олимпийской деревни-пирамиды состоялось общее собрание советской команды. Большинство спортсменов, не завоевавших наград, уже вернулись на Родину, оставались, в основном, только медаленосцы. Но и их было очень много — больше ста человек. Сорок девять золотых медалей, сорок одна серебряная и тридцать пять бронзовых! Великое олимпийское достижение.

В большом холле от народа тесно, негде сесть, многим пришлось стоять. А в груди у всех тесно от распирающей радости, от гордости за свой успех. Многие надели свои награды. Герман Николаев сразу семь — четыре золотых, две серебряных и одну бронзовую. Ясно, что знамя доверят нести ему, кому же ещё! Борцы расселись в этом парламенте отдельной партией: вольники — Сосланов, Леванишвили, Шарыгин, Рюмин, Елизаров, Шустиков; Додонов и все остальные классики — рядом, но своей фракцией.

Наконец, перешли к главному вопросу:

— Нам предстоит проголосовать за то, кто понесёт знамя на закрытии Олимпиады, — сказал Павлушин.

Иван откликнулся первым:

— Тут и думать нечего! Герман Николаев!

— Само собой! — поддержал его Рюмин.

— Семь медалей! Гигант! — добавил Елизаров.

Вдруг возразил Зураб Леванишвили:

— А я за то, чтобы Жёна Филонова! Это будет всемирный сюрприз.

Малосенькая и хрупкая Жёна покраснела и возмутилась:

— Не смешно!

Главный тренер сборной сердито одёрнул Зураба:

— Посерьёзнее, товарищ Леванишвили!

Зураб сменил тон:

— Да конечно, что тут решать? Герман — весь в медалях, ему и нести.

— Кто за то, чтобы знамя советской сборной нёс Герман Николаев? — воззвал Павлушин.

Все начали поднимать руки. И вдруг против собственной кандидатуры возразил сам Николаев:

— Минуточку! Дайте сказать! Ребята! Я не против. И, конечно, такая честь... Эх!.. Но среди нас есть настоящий герой Олимпиады Монреаля. Перед началом соревнований ему сломали два ребра. Иван Шарыгин!

Все воззрились на Ивана, а Додонов признался:

— Это я ему сломал. В спарринге. Нечаянно. Не рассчитал силу.

— Да уж все знают, — сказала Женя Филонова.

— Но узнали только после того, как он стал чемпионом, — продолжил Герман.

Никто не ожидал, что он вдруг переведёт стрелки с себя на Ивана. Ведь такая честь!

— Да, — вмешался Папиашвили, озарённый надеждой, что его сынку дадут нести знамя. — Он никому не сказал ничего. И, преодолевая дикую боль, боролся. Всех победил. Вы представляете? С такой болью, когда и вздохнуть невыносимо. В финале дожал Рокки. Даже сознание потом потерял. И стал чемпионом, ёлки-пальки!

В холле вырос вопросительный знак.

— Предлагаю голосовать, — сказал Павлушин. — Кто за Ивана Шарыгина?

Первым поднял руку увешанный медалями Николаев. Глядя на него, и все остальные стали голосовать за Шарыгина. Сам Иван не ожидал такого поворота, сильно покраснел, даже его рыжие волосы, казалось, стали алыми.

— Да вы чо! Не по мне честь! У меня медаль только одна... — пробормотал он.

Папиашвили аж заорал:

— Зато вторая золотая олимпиада! Слушай, бичо, не отказывайся, а! Не огорчай Папу! Зря, что ли, я тебя учил? Из вагона тогда выкрал — зря? Товарищи! Это честь не только одному Ивану, но и всей нашей советской школе борьбы!

Видно было, как Николаеву жаль расставаться со знаменем. Возможно, в глубине души он надеялся, что всё равно за него проголосуют. Но ведь он сам предложил вместо себя Ивана. Подойдя к борцу, гимнаст хлопнул его по плечу:

— Забирай знамя, Ваня. Дарю.

— С барского плеча шубу... — заулыбался Шарыгин. — Спасибо, Гера, не ожидал.

— Да ладно тебе.

— Скажу честно: я бы не отдал!

— Ну, а это уж точно наши! — воскликнул Сашурик, глядя, как на дорожку стадиона Большое-О выходит следующая команда, и тоже под красным знаменем. Но только снова не с золотыми звездой, серпом и молотом. С белой звездой и белым полумесяцем.

Турки — народ воинственный, стремящийся к доблести, в том числе и спортивной. И на Олимпийских играх завоевывали немало наград, особенно в борьбе. А вот в Монреале почему-то ни одной. Даже знаменитые турецкий борцы, подобные Пуме, и то куда-то подевались.

Будто предворяя появление советского стяга, вышло сначала красное с чёрным и белым знамя Тринидад и Тобаго, затем — красное с белым знамя Турции.

В далёком от Монреаля Красношарске перед телевизором сидела уже не одна Катя. Пару минут назад к ней подвалили Чумаковы — Дмитрий и Лиза.

— Турки, — сказал Дмитрий. — По идее, наши следующие.

— Почему по идее? — спросила Лиза.

— Ну, если ещё какую-нибудь страну за это время не изобретут, — остроумно объяснил Чумаков.

— Что-то у меня на душе неспокойно... Прямо вот кошки скребут! — призналась Катя. — Где там мой Иван-то?

— Накапай валокордина, — усмехнулась Лиза.

— Или коньячку, — сказал Чумаков. — Катюха, давай коньячку накапай за твоего чемпиона.

— Это в такую-то рань? — возмутилась Катина сестра.

В тот же день, не успев Иван порадоваться неожиданно свалившемуся на него решению общего собрания, Исаков вызвал его для разговора. Они шли вокруг гигантского здания пирамиды олимпийской деревни, и замначальника Пятого управления КГБ говорил зловецким голосом:

— Я нарочно вывел тебя поговорить с глазу на глаз. Чтобы никто нас не мог подслушать. Ситуация не очень хорошая...

— Слушаю вас, Павел Игнатьевич.

Генерал словно не знал, как начать:

— Два ребра, это, конечно, сильно... Но тут дело похуже, чем ребра.

— Что такое?

— Я как глава группы представителей Комитета государственной безопасности на Олимпиаде в Монреале вынужден сообщить тебе пренеприятное известие.

— “К нам едет ревизор”?

— Ревизор. Из местных. Сначала анонимный звонок: “Появитесь на закрытии, будем стрелять!” Потом через нашу здешнюю агентуру мы получили дважды подтверждение: кто-то намерен произвести выстрелы в спортсмена, который на закрытии Олимпиады понесёт знамя нашей команды. Как тебе это нравится?

— Зашибись информация!

— Иван Николаевич, ты ещё молод, у тебя жена молодая. Тебе сколько? Двадцать восемь?

— Будет. Седьмого ноября.

— Ну да, ты же, как Великая Октябрьская. А жене твоей?

— Двадцать два.

— У вас дети малые. Двое.

— Двое пока.

— Ну вот. Пока... А может и не быть больше. А у Катюши и этих двоих не станет мужа и отца.

— Прямо-таки, “Белый взрыв”!

— Какой “Белый взрыв”?

— Фильм такой был. Не помните?

— Ты можешь сослаться на то, что два ребра сломаны, загноилось там, то, сё. Знамя тяжёлое.

— Тяжёлое? Да я, Павел Игнатьевич, вас одной рукой могу за ногу понести. Хотите — попробуем?

— Я серьёзно говорю.

— И кого же вы под пули? Сами понесёте, товарищ генерал?

— Про меня скажут: “Дожили! У них уже кагебешные генералы спортивное знамя носят!” Бурдюков понесёт. Он согласен. Тоже в прошлом боец, как-никак. И не старый, ему только под пятьдесят.

— А что, у Константина Фомича ни жены, ни детей? — усмехнулся Шарыгин.

— Он — главный тренер советской сборной на Олимпиаде в Монреале, — без тени усмешек ответил Исаков. — В общем, мы связались с Москвой, спросили, можно ли нам в такой ситуации вывести спортсменов на парад закрытия. Москва дала добро. Но если ты откажешься, к тебе никаких претензий. Знамя понесёт Константин Фомич.

— Да нет, товарищ генерал-лейтенант. Знамя понесу я. Меня выбрали. Общим собранием. Единогласно. Когда наши герои водружали красное знамя над Рейхстагом, они не думали, что в них стреляют. И с ними ничего не случилось. И со мной тоже ничего не случится.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю. Я везучий.

Ночью Иван проснулся, ворочался, смотрел, как на соседней койке спал, похрапывая, Папа. Он встал, вышел на балкон, смотрел на огоньки олимпийской деревни. И видел родное село Норку. Он лежал в кровати ранним утром. Вошёл отец:

— Эй, чемпион! Хватит дрыхнуть! Что нос задрал? А ну, пойдём в кузю. Оно полезней, чем с твоей силищей людей мять.

И они пошли в кузю...

Видение мелькнуло, окатило душу родным кузнечным жаром и исчезло. Иван снова был в Монреале, на балконе в олимпийской деревне. Из комнаты раздался заспанный голос Папы:

— Иван, ты спать сегодня собираешься?

— Иду, Георгий Михайлович, — отозвался Шарьгин, вернулся в комнату, лёг в кровать.

— Чего не спишь, сынок? — спросил Папа. — Ты что, переживаешь, как завтра флаг понесёшь? Рёбра разболелись? Может, хочешь, чтобы Герман Николаев знамя нёс?

— Ещё чего!

— Тогда спи! И не вздыхай, не ворочайся!

— Георгий Михайлович, может, в шахматшки сгоняем?

— С ума сошёл? — Папа внимательно посмотрел на часы, потом на Ивана: — Горе ты моё! Но только одну партию!

Они уселись за журнальный столик, где на доске уже стояли друг перед другом, как на Куликовом поле, две рати. Началось сражение. Иван — чёрными, тренер — белыми. Минут через двадцать Папа стал бодро побряхтывать, видя, что Иван невнимателен, и белая пешка вполне может вскоре пройти в ферзи.

— Вот интересный ты человек, Иван! — сказал Папиашвили. — Когда я с тобой в шахматы плохо играю, ты проигрываешь. А когда я тебя в плохое положение поставлю, ты выкрутишься и обязательно выиграешь! И на ковре так же. Помнишь, как ты в Толедо все свои секреты выдал Эриксону, он тебя едва не поборол, а потом ты...

— Конечно, помню, у меня тогда ещё Александр Иванович родился, — улыбнулся Иван, делая неожиданный ход ладьёй. — Мат!

Папиашвили опешил:

— Как мат? Ох, ме сулили! И правда, мат... А ты куда смотрела? Я тебе сейчас голову откусю!

Он вдруг схватил пешку и действительно откусил ей головку. Иван громко расхохотался:

— Георгий Михайлович, ты зачем пешке голову откусил?

— Потому что я этой пешкой вот сейчас только что должен был пройти в ферзи и сам тебе мат поставить!

Папа зверским движением смахнул фигуры с доски, вызвав новый раскат Иванова смеха:

— Горестная судьба пешек!

Папа пылал от гнева. Ударом погасил свет, бросил себя в кровать, накрылся зло одеялом:

— Всё, хватит! Если тебе не спится, слушай, ты займись аутотренингом. Только помни: это не то, чем мальчики в юности занимаются.

Иван со смехом лёг и снова попытался уснуть. Но ему не спалось. Был бы он сейчас один, он бы включил магнитофон и послушал свою любимую песню в том редком исполнении, в каком её мало кто знает.

Это на прошлый день его рождения Чумаков, зная о пристрастиях Шарьгина, принес ему неожиданный подарок:

— На этой кассете редчайшая любительская запись. Твоя любимая певица поёт твою любимую песню.

Ивану страшно нравилась эта смелая и артистичная девушка с рыжей копной волос, не так давно кометой ворвавшаяся в устоявшийся мир советской эстрады. Весёлая, озорная, превращающая каждый свой выход в пантомиму. А какой голос! И как задущебно она озвучила новогодний фильм,

мгновенно завоевавший огромную любовь зрителей. Странно, почему режиссёр не взял её на главную роль, а предпочёл эту стареющую картонную польку...

Но то, что ко всему прочему рыжая певица поёт и его любимейшую песню, стало для него лучшим подарком к дню рождения. Не медля, Иван поставил кассету, и все стали слушать, удивляясь:

— Надо же, а мы только Пьеху слышали.

— Нет, ещё Магомаев это поёт, и Хиль, и даже Бернес, — сказала Катя.

А Иван, как зачарованный, слушал любимую песню на слова Роберта Рождественского и музыки Оскара Фельцмана в исполнении любимой певицы:

*Об этом, товарищ, не вспомнить нельзя:
В одной эскадрилье служили друзья,
И было на службе и в сердце у них
Огромное небо, огромное небо,
Огромное небо одно на двоих.*

— Здорово! — воскликнул он, когда песня закончилась. И потом он никак не мог дожидаться ухода гостей, чтобы снова послушать.

Рыжая певица исполняла песню совсем не так, как другие, которые тоже хорошо её пели, но она всех превзошла. В её голосе было всё — золото наших побед, алое пламя наших сердец, трепет нашей души на древке нашей твёрдой уверенности в своей правоте и силе.

*Летали, кружили в небесной дали,
Рукою до звёзд дотянуться могли...*

Наконец, праздник кончился, все гости ушли, Катя шла с кухни, вытирая руки о фартук:

— Ну вот, дети спят, я всю посуду перемыла, чтоб на завтра не оставалось. Хороший день рождения получился. Ивану моему двадцать семь годовочков стукнуло...

Иван, пересматривая подарки, взял кассету:

— Этот самый лучший. Спасибо Чумакову. “Огромное небо”... И огромное спасибо.

Катя ласково улыбнулась, подошла к мужу, прижалась к нему:

— Это ты — моё огромное небо. Огромное-преогромное.

Он хотел было сейчас ещё раз послушать песню, но после таких слов Катя схватила жену на руки и понёс в кровать.

Среди ночи Катя проснулась в постели одна. Встала, запахла халатиком, пошла на звуки магнитофона, тихо лившиеся из кухни.

*Бедя подступила, как слёзы к глазам, —
Однажды в полёте, однажды в полёте,
Однажды в полёте мотор отказал.*

Жена подошла к двери тихонечко, заглянула в дверное окошко. Муж сидел перед магнитофоном и слушал с самым торжественным видом.

*И надо бы прыгать — не вышел полёт, —
Но рухнет на город пустой самолёт,
Пройдет, не оставив живого следа,
И тысячи жизней, и тысячи жизней,
И тысячи жизней прервутся тогда.*

Рыжая певица и впрямь пела эту песню особенно, сильнее цепляла душу, чем другие. Почему-то ей не дали петь её по телевизору, не записали на пластинки. Почему-то осталась она лишь на любительских записях для магнитофона.

*Мелькают кварталы и прыгать нельзя...
— Дотянем до леса, — решили друзья, —
Подальше от города смерть унесём,
Пушкой мы погибнем, пушкой мы погибнем,
Пушкой мы погибнем, но город спасём.*

Катя вдруг увидела, что по лицу Ивана текут слёзы. Ну, совсем мужик съехал! Ещё, чего доброго, влюбится в эту рыжую! А что, и он, и она — люди известные, где-нибудь пересекутся. “Сразу убью!” — тотчас мелькнула мысль у Кати. Вот только кого? Конечно, её. Иван останется в живых, признает свою вину, а больше ему уже и не в кого будет влюбляться.

*Стрела самолета рванулась с небес,
И вздрогнул от взрыва березовый лес...*

Он, между прочим, тоже ревнивец тот ещё, не меньше, чем она. Взять хотя бы недавний случай с Барселонским, оказавшимся с ними в одном ресторане в Ялте. Иван сразу его узнал, налился ненавистью:

- Вон он, твой.
- Какой ещё мой?
- Циркач.
- Чего-о-о? А, это же Барселонский, вот так встреча!

Известнейший укротитель тоже заметил их, изменился в лице, перестал смеяться над какими-то шуточками своей компании и всё время поглядывал на Катю и Ивана. Наконец, не выдержал, встал, подошёл:

- Здравствуйте. Можно к вам ненадолго присесть?

Иван разрешил. Циркач тотчас заказал бутылку шампанского и с ходу заявил:

- А вы знаете, я потом не мог забыть вас. И до сих пор не могу.
- Это вы зря, — как и положено, отреагировал Шарыгин.

Не заставляя себя долго ждать, прикатилось шампанское, официант налил его Кате, Барселонскому, а фужер Ивана оказался накрыт борцовской ладонью:

- Не употребляю спиртного.

— Я просто хотел выпить за вас, — глядя на Катю уже влюблёнными глазами, промолвил укротитель тигров. — Вы прекрасны. Вы способны воровать в мир человека и остаться в нём навсегда.

- А это совсем зря.

— В каком смысле? Вы, я так понимаю, муж? Поверьте, я ни на что не претендую. — Теперь только стало очевидно, что Барселонский изрядно выпивши. — Хотя... Я бы мечтал вас выкрасть, — заявил циркач, глядя на Катю нагло, уверенный в своей неотразимости. Похоже, он даже не знал, кто такой Иван.

— Поздно, товарищ Барселонский, — поспешила Катя, прежде чем Иван скажет третье, роковое слово, за которым может последовать известно что. — У вас был случай меня похитить, вы им не воспользовались. Меня похитил другой, более смелый и решительный, а главное, любящий меня. И я благодарна вам, что вы тогда так подло сбежали, несмотря на наш уговор. Иначе бы я, быть может, прошла мимо своей счастливой судьбы.

- Катя с любовью посмотрела на мужа и закончила:

— Максимум, что я могу для вас сделать, это дотанцевать с вами эту мелодию.

Видя недоумение Ивана, Катя подмигнула мужу, встала и пошла танцевать с Барселонским последнюю минуту исполняемой певцами песни. Кстати, то была одна из любимых Ивановым песен рыжей — “Ясные, светлые глаза”. С Шарыгиным она бы ни за что не стала танцевать под рыжую, а с Барселонским пошла. Они стали кружить в танце, и циркач запел, подпевая ресторанному певцу:

- Ясные, светлые глаза // вижу я в сиянье дня...

— Не надо вам мои глаза, — сказала Катя. — Вы прекрасный артист, великолепный укротитель, но поверьте мне, этого тигра, которого мы оста-

вили там за столиком, вам никогда не удастся укротить. А он уже готов расстерзать вас. Пожалуйста, вернитесь за свой столик и лучше сразу же уходите из этого ресторана. Прощайте.

И она решительно отстранилась от Барселонского, вернулась к мужу, готовому уже выйти на арену, чтобы загрызть укротителя. Барселонский печально вернулся в свою компанию и там стал изображать, как ему весело и насколько ему начхать на случившийся промах. Однако видно было, что он интересуется, кто такой Иван, потому что один из приятелей стал ему что-то рассказывать, и циркач поднимал брови, кивая: ах, вот, кто сё муж! Так, во всяком случае, показалось Кате. Кончилось всё тем, что она сама увела мужа из этого ресторана, даже не бросив прощального взгляда укротителю, краем глаза видя, как он этого прощального взгляда ждёт. Слава Богу, третьей ступени развития событий — “А это уж совсем ни к чему” — не последовало.

*Не скоро поляны травой зарастут...
А город подумал, а город подумал,
А город подумал — ученья идут.*

Точно, плачет. Ну, это уж слишком. Катя решительно вошла в кухню. Иван мгновенно смахнул с лица слёзы.

— Иван, ты что? Плачешь? Вот чудной какой!

— Катюша... — Ему было стыдно за свои слёзы. — Представляешь, капитан Капустин и старший лейтенант Янов... Сразу два двигателя отказали. И они, чтобы спасти город, погибли сами.

— Да знаю я это всё. Смешной ты, Иван. — Катя подошла, легла лицом ему на спину. — Такой большой, а сам как маленький.

И как бы ему сейчас, в ночном Монреале, хотелось слушать эту песню, и чтобы любимая Катюша снова легла лицом ему на спину и ласкала. Ведь завтра ему предстояло нести в вытянутой руке знамя Родины, и, быть может, никто в него не выстрелит, как не выстрелили в Быстрицкого, а может, и выстрелят, исполнят свои угрозы, как убили израильских спортсменов четыре года назад в Мюнхене, можно сказать, почти у него на глазах.

Папа уже мирно посапывал, а Иван всё ворочался, не в силах уснуть. Он накрыл голову одеялом, а в голове отчетливо пела рыжая, нет, алая певичка, и её голос звучал дальше сквозь сон Ивана, в который он всё-таки наконец провалился:

*В могиле лежат посреди тишины
Отличные парни отличной страны,
Светло и торжественно смотрит на них
Огромное небо, огромное небо,
Огромное небо — одно на двоих.*

Ивану снилось, как он бежит по тайге с красным знаменем, а его окружили со всех сторон и стреляют. Он не чувствует боли, но видит, как из его омертвевшей руки знамя СССР падает, как падает весь мир, всё кружится, знамя накрывает его лицо, и всё становится красным... Он повернулся в сторону и увидел Катю. Она в чёрном траурном платке сидела за поминальным столом, рядом с ней жалобные рыжики-шарыжики хлопали жалобно глазами. На столе перед ними — пустая шахматная доска, с которой на пол смахнули все фигуры. Потом он услышал жужжание электробритвы. Значит, в доме уже появился другой мужик! Но нет, оказалось, жужжит из телевизора, в котором диктор бреется и одновременно вещает:

— В тот момент, когда неизвестный открыл стрельбу, Иван Шарыгин нёс знамя советской страны. В живых не остался ни один спортсмен...

Иван сдёрнул со своего лица красное знамя, но это уже оказалось одеяло. Он проснулся рано утром, стряхнул с себя остатки сна. Папа жужжал электробритвой, бреясь в ванной комнате перед зеркалом.

Иван радостно позвал его:

— Георгий Михайлович! Товарищ Папашвили!

Папа высунулся из ванной:

— Проснулся?

— Ага.

— Вставай, знаменосец! Чудны дела Твои, Господи! После спарринга с Додоновым, когда он тебе два ребра сломал, я был уверен, что всё, капец... А в итоге ты снова олимпийский чемпион...

Спрыгнувшись одеколоном, Папа старательно хлопал себя по щекам, будто желая вызвать самого себя на дуэль.

— И сегодня ты понесёшь знамя нашей великой страны!

Иван, наконец, встал с кровати и заулыбался. Его застрелили. Но только во сне. А значит, наяву уже не застрелят.

— И понесу!

И понёс! Он шёл впереди победоносной олимпийской сборной великого Советского Союза, в нарядном белом костюме, держа на вытянутой руке далеко впереди себя высокое древко, на котором пламенело, трепетало и волновалось, живя своей героической жизнью, знамя твоих побед, Родина!

Следом за ним, радостно приветствуя алыми гвоздиками стадион Биг-О, неторопливо, но и не медлительно, шли в белых костюмах герои Монреаля — борцы вольники и классики, гандболисты и укротители велосипедов, метатели молота и дзюдоисты, байдарочники и гандболисты, гимнасты и бегуны, штангисты и каноэчники, прыгуны и фехтовальщики, боксёры и волейболисты, гребцы и парусники, высокие и стройные баскетболисты и приземистые могучие метатели ядра, пловцы и прыгуны, стрелки и футболисты; а в оранжевых платьях шествовали красивые и не очень в обыденной жизни, но теперь все без исключения прекрасные пловчихи и баскетболистки, гимнастки и гандболистки, бегуны и байдарочницы, толкательницы ядра и метательницы молота, фехтовальщицы и волейболистки, прыгуны и победительницы в академической гребле.

Иван Третий, стерпевший боль сломанных рёбер и всех одолевший, вел за собой это многочисленное и победоносное воинство, свою маленькую страну. Целиком отдавшись счастью и гордости за то, что именно он несёт знамя своей великой страны, Шарыгин забыл и думать о том, что в него, быть может, уже целится снайпер.

А с одной из трибун в него целились полные ненависти глаза.

— Я опять проиграл ему, этому проклятому русскому! — сказал сияющий избраннык богов.

Сидящий рядом журналист агентства “Трейтор” не понимал по-японски, но тут и не надо ничего понимать, всё и так было ясно. Когда этот японец, источающий ненависть ко всему русскому, вышел на него с предложением устроить покушение на Ивана Шарыгина и пообещал большие деньги, он недолго колебался. Кагаюку знал, где искать, — среди недавних граждан СССР, переметнувшихся на Запад и с собачьим лаем и преданностью служащих своим новым владельцам. К тому же, такая удача — Эл Боуи оказался из одного сибирского села с Шарыгиным. Он мигом взялся за дело. Но вскоре у сияющего избранныка богов возник ещё более хитроумный план:

— Мы не будем его убивать, — сказал он журналисту при очередной встрече.

— Как? Почему? — удивился Эл Боуи, который уже почти вышел на людей, почти готовых совершить теракт.

— Простое убийство — это так банально, — поморщился Юкио. — Я хочу настоящую месть самурая. Чтобы этот человек потерял не жизнь, а нечто другое.

— Что же? Что может быть ценнее жизни? — воскликнул Эл Боуи.

— Лицо.

— Фу! Как я ненавижу весь этот... — Бавыкин никак не мог подобрать английского аналога слову “выпендрёж” и не смог, ограничился выражением: — ...мнимый аристократизм.

— Здесь нет ничего мнимого, — спокойно возразил сияющий избранник богов. — Я хочу, чтобы он струсил и не вышел на церемонию закрытия. Вы должны организовать всё так, чтобы у русских не осталось сомнения, что на закрытии игр Иван Шарыгин будет застрелен. И тогда он откажется. И я увижу, что его нет. И это будет для меня самым торжественным моментом в жизни. Мне не нужна его смерть. Нужно его малодушие.

— Дело ваше, — разочарованно пожал плечами Эл Боуи. — Как говорится, кто платит деньги, тот и заказывает музыку.

В итоге план резко поменялся, и Бавыкин стал разрабатывать линию запугивания. Он даже смирился с ней. Хотя как ему хотелось, чтобы прозвучали выстрелы, и ненавистный Ванёк рухнул, истекая кровью, на дорожку стадиона Биг-О. Он пытался убедить себя в том, что убитый Шарыга станет в ещё большей степени героем, а испуганный и впрямь потеряет лицо, но величественная картина гибели Ивана всё равно оставалась более возжеленной, нежели страница позора, которую довольно легко перелистнуть.

А тут за пару дней до церемонии закрытия стало известно, что Шарыгину доверили нести знамя СССР.

— Ситуация усложнилась, — суетился Эл Боуи. — Одно дело — отказаться идти в числе других, другое — отказаться нести знамя. Поймите, Иван не такой человек. В данном случае он предпочтёт гибель со знаменем в руках, чтобы потом его воспевали, как героя.

— О нет, ситуация даже улучшилась, — возражал Кагаяку, возбуждаясь, как самурай перед боем. — Если он откажется нести знамя, он не просто потеряет лицо, он потеряет всего себя, его будут презирать. На всю жизнь он останется человеком, отказавшимся нести знамя родной страны. И надо добиться, чтобы он отказался!

Так начались звонки, предупреждающие, что будут стрелять не в Ивана Шарыгина, а в того, кто понесёт знамя. Эл Боуи организовал их с разных телефонов разными голосами. Он проявил все свои таланты интригана, узнал, через кого можно пустить дезинформацию, чтобы она дошла до агентов КГБ, которые бы подтвердили намеренность террористов убить именно знаменосца, а не конкретного Иванушку-дурака. Наконец, он попал на эту пресс-конференцию, когда церемония закрытия игр уже началась и до выхода советской команды оставались считанные минуты. И он видел минутную растерянность этого болвана после того, как он пафосно читал стихи про стальную щетину и произносил слова о великой любви, а потом, услышав вопрос Бавыкина по поводу возможного выстрела, на миг смутился и трусливо отказался ответить на этот роковой вопрос, бежал с поля боя, уводя за собой грузиняку-тренера и председателя Комитета по физкультуре и спорту, то бишь члена Правительства СССР.

Теперь оставалось только увидеть, как впереди советской победоносной сборной пойдёт с красным знаменем кто-то другой, но не Иван. А Ванек будет плестись в общем стаде, понуро, позорно. Только бы это произошло!

Но этого не произошло, и Бавыкину хотелось кричать на весь стадион, на весь Монреаль, на весь мир:

— Сууу-кааааа!

Запрыгнуть в свой тот “Фиат” и дать газу — подальше от Ивана, подальше от своей ничтожной судьбы, от самого себя, никогда не имевшего лица.

Он посмотрел на Кагаяку. Лицо сияющего избранника богов всё ещё горело ненавистью, но, присмотревшись, Боуи увидел в этом лице искру нового чувства — о, ужас! — чувства восхищения!

Да, японец начинал смотреть на шагающего в белом костюме с красным знаменем Ивана с восхищением. Он сам не ожидал от себя такого душевного поворота. Белый костюм, красное знамя. Как белый флаг Японии с красным кругом. “Если бы в Ивана стреляли, его белый костюм окрасился бы кровавым кругом, и это совсем стало бы как японское знамя”, — вихрем кружилось в голове у Кагаяку.

Иван Шарыгин вышел. Он не потерял лицо, а ещё больше утвердился в нём. Он был достоин уважения. В нём сидел дух самурая, который всё реже встречается в самих японцах, разве что здесь, в Монреале, гимнаст

с вывихнутой ногой показал его. А теперь то героическое, что всегда вызывало восхищение сияющего избранника богов, воплотилось в русском Иване, несущем знамя своей державы.

— Ну что, довольны? — с упрёком спросил Эл Боуи.

— Доволен? — отозвался из тихоокеанских глубин своих новых переживаний Юкио Кагаяку. — Да, доволен. Я очень доволен.

— Полагаю, вторую половину гонорара я уже не получу?

— Почему бы и нет? — усмехнулся сияющий избранник богов.

— То есть?

— Держите. — И из кармана Юкио в ладонь удивлённого Бавыкина переместился заготовленный толстый конверт с деньгами.

— Наши! Наши пошли! Вон Иван впереди всех со знаменем! — кричал в селе Норка вне себя от радости Сашурик.

— Иван! Ваня! — выдохнул в своём Агабане Чашкин.

— Катька! Иван твой знамя несёт! — крикнула в Красношарске Лиза Чумакова.

— Мать! Смотри! Наш Иван знамя несёт! Союза Советских Социалистических Республик! — ликовал в Норке отец Николай Сергеевич Шарыгин.

— А ты мне ещё не верил, паршивец! Яшиным хотел быть!.. — размазывал похмельные слёзы Чашкин. Накануне он крепко поднабрался.

— И правда, Иван! — выдохнула Катя.

— Господи, честь-то какая! — перекрестилась мать Екатерина Петровна.

— Хотел Яшиным, а стал Шарыгиным! — плакал Чашкин, наливая себе в стакан холодное пиво.

— Женька, Санька! Да не спите вы! Ваш папа со знаменем нашей страны идёт! — кричала Катя, из ясных и светлых глаз её сыпались мелкие бузинки слёз.

— Не зря я его тогда отпустил, выходит дело... — чуть не плача, усмехался отец.

— Хоть бы не споткнулся! — сказала Лиза.

— Это Иван-то?! — возмутилась Катя, а Чумаков поддержал её и чуть-чуть Ивана, чтоб тот и впрямь не споткнулся:

— Не упадёт. Соображай, что говоришь.

— Смотрите, это ваш родной дядя Ваня! — сказала своим детям, Коле и Ване, жена старшего брата Виктора Люба.

— А ведь это и я знамя несу... — выпив залпом вкусную холодную жидкость, с гордостью воскликнул Чашкин.

— Муж мой... Иван... — тихо произнесла Катя.

Иван со спокойным лицом нёс знамя СССР. На вытянутой руке. Алое полотнище с золотом звезды, серпа и молота красиво развевалось. Трибуны стоя приветствовали страну-победительницу. Кто-то с искренним уважением, кто-то с вынужденным, кто-то с ненавистью, но тоже стоя.

Генерал-лейтенант КГБ Исаков в бинокль смотрел на этих людей — восторженных, ненавидящих, смеющихся, спокойных, скачущих, дудящих, свистящих, приветливо машущих рукой.

Полицейские кого-то схватили. Снайпер? Да вроде нет, просто пьяный дурак. Орёт что-то.

А вон другой дурак, с огромной хлопушкой, Павел Игнатьевич давно заметил его и послеживал за ним. Этот развернул хлопушку, извлек из неё огромную бутылку и, что-то крикнув, запрокинул горлышко, впуская в себя огненную влагу. Наверняка наш, русский дуралей. Кто ж ещё-то!

А вон Папашвили, тоже пробрался на трибуны, плачет, провозжая взглядом Ивана со знаменем. И тоже что-то кричит. Понятно, что, ёлки-пальки!..

Только бы никто не стрельнул!..

Но ты, Иван, будешь идти и идти, невозмутимо неся на вытянутой руке знамя родной страны, и никто не посмеет выстрелить в тебя. Ты уведёшь

свое доблестное войско, а за ним последует бесславный отряд ничего не завоевавших уругвайцев под полосатым бело-синим флагом с беззаботным жёлтым солнышком в крыже у древка. За уругвайцами под жёлто-сине-красным стягом пройдут венесуэльцы с одним-единственным серебряным боксёром Педро Гамарро. А замыкая шествие, под сине-бело-красным знаменем с красной звездой посередине выйдет крепкая олимпийская дружина югославо-во, ещё не разбросанных во все стороны на пять бывших республик и в Монреале стяжавших две золотых, три серебряных и три бронзовых медали.

Река по имени Время, которая так медленно и томительно текла к этой великой минуте, когда ты, Иван понесёшь красное знамя побед своей великой страны, вдруг перескочит через сей порог и превратится в стремнину, быстро понесётся прочь от той священной и блаженной минуты, уносясь от неё всё дальше и дальше.

Когда ты вернёшься в родную страну, тебя вместе со всеми героями Монреала встретят в подмосковном аэропорту Шереметьево тысячи людей с цветами. И ты, как многие другие олимпийцы, будешь прятать лицо в эти цветочные тучи, чтобы не видели твоих слёз волнения. Тебе дадут микрофон, чтобы сказать несколько слов приветствия родной стране, но ты сможешь лишь выдохнуть:

— Мы ощущали дыхание Родины...

И отойдешь от микрофона под рёв радостных оваций.

А встреча в родной Сибири станет ещё более торжественной и многолюдной, нежели четыре года назад после Мюнхена. Но Катя на сей раз не потеряется в толпе и не побежит к тебе сквозь милицейское оцепление. В аэропорту Красношарска Катю понесут тебе навстречу на руках, как главный приз, и её ясные светлые глаза засверкают алмазными брызгами. Жена двукратного олимпийского чемпиона!

Ты сойдёшь с трапа самолёта, и люди подарят тебе твою Катю, как невесту, как знамя, передадут из рук в руки, и счастливее вас двоих в ту минуту не будет в целом мире никого.

— Следующее золото — уже в Москве, — скажет она тебе уже дома после того, как вы утомитесь от многих минут радости долгожданной встречи.

— Ноу проблем, — ответишь ты, смеясь, потому что в столице Родины, конечно же, будет куда легче завоевать золотую медаль, чем на чужбине. Вот только ты её не завоеешь, Иван, эту третью олимпийскую золотую награду. Нет. Ты просто не попадешь на Московскую Олимпиаду. Как? А вот так. Не попадешь.

Но сначала будут ещё четыре года счастливого ожидания этой родной Олимпиады, и начнутся они с того, что однажды, развернув газету, ты увидишь рядом две фамилии — Шарьгин и Ленин: “Указ Президиума Верховного Совета СССР... Г. М. Папиашвили — орден Дружбы Народов, З. К. Леванишвили — орден Ленина, Г. В. Николаев — орден Ленина, А. Г. Сосланов — орден Ленина, И. Н. Шарьгин — орден Ленина...” И — в Москву, на сей раз с Катей вместе, чтобы она могла увидеть, как сам глава государства целует её мужа и прикалывает к лацкану его пиджака главный орден советского государства за исключительные достижения и особо выдающиеся заслуги:

— Молодец, Ваня, всё про тебя знаю, герой!

У самого Брежнева к тому времени будет уже пять таких Лениных.

— Погоди, у меня их впереди столько же! — подмигнёшь ты жене, но этот останется твоим единственным платиновым Ильичом в обрамлении золотых колосьев, осенённым тем же алым знаменем, какое ты, Иван, пронёс над стадионом в Монреале.

Осенью вы будете много ездить с Катюшей, отдыхать на море, выезжать за границу.

— Пора тренироваться, — скажешь ты сразу после встречи Нового года. То есть вернуться к тирании усиленных тренировок, которая из-за перелома рёбер смягчится на несколько послемонреальских месяцев. И снова будешь бегать до изнеможения, отжиматься, лазать по канату, пробегать стометровку почти как олимпийцы-бегуны, поднимать тяжести почти такие же,

как тяжелоатлеты, обладатели золотых наград, париться в бане, купаться в снегу и в проруби, а главное — спарринговать и спарринговать до изнеможения. С самыми разными соперниками.

Настанет пора ехать за новым золотом Европы, но тебя вдруг не пошлют в бывшую столицу Византии. Усатому чеченцу Султану Асланбекову окажется ближе добираться до Стамбула из Грозного, нежели тебе из далёкой Сибири.

— В чём дело? — обиженно спросишь ты. — Ведь я сейчас в своей самой лучшей форме, лучше, чем перед Мюнхеном и Монреалем!

— Не обижайся, — ответит тебе Павлушин. — Тут нет злого умысла. Просто надо обкатать нового талантливого парня. Кто-то ведь должен будет прийти тебе на смену.

— Это вы зря. Мне рано думать о смене, Павел Сергеевич. Обидно даже! Вот как обидно, знаете ли! — скажешь ты и уйдёшь до того, как произнести: “Это вы уж совсем зря...”

Ты даже пожелаешь грозному чеченцу неудачи, но Султан станет турецким султаном, выступит превосходно, в полуфинале победит по очкам турка Изельмаша, а в финале и того хуже — положит на лопатки Каменного Руди, приговорённого судьбой только для тебя.

— Султан, а Руди не приходил к тебе потом за автографом? — спросишь ты с подколкой, вскоре оказавшись с новым чемпионом Европы за одним столом.

— Нет, а к вам приходил?

— Было дело. Оставили мы надпись на стене Рейхстага.

А Павлушин потом скажет:

— Хватит дуться, герой двух олимпиад! У тебя теперь задача показать, что ты лучше Турецкого Султана. Едешь в Толедо. Надеюсь, кубок мира у нас в кармане?

И в конце марта первого послемонреальского года ты снова полетишь вместе с Катюшей в Америку. И снова там будет так хорошо, всюду — приветливые люди, снова любезнейший и улыбочивый Рокки, как ни в чем не бывало. А тебя все будет подмывать спросить его, знал ли он про сломанные рёбра и почему давил именно на них. Но ты постесняешься и не спросишь. А вдруг он скажет: “Да, знал!”? Или ещё хуже: “Не знал”, — а по морде будет видно, что знал.

И вы вместе пойдёте смотреть только что вышедший на экраны фильм “Рокки” с великолепным Сильвестром Сталлоне в главной роли. Только там будет про бокс, но всё равно хорошо. И будто бы даже с каким-то намёком на Рокки Эриксона.

Когда в полуфинале ты сойдёшься с Рокуэллом, он скажет:

— Прости, Иван, хотелось положить тебя на лопатки в финале, но похоже, финал станет чисто американским.

Бедный Рокки, он снова промахнётся в своих предсказаниях! Во время схватки ты опять заподозришь его в том, что он знает, где у тебя были сломаны рёбра, но на сей раз не потребуются победы по очкам, потому что ты положишь его на лопатки по истечении двух минут поединка. А другого американца, Боба Ливингстоуна, и вовсе прижмёшь к коврику обеими лопатками аж на пятнадцатой секунде! Чего не было и не будет на кубках мира ни до, ни после тебя. Зрители даже не успеют притихнуть и подготовиться к зрелищу, а бой уже окончится.

— Ва-а-а-ау!!!

Третий кубок мира в американском Толедо!

— Я обожаю тебя, Иван! — закричит Катя на чистом английском языке, которые она в совершенстве освоит к своему этому приезду в Америку. А когда все трибуны обратят на неё свои взоры, она крикнет ещё громче: — Это мой муж! Иван Шарыгин! Завидуйте мне!

Рокуэлл останется таким же любезным, а ты так и не спросишь его про свои рёбра, вы расстанетесь как друзья, и ты полетишь домой вполне довольный своими победами. Но чувство недосказанности в отношениях с Рокки сохранится и даже усилится.

Ты вернёшься и станешь готовиться к схватке с Турецким Султаном на чемпионате СССР. В том, что вы с ним сойдётесь, у тебя не будет сомнений. Кто сильнее? Конечно же, ты. Но ты всё равно будешь усиленно тренироваться, чтобы в родном Красношарске не разочаровать тех, кто тебя так обожает.

К этому чемпионату уйдёт из спорта твой извечный соперник Гулебенко, но наберёт тяжёлый вес потомок шахтёров Донбасса и французских горных инженеров Борис Вале, уже имеющий прозвище Пиковый Валет. И вам доведётся впервые схлестнуться с ним. Эта первая встреча принесёт тебе радость — парень и впрямь сильный, талантливый, но Ивана Шарьгина ему вовек не победить. Ты положишь его на лопатки после трех минут боя и уверенно пойдёшь к финалу, но не дойдёшь до него. Увы, но с Турецким Султаном тебе придётся схватиться в полуфинале, и он окажется не только на восемь лет моложе тебя, но хитрее и быстрее, чем ты мог предполагать. Целых четыре очка ты проиграешь ему и займёшь в родном Красношарске всего лишь третье место. А он в финале положит на лопатки твоего друга Зурабика. В итоге не сибиряк и не грузин поедет осенью в швейцарскую Лозанну, а этот усатый чеченец. И станет новым чемпионом мира.

А ты, Иван? Ты будешь спокоен — пусть в этом и следующем годах побалуются другие, а когда наступит год Московской Олимпиады, *я спущусь и возьму всё стадо*. Главное, победить всех в предолимпийском году. Ты будешь ездить с Катюшей по стране и за границу, пожиная плоды своей славы или просто отдыхая где-то незаметно, чаще бывать в родной Норке, где в тебе души не чают, и каждый твой приезд встречают, как Пасху или Новый год. Рыбалка, работа в кузнице, баня, заготовка дров — что может быть лучше для чемпиона в промежутке между прежними и новыми схватками!

Год Турецкого Султана сменится годом Зура. На международном турнире в Армении он по очкам выиграет у Асланбекова, в Румынии станет золотым призёром Европы, а в финале мирового первенства в Аргентине проигрывает, и кому! — Каменному Руди, который, наконец-то, возьмёт своё первое мировое золото. Вот только тебя, Иван, не будет ни в Ереване, ни в Бухаресте, ни в Буэнос-Айресе.

Ты станешь лечиться. Недолеченные рёбра дадут о себе знать спустя два года после того неудачного спарринга с Королевичем Елисеем. Начнутся боли, врачи заставят лечь в больницу, а это уж совсем ни к чему:

— Давайте только быстрее как-то, я не знаю.

Катя к тому времени уже узнает о неосуществлённом выстреле снайпера. Когда ты сам ей всё расскажешь, дабы не узнала от других, она даже как-то спокойно это воспримет и только ночью ты проснёшься от её рыданий:

— Что такое?!

— Что-что! А если бы тебя застрелили?

— И что же ты предлагаешь? Чтобы я лично сдал другому знамя?

— Нет, конечно, это был бы уже не ты после такого. Но как представляю... — И снова поток слёз.

Но со временем она свыкнется, перестанет плакать, представляя, как тебя убивают, а в больнице ободряюще скажет:

— Скажи спасибо, что из тебя не надо пули выковыривать.

— Спасибо, — засмеёшься ты, хотя тебе будет не весело. Что, если тяготина с воспалившимися рёбрами перерастёт в более серьёзные осложнения? Тогда прощай, Москва!

Но ты будешь стараться не думать о худшем, подбадривая себя: впереди ещё столько турниров и столько побед! Пройдут эти два послемонреальских года, и начнётся усиленная подготовка к следующим играм, обещающим принести тебе третье олимпийское золото.

Надюмит ли тебя смерть отца? Конечно, это огромное горе, но не оно повлияет на твою дальнейшую спортивную судьбу.

Отец будет валить бензопилой огромную ель. Допилив до края ствола, увидит, что рюкзак его лежит нехорошо, дерево, свалившись, может упасть на него, а там всякая снедь, стекло.

— Это ты зря... — скажет Николай Сергеевич и пойдёт переключивать рюкзак, а ель сорвётся с недопила, и он не заметит, как она станет медленнее, набирая скорость, валиться прямо на него. Нелепая и случайная смерть.

На могиле отца ты пообещаешь, что ему никогда на том свете не придётся краснеть за своего сына, и почему-то побоишься клясться, что станешь в третий раз олимпийским чемпионом.

Наступит год кануна Московской Олимпиады, когда все силы ты бросишь на доказательство своего могущества. В марте поедешь в четвёртый раз в любящее тебя американское Толедо и в четвёртый раз станешь там бесспорным победителем, снова по очкам выиграв у Рокуэлла Эриксона. Теперь почему-то у Рокки не окажется времени, чтобы много общаться с тобой, он будет сух, вежлив, улыбчив, но несколько отстранён. В чём дело? Понятно: Штаты, недовольные триумфом Советов в Монреале, понимая, что в Москве сей успех лишь умножится, начнут подготовку к бойкоту, им останется только найти повод. Незначительная оттепель в “холодной войне” закончится, и синоптики станут давать морозные прогнозы. И теперь ты ещё больше укрепишься в подозрении, что Рокки знал про твои рёбра.

Более важным этапом в борьбе за право бороться станет летняя Спартакиада народов СССР, а ты её с треском проиграешь, Иван. Причём в Москве, об олимпиаде в которой ты будешь страстно и тревожно мечтать. В полудфинале тебя по очкам превзойдёт Турецкий Султан, которого в финале вдруг положит на лопатки Пиковый Валет.

— Жгучая смесь — Донбасс плюс Эльзас! — невесело пошутишь ты, а Папа возразит:

— В этой жгучей смеси не хватает одного компонента — Кавказа. Не унывай, сынок, ты против этого валета всё равно будешь туз.

Картёжная тема не зря зазвучит, Иван, в картишки-то ты снова станешь поигрывать, и немало. Вот только не с теми, кто твои настоящие друзья, а с теми, кто тебя потом станет продвигать. И не к вершинам, как ты поначалу подумаешь, а к пропасти.

Как-то раз в Одессе к тебе подведут двадцатилетнего местного красавчика с фамилией, которую ты поначалу примешь за кликуху. Юное дарование уже приобретёт славу в картёжном мире, заодно и в море всевозможных коммерческих махинаций, плавать в котором в советские времена осмеливались только самые отважные рыбки.

— Геннадий Пудэль, — представится кучерявый юноша, именно так произнося свою фамилию, хотя писалась она все-таки через “е”. — Хочу выиграть у вас кучу денег, — засмеется он потрясающе приятным смехом, который потом будут называть обворожительным и даже пленительным.

Но кучу денег выиграешь ты, по всем фронтам разгромив картёжного Моцарта.

— Приятно было сразиться с таким универсальным чемпионом, — скажет Пудель, протягивая на прощанье руку. — Давайте дружить! У меня великое будущее.

— Да и у меня не всё в прошлом, — весело скажешь ты, подпадая под обаяние этого человека, в котором тебе лишь одно не понравится — мат-перемат. Пудель будет его не просто использовать, он будет разговаривать на нём, а ты навсегда останешься ненавистником сквернословия, поскольку в твоей семье никто и никогда не матерился.

Та первая встреча векоре и забудется, а выплывет уже совсем в других морях, вдалеке от города-героя и города-юмориста.

Увы, победитель Спартакиады вскоре, в августе, отправится на чемпионат мира в Даллас, а ты останешься в родной Сибири осмыслять причины своего проигрыша. Странное дело, но на сей раз никто не станет тебя ругать, пилить, поучать. Папа будет уверен, что Пиковый Валет в Америке накроется медным тазом, после чего начнётся новый взлёт Ивана Третьего.

— Знаменосца наших побед, ёлки-пальки!

И Катя вдруг станет гораздо мягче, словно успокоившись на двух золотых олимпийских медалях мужа.

— Хотя, конечно, хотелось бы в Москве не рядом с тобой на трибуне сидеть.

— Да что вы меня все хороните!

— Кто все? Я же говорю, хочется смотреть, как ты на ковёр выходишь, а не рядом с тобой пялиться на других.

— Вот и не пялься на других. Я, кстати, узнал тут, как настоящая фамилия Барселонского.

— При чем тут он?

— Да просто. Смешно.

— Ну, и какая?

И ты с удовольствием произнесёшь фамилию, подходящую для кого угодно, только не для укротителя тигров. Ты нарочно растянешь первую букву, словно лакомья ею:

— Л-л-л-лапочкин!

— Да мне начхать на него!

— Точно? Не жалеешь, что не стала канатоходкой в его программе?

— Слушать не хочу об этом. Лучше скажи, вздыхаешь по ночам по этой рыжей лахудре?

— Это ты зря. Во-первых, она не лахудра, а превосходная певица, а во-вторых, не вздыхаю. Потому что тебя люблю.

Какие-то дурацкие ревнивые ссоры, как опилки за шкировкой, будут досаждают вам с Катей накануне Московской Олимпиады. Вроде бы мелочь, а противно. Вдобавок Катя настаивает на том, чтобы восьмилетнюю Женьку отдали в студию при Красношарском цирке, мол, что не получилось у меня, получится у дочурки.

— Почему, если у неё способности к гимнастике, то непременно в цирк, а не в спорт?

— Потому что мне так хочется. Имею я право хотя бы что-то решать в нашей семье?

— Ну ладно...

В Далласе Пиковый Валет станет чемпионом мира. Обиднее всего, что в финале он сойдётся не с кем-нибудь, а с твоим, Иван, загадочным другом, и на обе лопатки положит трудного Рокки, продолжающего использовать подаренные тобой приёмы.

— Ничего, — будет утешать тебя Папиашвили, но весьма неуверенным голосом. — Всё равно он всего лишь валет! Даже не король и не королевич. Даже меньше дамы, ёлки-пальки! Впереди ещё почти целый год, чтобы доказать, что в колоде карт советской вольной борьбы ты — туз.

Всю осень и зиму ты будешь усиленно тренироваться, но уже чувствовать, что где-то глубоко в тебе, в твоей душе есть два сломанных ребра.

Наступит год Московской Олимпиады. Накануне советское руководство в рамках исполнения договора о взаимопомощи по призыву правительства Афганистана введёт в эту страну свои войска для подавления мятежников. Америка мгновенно воспользуется этим для начала пропагандистской войны и призовет к бойкоту игр в Москве.

— Ещё чего доброго твоему Рокки запретят в Москву ехать!

Но пока ещё всё будет под вопросом, и в марте ты снова поедешь в Толедо, чтобы в пятый раз завоевать Кубок мира, в финале снова одолев Рокуэлла Эриксона. На сей раз Рокки будет грустен и доверительно поведаст тебе:

— Похоже, всё очень серьёзно. Если Брежнев не выведет войска из Афганистана, я в Москву не приеду.

— А если выведет?

— Боюсь, что и тогда бойкот состоится. Скажут: русские истребляли мирное население, и им нет прощения. Ну, что стоило вашему Брежневу ввести войска после Олимпиады!

И в тот доверительный миг ты осмелишься спросить его:

— Рокки, а ты знал что-нибудь о моих рёбрах?

— Что именно? — вскинет брови Рокуэлл.

Ты замнёшься и переведёшь всё в шутку:

— Что они у меня стальные. Мне их на нашем оборонном предприятии вставили. И поэтому меня нельзя победить.

Эриксон не поймёт такую шутку:

— Однако тебя побеждали. И Штайнберг, и Гулебенко, и Леванишвили, и этот молодой чеченец.

— Но всё равно не они и не ты стали олимпийскими чемпионами, а я. И в Москве я тоже возьму золото, — скажешь ты и уедешь домой, так снова и не разведав, знал ли Рокки о сломанных рёбрах.

До окончательного решения о твоём участии в Олимпиаде останется два шага. И первый ты сделаешь превосходно. На турнире в Грозном с разгромным счётом победишь Турецкого Султана. Он при этом одолеет Пикового Валета, а ты ещё расправишься почти без труда и с Зурабчиком. Ну, где там ваши сломанные рёбра?!

Поездка в Москву засветила лампочкой уже не в сорок, а в шестьдесят ватт, оставалось сделать второй и самый главный шаг — победить в чемпионате СССР. Он состоится сразу после Дня Победы. Хороший знак, только что вы отметите двадцатипятилетие Кати.

— Моя серебряная свадьба с жизнью, — будет веселиться она. — Но в подарок жду не серебра, а только золота. Золлотоааа! — И Катя будет напрыгивать на тебя, тормоза, хватая за щёки, как маленькая.

Ты поедешь в Москву в надежде, что вскоре снова отправишься сюда, но эта надежда рухнет. Лампочка, дойдя до накала в сто ватт, перегорит и погаснет.

Борис Вале достанется тебе в полуфинале.

— Ну, смотри, чтобы на троне вместо царя Ивана не оказался царь Борис, — пророчески пошутит Катя.

— Бориску? На царство? — изображая Ивана Грозного возмутишься ты, зная наизусть лучшие цитаты из непревзойдённой комедии Гайдая. — Так он, лукавый, презлым заплатил за предобрейшее? Сам захотел царствовать и всем владети? Повинен смерти!

Но сколько ты ни настраивай себя на беззаботный лад, ничего не получится. Добрый и ласковый в общении Пиковый Валет на ковре окажется козырным и побьёт туза. А в финале одолеет и Зураба. И не ты, Иван, а он и Леванишвили станут участниками исторической Московской Олимпиады, призванной укрепить силу Советского Союза, но именно после неё начнётся эпоха его крушения. А эта бронзовая медаль на московском первенстве СССР станет для тебя, Иван Шарыгин, последней наградой как для борца. Остальные награды ты будешь получать уже как тренер, как большой начальник.

Та ночь после крушения олимпийской мечты станет для тебя самой чёрной в жизни. Ты будешь ворочаться в постели, стонать, пугая Катю, и думать, что твоя жизнь кончена. Как жить дальше, чем? Утро начинается с зарядки, а зачем она нужна завтра? И зачем вообще оно нужно, это мрачное завтра!

Соревнования по вольной и греко-римской борьбе пройдут на Московской Олимпиаде в спорткомплексе ЦСКА на Ленинградском проспекте. Наши борцы завоюют семнадцать медалей, болгарские — десять, венгерские — семь и так далее. Шустиков, как твоя маленькая тень, тоже не попадёт в Москву, и в его весовой категории золото возьмёт итальянец Федерико Болло. Зато в других весовых категориях советские борцы завоюют семь золотых медалей. Станут олимпийскими чемпионами и Пиковый Валет — Борис Вале, и Осетинский Пирог — Алан Сосланов, и новые борцы — Степанын, Абубакаров, Раушев, братья Белоруковы.

То, что Московскую Олимпиаду бойкотируют, втайне станет утешением для тебя: половинчатые игры, нет столько сильных борцов из Америки, Европы, Азии. Каждая золотая медаль окажется с кислым привкусом “если”. Если бы приехали другие, был бы этот спортсмен чемпионом?

Ты будешь сидеть вместе с верной Катей на трибунах и болеть за своих ребят, думая о том, как быстро катится время, как недолго отпущено человеку побыть на ковре, и вот уже свистит свисток, кому-то поднимают вверх руку, кому-то нет, и прежние борцы уступают место новым. “Покорения

приходят, и поколения уходят, а земля, как была, остаётся прежней”, — будут звучать в голове слова из одной твоей любимой книги. “Но взглянул я на всё, что сделали мои руки, всё, над чем я тяжко трудился, и понял: это бессмысленно, как погоня за ветром”.

Так начнётся твоя новая жизнь, когда не ты окажешься на ковре, а другие, а ты станешь на кромке ковра, чтобы кричать, давая указания, жестиковать, спорить с судьями, переживать за своих учеников, которые пойдут мимо тебя вереницей, чтобы побеждать и проигрывать. Через полтора года после Московских Олимпийских игр тебя назначат главным тренером сборной Советского Союза по вольной борьбе. Пригласят работать и жить в Москве. Ты скажешь Кате:

— Возраст Христа. Пришла пора учить других.

А она ехидно ответит:

— Только вряд ли Христос в картишки резался.

И будет права, потому что картёжная зараза окажется прилипчивой, болезнь — хронической, то затухающей, то вновь вспыхивающей. В ответ Катя станет курить:

— Не будешь картами шлёпать, и я дымить перестану. Учти.

— Ну, какая взаимосвязь?

— Такая.

Отныне бывший твой тренер окажется у тебя как у главного тренера в подчинении:

— Я что, теперь тебя и Ванькой не могу назвать? Только Иваном Николаевичем?

— Вы можете. Сколько угодно.

— Нет уж, извините, Иван Николаевич. Будьте любезны, Иван Николаевич.

— Ёлки-пальки, Иван Николаевич, — со смехом продолжишь ты.

— Ну, нет уж, тебе теперь и ёлки-пальки нельзя сказать.

Но Папа зря станет ворчать, ты не зазнаешься и не станешь помыкать им, равно как и всеми другими. Ведь некоторые из этих других ещё недавно не только были побеждаемы тобой, но и тебя побеждали. Ты мог бы отыграться на них, но ты — человек широкой души и даже не подумаешь о такой подлости.

Ты будешь готовить их к Олимпийским играм в Лос-Анджелесе, но в последний миг советское руководство во главе с новым генсеком Черненко примет решение об ответном бойкоте “ввиду грубого нарушения американской стороной Олимпийской хартии, отсутствия должных мер обеспечения безопасности для делегации СССР и развёрнутой в США антисоветской кампании”, и эти бедные ребята лишатся своей олимпийской мечты. Им придётся довольствоваться играми “Дружба-84”, суррогатом Олимпиады, предназначенным для соцлагеря.

Зато американская мечта — побеждать, исключив из борьбы тех, кто тебя сильнее, — сбудется. Только в вольной борьбе американцы из десяти золотых медалей отхватят себе семь. Но уже сойдёт с ковра и твой закадычный друг-соперник Рокки, и многие другие, с кем тебе доводилось бороться. Новые имена, новые люди...

Новые имена, новые люди — они посыплются, как осенняя листва в октябре, а время станет уже не идти размеренной поступью, а бежать, как опаздывающий пассажир, когда объявляют, что посадка на его самолёт заканчивается. И вот уже десять лет пройдёт с того дня, как ты нёс по стадиону Большое-О красное знамя побед. Как? Уже десять?! Не может быть. Страшно быстро они утекли!

Твои ребята, не поехавшие в Лос-Анджелес, будут побеждать на чемпионатах СССР, Европы и мира, в последних спартакиадах народов СССР и других громких соревнованиях, но эти соревнования станут казаться тебе бесконечными. Не штучными, как ты видел их в свою бытность спортсменом, а конвейерными: одни ученики приходят, побеждают или не побеждают, радуются или огорчаются, обожают тебя или дуются, потом уходят, и на их место уже идут другие, такие же или лучше, или хуже, а ты остаёшься

лишь тренером. Хорошо писателю, художнику, актёру, архитектору, скульптору, да что там, любому другому: и учеников воспитываешь, и продолжаешь писать книги, картины, играть в кино и в театре, строить дома и проспекты, ваять скульптуры. У спортсмена его личные достижения всегда в прошлом, в настоящем — ученики. И это в лучшем случае. А в худшем — какая-то иная работа, не такая любимая.

На Олимпийских играх в Сеуле самый кайф будет, когда твои ребята, не попавшие в Лос-Анджелес, станут ломать, рвать и крушить золотых американчиков, победителей своей личной американской Олимпиады. В супертяже твой стоятикилограммовый Давид Бадришвили свалит сокрушительным броском через себя американского Голиафа — стоятидесятикилограммовую бычью тушу Бонни Холлидона. Человека, чей вес на сорок пять килограммов больше. Олимпийского чемпиона Лос-Анджелеса. И что самое смешное, у него и впрямь будет прозвище Голиаф, а твоего Бадришвили и впрямь будут звать Давидом. “Что было, то и будет, и что делалось прежде, происходит и ныне, и нет ничего нового под солнцем”.

Четыре золотые медали завоюют твои ребята. Лишь против Степаняна и Вердиева американцы в финалах окажутся сильнее. А ты будешь радоваться этим четырём олимпийским медалям, как своим двум, ведь теперь никто не скажет, что Шарыгин не состоялся как тренер. Никто не упрекнёт тебя в введении новых методов тренировок, например, в обязательном футболе. Ведь, не став в юности новым Львом Яшиным, ты поймёшь, что тяга к игре в мяч была у тебя не случайной, что, играя в футбол, борец отрабатывает огромное количество приёмов, которые будут потом полезны в борцовских поединках. Твой тренировочный футбол станет особым, в нём можно будет таранить друг друга, толкаться, заграбастывать соперников лапами, сбивать с ног вратаря. С одним лишь условием — не покалечить друг друга. Бадришвили, которого после победы над Голиафом станут звать, конечно же, Царь Давид, признается в одном из интервью, что именно футбольные тренировки дали ему пространство для осмысления борьбы с противником, вес которого значительно превосходит твой.

И вот уже пятнадцать лет стукнет с того священного дня, который в твоей семье станут отмечать как День Знамени, наравне с Днём Победы, Новым годом, днями рождений, Днём космонавтики, Восьмым марта, даже больше, чем Первомай и Седьмое ноября.

Неужели пятнадцать лет? А как сильно изменится страна за эти годы. После череды похорон генсеков придёт к власти глуповатого вида болтун с лиловой кляксой на лысеющей голове, и вдруг окажется, что все мы жили не так, шли не туда, стремились не к вершинам, а к пропастям. Поначалу понравившись, с годами эта балаболка станет тебе нравиться всё меньше и меньше, покуда не будет уже вызывать раздражение и презрение, потому что всё, что можно, сдаёт америкакам! Не предатель ли? Не подкупленный ли? Ты и сам за эти пятнадцать лет сильно изменишься, раздобреешь, растяжелеешь, окончательно примешь начальственный облик. Будешь ходить важно, голову поворачивать вместе с туловищем, на многих смотреть свысока своего роста и не опускать глаза к полу, когда тебя чествуют и хвалят. Но не сердись, Иван, за эти слова. В остальном ты останешься тем же, внешне тяжёлым, но во всем стремительным, проникающим, думающим, чувствующим. И — любящим!

Видя, что огорчает Катю, ты будешь стараться, чтобы ей было счастливо жить с тобой. Окончив филфак университета, она станет преподавать русскую литературу в школе, и вы будете обсуждать с ней все важнейшие произведения, без которых человечеству нельзя и помыслить своё существование.

Женька не станет цирковой артисткой, зато увлечётся коньками и будет летать по замысловатым канатам ледяных виражей, её возьмут в Московский балет на льду. И очень хорошо, что её ледовые дорожки не пересекутся с тигриными путями укротителя Барселонского, он же Лапочкин, а то мало ли, увидит в дочери поразительное сходство с матерью и...

Александр Иванович, похожий на отца, пойдёт по твоему пути, с восьми лет станет заниматься на ковре и к восемнадцати подавать большие надежды.

Олимпийские? Время покажет. А пока что, отмечая в Севастополе очередное Первое августа, он понесёт по коридору санатория красное знамя с надписью “Мы любим тебя, папа!”, чтобы вручить тебе под общей смех собравшихся новых и старых друзей и знакомых.

В том же санатории случайно окажется картёжник с собачьей фамилией, которого ты не сразу-то и вспомнишь, а потом он вызверит тебя, когда, гуляя с тобой и Катей по санаторному парку, начнёт издеваться над красным знаменем:

— Ваши дети подали превосходную идею — на государственном знамени Советского Союза вместо серпа и молота со звездой изобразить что-то более человеческое. Нечто вечное. “Я люблю тебя”. Какие слова могут быть главнее этих трёх? Может быть, тогда и всё человечество станет по-другому к нам относиться? Не столь испуганно и враждебно. Мы превратили свою страну во всемирное пугало, и добром это не кончится. Наша красная тряпка раздражает всемирного быка.

— Это вы зря, — скажешь ты угрюмо. — Возьмите свои слова обратно.

— Какие именно?

— Про красную тряпку.

— Прошу прощения, красное полотнище. Если вам так приятнее.

— Так приятнее. Я это красное полотнище с гордостью нес по стадиону в Монреале. Мой отец с этим красным полотнищем и с криком “За Родину! За Сталина!” шёл в атаку. А наши герои Егоров и Кантария это красное полотнище под свист пудль водрузили над Рейхстагом, спасая это ваше человечество от коричневой чумы.

— Поверьте, я глубоко уважаю вас и ваши убеждения. Но сейчас всплывает такое огромное количество фактов. Те же Егоров и Кантария не первыми водрузили знамя, знаменитые кинокадры, как оказалось, снимались потом, уже после боев, а стало быть, инсценировка. А победа над коричневой чумой досталась нам в большей степени не героизмом и, тем более, не сомнительной гениальностью Сталина. Забросали трупами.

— Это вы совсем зря... — в своей манере набычишься ты, готовый уже прочувтить кудрявого красавчика.

— Иван... — ущипнет тебя вечно примирительная Катя.

— А что Иван? — вскинешь ты бровь. — Вот я впервые встречаю человека с собачьей фамилией, рассуждающего о характере нашей великой победы и о природе героизма русского человека. Ишь ты, трупами забросали! Слыхали мы уже эту песенку.

— Простите, но я вынужден немного поведать о своей фамилии, — зашепчет Пудель, носом почуяв, что сейчас, возможно, прольётся кровь, и возможно, из него. Или как там по-иному сказано в “Двенадцати стульях”? — Не моя фамилия происходит от собаки, а название породы собак происходит от моей древнейшей немецкой фамилии. “Puddeln” по-немецки означает “плескаться”. Селение Пудель расположено в Германии на берегу Рейна, где жители всегда плескались, то бишь купались и полоскали бельё. Мои предки оттуда родом, и их фамилия была фон Пудель. Именно они вывели данную породу собак и назвали её в свою честь. Кстати, во всём мире признано, что пудели — самые умные собаки из всех пород. По своему происхождению я барон фон Пудель. Просто в советской стране, само собой, носить приставку “барон фон” было небезопасно. И без того многие из нашей родни канули в пучине ГУЛага.

— Ах, вот почему у вас ещё и кличка Фон-Барон, — усмежнёшься ты с презрением.

— Есть такая кличка, — дружелюбно засмеётся Пудель, пытаясь вернуть к себе доброе отношение и видя, что Кате он по душе, как подавляющему большинству девушек и женщин. — Но продолжим про пуделей. Эта порода собак способна приспосабливаться к любому климату, к любому хозяину, к любой стране.

— А почему вы, Геннадий, породу собак называете “пудель”, а свою фамилию произносите через “э” — Пудэль?

— Потому что по-немецки именно так и произносится правильно — через “э” — Пу-дэль.

— А вот в русских фамилиях не встречаются собаки, — скажешь ты, продолжая нагнетать враждебность к этому обаятельному человеку. — Нет Овчаркиных, Ротвейллеровых, Таксиных, Болонкиных. Даже Дворянжких я что-то не встречал.

— Я вижу, вы сердитесь? Напрасно, я просто выражаю многие современные взгляды историков и политиков. Слушайте, а давайте в знак дружбы перекинемся. Давно мечтаю ещё раз сразиться с вами.

— Дал слово жене не играть в карты, — ответишь ты с вызовом.

— Вот как? И разве такое возможно?

— Что именно?

— Сдержат такое слово?

— Возможно, — вместо тебя ответит Катя. — К тому же в обмен на моё обещание не курить.

— Ах, вот оно что! — засмеётся Пудель. — Но я всё равно не представляю, как можно жить без игры. “Вся наша жизнь — игра!” Помните в опере “Пиковая дама”?

— А вы что, одной игрой и существуете? Другой-то профессии нет, что ли?

— Ну, что вы! Я, к вашему сведению, работаю в одном элитном московском НИИ, кандидат наук, докторская на носу, и здесь нахожусь по путёвке от своего института, а не от всемирного союза картёжников. Иван Николаевич, плюньте, давайте сразимся, и разрешите своей второй половине делать всё, что ей хочется. Что сулит нам мирный атом? Пить, курить, ругаться матом...

И вот тут он тебя окончательно выверит. И ты нахамишь ему:

— Слушай, ты, представитель самой умной породы собак! А не пой-ти ли тебе?

— Иван! — стыдась твоей несдержанности, крикнет Катя. — Немедленно извинись!

— Это ты зря, — скажешь ты, теперь уже наезжая на родную жену.

Да и извиняться будет поздно: Пудель, ни слова не говоря, уже зашагает прочь. Как наваждение. Как дурное предзнаменование.

Через несколько дней неподалёку от Севастополя в элитном партийном санатории в посёлке Форос окажется в подвешенном состоянии генеральный болтун, в стране состоится несостоявшийся переворот, а к власти придёт новый великий разрушитель, пьяница и скандалист с брезгливой ухмылкой на лице. Он нагло растопчет результаты референдума о сохранении Союза Советских Социалистических Республик, разрушит великую державу, превратив её в прислужницу Запада.

А в декабре после предательского сговора, устроенного новыми иудами в Беловежской пуще, упадёт твоё знамя. Ты будешь смотреть по телевизору, как на крыше Сенатского дворца Кремля с самого главного шлагбаума страны медленно сползёт вниз и исчезнет знамя великих побед, знамя, с которым шли в бой отцы и деды, которое водрузили над поверженным Рейхстагом, которое озаряло нашу доблесть и славу и которое ты, Иван Шарыгин, с гордостью и достоинством несё над собой, над своей командой, над всем миром.

Вместо него в ночное небо поползет бело-сине-красный триколор, знамя, под которым мы не будем знать побед и успехов, радости достижений, гордости за свою страну. Его брезгливо будут звать власовским, о нём сразу же сочинят злую шутку: сверху белые, снизу красные, а между ними голубые.

А ты, глядя на низвержение твоего знамени, впервые в жизни напьёшься вдрызг и, размазывая пьяные слёзы будешь рычать:

— Огrrrrромное небо, огrrrrро не, огrrrrро не, онно на двои...

Ты станешь чувствовать себя так, будто это знамя у тебя украли, да ещё и смеются над твоей пропажей.

Великая держава, грозная для всех остальных, на Олимпиаду в Барселоне приедет под белым флагом капитуляции и с позорным наименованием “Объединенная команда”. Тебе будет мучительно ехать туда в таком качестве

и под таким постыдным знаменем, хоть и украшенным пятью олимпийскими кольцами. В последний раз какие-то люди, презирающие нашу славу, разрешат выступать вместе русским и грузинам, украинцам и белорусам, армянам и азербайджанцам, молдаванам и узбекам, таджикам и казахам, туркменам и киргизам. В последний раз единым фронтом, за единую команду. А Литва, Латвия и Эстония пойдут отдельно под своими знаменами. В последний раз ты — главный тренер. В последний раз... Какая боль в рёбрах и под ними!

Белое знамя капитуляции великой державы по Олимпийскому стадиону столпцы Каталонии понесёт супертяж греко-римского стиля, несокрушимый гигант Александр Карелин, и тоже сибиряк, только из Новосибирска. Судьбе будет угодно, чтобы он нёс красное знамя в Сеуле, белое в Барселоне и бело-сине-красное в Атланте. И во всех трех городах он станет чемпионом в своей весовой категории. Да ещё и на суррогатной Олимпиаде “Дружба-84”. Ему суждено будет стать девятикратным чемпионом мира, двенадцатикратным Европы, за всю свою спортивную карьеру от выиграет восемьсот восемьдесят восемь поединков, а проиграет только два — величайшее достижение, которого уже никто не повторит. И если Поддубный — Иван Первый, Заикин — Иван Второй, а ты — Иван Третий, то Карелин — Александр Великий!

Даже в таком позорном облике олимпийская сборная некогда несокрушимой державы станет вновь победительницей Олимпийских игр, завоевав золотых и серебряных медалей больше, чем США, чем объединённая Германия, Китай, Куба и хозяйка Олимпиады Испания. А твои борцы вольного стиля возьмут только три золота, столько же, сколько и американцы, и обиднее всего, что на сей раз Голиаф окажется сильнее Царя Давида, победит его в полуфинале, оставит с бронзой.

Вернувшись из Барселоны, ты сложишь с себя полномочия главного тренера.

И куда?

— Вот теперь можно и в киноартисты! — скажет Катя, и словно в подтверждение её слов по озеру твоей жизни снова поплывет Лебедецкий, подплывет к тебе, курлыкая, зазывая снова сниматься. Ему дадут денег на фильм о Поддубном, но только сценарий окажется совсем другим, таким, что тебя стошнит, когда ты его прочитаешь, и ты швырнёшь его под ноги режиссёру, а тот закудахтает, превратившись из лебедя в курицу:

— Поймите, сейчас иные времена, иные взгляды на нашу историю, всплывают новые факты, порой неприглядные. Увы, и наш Поддубный не был ангелом...

— Это ты зря. — Лицо твоё будет зверским. — Слушай, ты, не ангел, катись-ка подобру-поздорову!

— Иван Николаевич! Мы возьмём этот сценарий за основу, а сами сделаем кино так, как захотим.

— Я всё сказал!

И на всю осень и зиму ты забуришься с женой в свою Норку, чтобы не видеть, как люди стремительно превращаются в холоуёв новой кривды. И всё, что с тобой было раньше, станет казаться каким-то счастливым сном, далёким от реальности сибирской природы, от этих заваленных снегом равнин, лесов, гор.

И лишь весной следующего года тебя разыщут и возвратят в Москву, возведут в ранг президента Федерации спортивной борьбы России. И начнётся новая жизнь, так сильно отличающаяся от прежней. Потеряв своё красное знамя, ты подумаешь, что теперь надо жить иначе, жить так, как другие, стремящиеся приспособиться к новой жизни, урвать от неё всё, что можно. И ты вольёшься в иную команду, отнюдь не спортивную. Что делать, Иван, из песни слова не выбросишь, как те два года между ГКЧП и расстрелом Белого дома из танков, когда ты будешь добывать отнюдь не спортивное золото...

И первое, что ударит тебя под дых, да так, что в глазах потемнеет, это когда ты будешь ехать на своём супермерсе по Москве, охваченной мятежом,

заключенной спиралью Бруно, а по радио какой-то бобик будет вещать о поганом советском прошлом, в которое нас снова пытаются окунуть него-дья, засевшие в Верховном Совете:

— Снова поднимается зловещее красное знамя, красное от морей кро-ви, пролитых Сталиным, воняющее гнилой советской портянкой, знамя де-биллов и краснопузых долдонов. И сейчас все честные люди планеты должны встать и выйти на борьбу, чтобы эта проклятая красная тряпка вновь не ста-ла развешиваться над Кремлем! Это говорю вам я — Иван Шарыгин.

Ты аж подпрыгнешь в своём автомобильном кресле из высококачествен-ной кожи. Какой такой Иван Шарыгин? Что за бред? Быть может, ослы-шался? Но нет, по радио будут и дальше вещать, спрашивая какого-то Ива-на Шарыгина с гнусным голосом подонка, призывающего идти на борьбу с мировым злом, вновь выползшим на свет под своим красным знаменем.

Вскоре выяснится, что недавно на радио появился новый обозреватель, чье имя и фамилия точно совпадают с твоими. А в “Московском комсомоль-це” замелькают статьи, подписанные теми же именем и фамилией. Эту га-зету, названную тобой сокращенно “Моськой”, ты станешь теперь покупать каждый день и, найдя очередную статейку с авторством “Иван Шарыгин”, каждый раз вызвериваться, рвать газету в клочья, размётывать эти клочья по улице.

А всё очень просто. Один канадский журналист из бывших иммигрантов вернётся в Россию ловить волну, потому что здесь теперь за поливание ве-ликой державы грязью станут платить в десятки раз больше, чем за океаном. Разумеется, выступать под именем Эл Боуи ему станет, конечно же, не с ру-ки, но и под своим исконным именем он не захочет, надо будет придумать новый псевдоним, и этот псевдоним как-то сам собою выскочит. И тогда он поймёт, за что же всю жизнь так ненавидел тебя. За то, что с детства хотел быть Иваном Шарыгиным. И потом втайне мечтал быть тобой. Чего бы ни добивался в жизни, каких бы благ ни достигал для себя и своей семьи, вну-три сидело это смутное и странное желание — быть не собой, а тобой. И те-перь он станет Иваном Шарыгиным, этим именем будет подписывать статьи в “Моське”, это имя зазвучит на всю страну по волнам радио.

Ты кинешься узнавать, что можно сделать, как запретить, но сделать ни-чего нельзя и никак нельзя запретить: человек имеет право использовать лю-бой псевдоним, назваться даже именем и фамилией главы государства, даже Иисусом Христом, ведь есть же певица Мадонна в образе развратницы.

— Не убьешь же ты его, — скажет Катюша, искренне жалая тебя.

— Убью, гада, — заскрежешешь ты зубами, но вскоре ненадолго забу-дешь, потому что расстрел Белого Дома станет вторым ударом, на сей раз и под дых и по лбу тебе, Иван Николаевич Шарыгин, чтобы ты вдруг очу-хался и ужаснулся, кому ты служил и кому подпевал эти два предательских года. И ты скажешь себе на манер новорусской речи:

— Стопэ!

И порвёшь со многими, кто успел прилипнуть к тебе. Иных придётся от-рывать от себя с кусками кожи, но что поделать, не кричать же вслед за гнусным журналистишкой о красной тряпке, о преступлениях Советской вла-сти, о преступном прошлом СССР.

— Я это знамя нёс с высоко поднятой головой, понятно вам?!

Конечно, ты не откажешься от разнообразного бизнеса, в который во-влечёт тебя водоворот новорусской жизни, но теперь станешь разборчивее в связях и, не раздумывая, в ущерб бизнесу, станешь отказываться от всего, что дурно пахнет. И на твоём рабочем столе в офисе никогда не появится триколор, а всегда будет возвышаться красный флажок со звездой, серпом и молотом.

— Почему я не с Зюгановым? Это уж позвольте мне самому решать.

Дома у тебя давно уже будет светиться экран не “Рубина”, а “JVC” осо-бой сборки, и именно на экране этого чуда техники ты, наконец, увидишь морду твоего гнусного двойника, радиоболтуна и бойкого журналиста “Мось-ки” Ивана Шарыгина. И взвоешь:

— Йооооханный бабай! Катя! Катюша! Глянь на эту поганку!

А вскоре на телеэкранах замелькает и ещё один твой старый знакомый, и тоже под новым именем, точнее, только фамилией. Имя Геннадий и отчество Ильич он оставит свои, а фамилия отныне у него будет Германский.

— Оба-на! И этот пролез в большие начальники!

Руководитель Красношарской области Занозенко, неизмеримо много сделавший для процветания города и всего края, не поддержит вечно пьяного президента, когда тот расстреляет Верховный Совет. Вскоре всеми уважаемый и любимый Сергей Прокопович, никогда не жаловавшийся на сердце, внезапно умрёт от обширного инфаркта, а на его место президент назначит успешного сотрудника одного элитного московского НИИ, доктора наук Геннадия Ильича Германского. Бывает же такое!

— Только он никакой не Германский, а Пудель.

— Да уж, да уж, сменил фамильичку на более красивенькую.

— Как твой Барселонский, который на самом деле Лапочкин.

— Ну, почему это он мой, Ваня! Обидно даже. А твоя вон совсем стала похабная, ноги толстые, а она их напоказ. “По секрету всему свету”. За муж собралась за этого луноглазого, который её на восемнадцать лет моложе, она ему в мамаша гонится.

— С чего это она моя?

— А с чего это Барселонский мой?

И придётся мириться с тем, что всюду, куда ни плюнь, окажутся совершенно непонятные люди, бывшие картёжники, спекулянты, жулики, проходимцы всех мастей, а рожи такие, с какими раньше в кино назначали на роли самых отпетых мерзавцев. Глянешь — и жить не хочется. И ты выучишь наизусть и станешь часто цитировать шекспировское в переводе Маршак:

*Зову я смерть, мне видеть невтерпех
Достоинство, что просит подаянья,
Над простотой глумящуюся ложь,
Ничтожество в роскошном одеянье.*

И по ночам, вздыхая, будешь шептать родимой Кате:

*Всё мерзостно, что вижу я вокруг,
Но как тебя покинуть, милый друг!*

И на английском выучишь этот шестьдесят шестой сонет: “Tired with all these, for restfull death I cry...” Какое точное определение — “restfull death” — “полная отдохновением смерть”, приносящая отдых от мерзостей и несправедливостей жизни.

Ты нарушишь договорённость с Катей, станешь снова играть, а она в ответ — курить. Ты тоже станешь и покуривать, и попить, и ругать себя за всё это, самому себе говорить:

— Это ты зря... А это ты совсем зря... А это уж совсем ни к чему.

Только самому себе морду не набьёшь, из автобуса самого себя на ледяной асфальт не вышвырнешь, не отмутузишь себя за милую душу так, чтобы потом ни на какой бок спокойно не лечь.

Но как-то надо будет кончать с такой жизнью.

Однажды ты будешь ехать на своём новеньком “Ниссан Патроле” по московским улицам. За рулём — Сергей Кузнецов, тот самый, которого ты когда-то давным-давно спас от трёх выродков, вышвырнув их из автобуса. Большого спортсмена из Серёги не получится, но когда ты вылезешь в большие начальники, он станет твоим телохранителем и одновременно водителем. И вот он будет вести машину, а ты сидеть рядом не в самом лучшем настроении. Краем глаза заметишь, как в сквере трое качков бьют мужчину лет пятидесяти.

— Серёжа, останови, пожалуйста. И дай задний ход малость.

Кузнецов остановится как раз прямо “с видом” на избивение. Ты выйдешь из машины, кивнув Серёге:

— Посиди, я один справлюсь.

Кузнецов со взволнованным лицом останется в машине, а ты со спокойным видом подойдёшь к качкам.

— Ребят, это вы зря...

Те прекратят избиение:

— Чего?

— Тебе что, тоже захотелось?

— А это ты совсем зря.

Но тут один узнает тебя:

— Пацаны! Шарыгин!

Мгновенно в лицах затеплится уважение:

— Иван Николаевич...

— Я говорю, зря вы это... — повторишь ты.

— А мы что? Мы ничего.

— Вот и идите. Где ваша тачка?

— Вон она.

— До свиданья, ребята.

— До свиданья, Иван Николаевич. Извините, что не сразу узнали.

Качки уйдут, а ты протянешь носовой платок избитому в кровь мужчине:

— Повреждения есть?

— Вроде несильные...

— Поедемте со мной. Довезу до травмпункта. Мало ли что.

Уже в машине спросишь:

— Деньги должны им?

— И немалые.

— А отдавать нечем?

— Откуда? Три тысячи долларов.

— А дети есть у вас?

— Дочке десять, сыну восемь. Мы с женой уже в возрасте повстречались и поженились.

— Блин горелый! — Ты достанешь бумажник, отсчитаешь деньги и протянешь их на заднее сиденье.

— Ну что вы! Нет, не надо!

— Возьмите. Здесь даже немного больше.

— Я не возьму! Мне и вам отдавать пока нечем будет.

— Я просто так их даю вам. Без отдачи. Берите, говорю! Это чтоб мне повезло сегодня. Не для себя, для меня — возьмите, прошу вас!

— Ну, если так... Спасибо вам!

— Вон там, за углом травмпункт, — кивнёт Серёга.

В этот день ты решишь попрощаться с картишками. Отправишься в казино "Папа Карло". Сядешь играть в покер с тремя воротилами, известными по кличкам Аристократ, Мордоворот и Бесцветный. И они нарочно проиграют тебе, ты это почувствуешь и поймёшь, зачем, потому что Бесцветный снова заведёт разговор о Короле.

— Об этом не может быть и речи, — скажешь ты, после чего к тебе подойдёт инспектор заведения:

— Иван Николаевич, простите, можно вас отвлечь на несколько минут?

Вы не возражаете пройти со мной?

— Ну, пойдём... Сыграйте кружок без меня, я сейчас вернусь.

Ты встанешь из-за стола, пойдёшь за инспектором мимо рулетки и других видов выкачивания денег, вы подниметесь по витой лестнице на второй этаж, пройдёте по полутёмному коридору и войдёте в большой и роскошно обставленный кабинет.

— Я оставлю вас на минутку. Извините, Иван Николаевич. Я тут совершенно бессилён.

Инспектор поспешно удалится, а через другую дверь в кабинет войдут известные громилы и вышибалы денег Глобус, Кувалда и Сачок. Все трое вытащат пистолеты и наставят их с трёх сторон на тебя — в лоб, в висок, в сердце.

— Стоять — бояться!

— Не рывайтесь, пожалуйста.

В комнату войдёт Бесцветный и скажет:

— Тебе было сказано: не залупаться, слушаться, что взрослые дяди говорят.

Ты усмехнёшься с таким видом, будто никакие пистолеты на тебя не направлены. И подумаешь: “Только я собрался покончить с игрой...”

— Это кто там взрослый дядя? Румын, что ли? Да пошёл он!

— Товарищ не понимает. Товарищу сейчас мозги из башки выпустят, а он не понимает, — скажет Бесцветный, нагло глядя на тебя.

— Это ты зря... Я сказал: Лёша Король в сборную не войдёт. И пушками своими меня не запугаете. Я давно уже пуганый.

— Последнее предупреждение. Считаю до трёх. Раз, два...

— Бубновый король вместо туза мне в руки не ляжет.

— Три!

“Неужто пипец? Не может быть!” — подумаешь ты.

Бесцветный медленно повернётся и уйдёт из кабинета. Кувалда и Сачок со вздохом сожаления спрячут пистолеты и последуют за Бесцветным. Глобус помедлит, всё ещё направляя тебе в лоб дуло пистолета.

— Глобус! Пошли!

Ты развернёшься и пойдёшь в ту же дверь, через которую пришёл с инспектором. А за спиной прозвучит голос Глобуса:

— Николаич... Уважаю!

В полночь ты приедешь домой, в свой подмосковный особняк. Это сейчас такими особняками всё Подмосковье облеплено, как опятами в урожайный год, а тогда он у тебя будет лучшим в округе: четырёхэтажный, просторный, наверху ещё и висячие сады с качелями, картины, камин, окна с витражами... Словом, сверкающая скала преуспевания. Ты выйдешь из своего “Ниссана” с огромным букетом цветов и любимыми Катинными конфетами. Войдешь под высокие своды жилища:

— Катюша!

Дом ответит молчанием, и ты пойдёшь дальше, на второй этаж, на третий, найдёшь жену перед телевизором с подробностями очередного теракта.

— Катюша, ты здесь? Что, опять теракт?

— Это ты у меня сплошной теракт, Иван!

— Вам виднее...

— Где ты был? Опять?

— Опять... Но мне сегодня как никогда повезло. Представляешь...

— Иван! Но мы же договаривались!

— Катюш...

А она вдруг вскочит с дивана, подбежит к тебе и — наотмашь ладонями по лицу, левой, правой, левой, правой.

— Я уйду от тебя, если ты не перестанешь ходить в свою “Папу Карлу”!

— А я тебе цветы... Гостинцы...

— Ну, что мне твои цветы! Что мне твои гостинцы! Ты обещал, что не будешь больше играть! Обещал?

— Я сказал: “постараюсь”...

— Когда ты был борцом, ты говорил: “постараюсь” и становился чемпионом. А теперь...

— Что теперь?

— А теперь получается, что ты не борец.

— Это ты зря...

— Да, вот так! Получил?

Она нервно плюхнется на диван и закурит сигарету. При тебе. Чего никогда не бывало.

— Стоп! А чо это ты куришь? Я не понял!

— Хочу и курю, тебе-то что!

— А кто-то обещал, что не будет больше курить?

— Я не обещала. Я сказала: “постараюсь”. Как ты, так и я. Если у меня мужик слабовольный, то что остаётся мне, женщине?

— Это ты совсем зря... Слабовольный... Знаешь, чего? Живи теперь, как хочешь!

И в гневе ты отшвырнешь цветы и конфеты, пойдёшь прочь от жены. Рухнешь на кожаный диван в огромной гостиной на первом этаже. Потом поставишь любимую кассету. Хлопнешь пробкой шампанского.

Катя придёт к тебе, ласково прижимая к груди твой букет, станет подпевать:

— Огромное небо, огромное небо, огромное небо одно на двоих. А мне шампанского?

— Катюша, я сегодня в последний раз играл. Честно!

— Тогда поцелуй меня. Не бэ, я зубы почистила, рот прополоскала.

В Грозном запылают наши танки, и чеченцы перестанут быть нам такими друзьями, как раньше. Турецкий Султан позвонит тебе:

— Иван! Что вы делаете! Русские, вы совсем ошалели? Будьте вы прокляты!

В том году, когда запольхает Кавказ, умрёт мать, Екатерина Петровна, и на похоронах ты вдруг вспомнишь, как она грустила, что в Норке нет ни одного храма Божьего. Тебя охватит огненный стыд за то, сколько денег ты профукал без цели, глупо, понтово, и ты дашь клятву построить за свой счёт в Норке храм во имя святой великомученицы Екатерины.

На Олимпийских играх в американской Атланта российская сборная, теперь уже не под белым, а под бело-сине-красным знаменем уступит первое место американцам, займёт второе, чтобы дальше от олимпиады к олимпиаде спускаться все ниже и ниже. В Мельбурне ещё снова второе, в Афинах — уже третье, после США и Китая, в Пекине — третье после Китая и США, в Лондоне — уже четвёртое после США, Китая и Великобритании, в Рио, благодаря новому всплеску ненависти и несправедливости к России и несмотря на него, — снова четвёртое после тех же американцев, китайцев и британцев.

Впрочем, ты, Иван, уже не доживёшь до этого, и Атланта станет твоей последней Олимпиадой, увиденной в земной жизни. На ней твои вольники завоюют только три золотых и две серебряных медали, что, Впрочем, не так уж и стыдно, у америкосов будет ровно столько же. В греко-римской вообще только одно золото — у непревзойдённого гиганта Александра Карелина. Он повторит трёхкратное олимпийское достижение Александра Медведя, и, когда понесёт триколор по стадиону в Атланта, ты будешь ругать свои неудержимые слёзы, вспоминая себя двадцать лет назад на стадионе Большое-О.

— Ну что ты, миленький мой, родненький... — будет утешать тебя сидящая рядом на трибуне Катя.

Жить тебе останется чуть больше года.

На Олимпиаде в Атланта ты встретишься со своим давним другом — президентом японской федерации борьбы Фукио Имадой и позовёшь его к себе в гости в Норку. Он вскоре приедет и, кроме всего прочего, привезёт письмо от бывшего борца вольного стиля Юкио Кагаяку, переведённое на русский с некоторыми ошибками. Ты прочтёшь о том, как некогда на свет появился мальчик, имя и фамилия которого вместе звучали как “сияющий избранник богов”, и этот мальчик мечтал стать самым лучшим борцом вольного стиля за всю историю Страны Восходящего Солнца, но русский борец Иван Шарыгин обратил эти мечты в прах. Кагаяку подробно опишет и то, как он задумал убить тебя, как нашёл в Монреале русского, за большие деньги охотно согласившегося выполнять его указания. Через двадцать лет ты, наконец, узнаешь тайну монреальских звонков с угрозами, вот только имени того русского мерзавца Кагаяку не откроет. В конце письма Сияющий избранник богов напишет: “Я ждал, что Вы потеряете своё лицо, не выйдете со знаменем своей страны, испугаетесь смерти. Такая смерть для каждого патриота — большая честь, и я мечтал о том, чтобы Вы свою честь потеряли. Но Вы оказались патриотом и предпочли погибнуть, нежели потерять лицо. Я смотрел, как смело и гордо Вы несёте знамя своей страны, и во мне рождалось восхищение перед Вами. Я с грустью думал, что не каждый японец согласится умереть, неся в руках знамя Японии. Вернувшись домой, я отыскал фото, где Вы несёте знамя, заказал с этого фото большой портрет и повесил его в своём доме. И когда ко мне приходят люди, я рассказываю им об Иване Шарыгине, настоящем герое, у которого все должны учиться мужеству

и любви к Родине. Благодарю Вас, господин Иван Шарыгин, за то, что Вы показываете такой пример в мире, который всё больше погружается во всеобщую подлость. Желаю Вам всего самого хорошего, а если Вы приедете в Японию и захотите побывать у меня в гостях, то вот Вам мой адрес...”

Письмо из Японии вызовет в тебе разные чувства — радость, что нашлось объяснение тому случаю в Монреале, гордость за самого себя — вон, оказывается, как о нём говорят в далёкой Стране Восходящего Солнца, но вместе с тем и стыд за то, что он, герой своей страны, поддался соблазнам, в которые ввергли его многие друзья, в том числе и борцы, что он стал вести дела порой сомнительного свойства с людьми порой полукриминальными, а иной раз и просто бандитами. “Таков бизнес в современной России, ничего не поделаешь!” — эта твоя отговорка вдруг, как сломанные рёбра, сильно заболит у тебя в душе, и ты дашь слово: “Лучше потерять бизнес, нежели честь! Впредь — только так!”

Фукию Имада пробудет у тебя в Норке больше недели, он поведает тебе, что где-то в этих краях в лагере для военнопленных содержался его отец. И отец Кагаяку — тоже. К тому времени у тебя выйдет написанная тобой книга “Ковёр и вокруг него” — рассказ о собственной судьбе и спортивной карьере, и ты подарить Имаде один экземпляр, а другой попросишь передать Юкио Кагаяку. Президент японской федерации борьбы отвезёт книгу Сияющему избраннику богов и записку от тебя: “Благодарю за честное письмо! Как только приеду в Японию, непременно побываю у Вас в гостях”. Кагаяку закажет перевод твоей книги, жадно прочтёт его и сильно загорюет, не увидев в книге ни одного упоминания о нём.

— Проклятые русские! — воскликнет он, обращаясь к твоему портрету, но потом скажет себе: — Ты сам заслужил это. — И станет ждать, когда ты приедешь к нему в гости. Но, увы, так и не дождётся никогда.

Наступит последний год твоей жизни. В качестве годового подарка друзья преподнесут тебе смерть Ивана Шарыгина. Гнусный журналиста, источающий ненависть к России и её прошлому, нагло присвоивший себе твоё имя, погибнет, взорвавшись в салоне своего автомобиля. Всё, отныне ты не будешь всякий раз вздрагивать от омерзения, слыша его голос по радио или открывая очередной номер “Моски”.

— Аллес капут, Ваня, — скажут тебе приехавшие в гости друзья, те, с которыми ты в начале девяностых начинал входить в мир бизнеса. — Больше его нет.

— Вы что! Охерели! — вывернешься ты. — Я что, просил вас? Вот уроды! Ну, это вы зря, это вы совсем зря!

И ты готов будешь в ускоренном темпе произнести свою знаменитую триаду и после “Это вы совсем ни к чему” выставить друзей за дверь, но они успеют успокоить тебя:

— Да никто его не убивал. Что мы, не знаем, как бы ты к этому отнёсся? Хотя надо было бы убить. Мы просто заключили с ним договор. Он якобы взорвётся в своей тачке, а сам исчезнет, больше не будет торговать своим хлеболом под псевдонимом “Иван Шарыгин”. Бабла у пацанчика и так уже выше крыши, доживёт как-нибудь свой век.

— Это точно?

— Клянёмся!

— А машинку-то по-настоящему взорвали хотя бы?

— Можешь не сомневаться. Хотя бы это удовольствие мы себе разрешили. В морге купили похожего трупака из ничейных, одели в шмотки этого улюбка и — бэнг!..

— Циники, блин! Трупака... Это ведь тоже человек был.

— Не боись, про него тоже навели справки, тот ещё подонок.

— Ну, коли так... Но всё равно, братцы, не по-христиански это.

— Да ладно тебе, Иван! По-христиански, не по-христиански...

— Ты часом в семинарию не собираешься?

— Собираюсь. Идите к столу, природы, Катюша уже пельмени свои подаёт.

И ты простишь друзьям их цинизм, возблаговаришь их за то, что избавили тебя от поганого двойника, станешь вместе с ними встречать Новый год.

А человек, сменивший несколько имён, побыв тройку лет под твоим именем и фамилией, возьмёт себе новые паспортные данные и отправится работать на новых хозяев.

Ты же решишь уйти из бизнеса, и когда по весне Александру Ивановичу исполнится двадцать четыре, ты подаришь ему свои владения — сеть ресторанов быстрого питания “Сели-поели”, разбросанных по двадцати городам России и шести городам Европы. Пельмешки, блинчики, рыбка, грибочки. Салат, который во всём мире называют русским и только у нас почему-то — “оливье”. Себе оставишь лишь небольшую долю. Борца высокого класса из Александра Ивановича не получится, он отслужит в армии и прикинёт к ведению твоих дел, а отныне получит такой щедрый подарок.

Три дела станут главными в твой последний год жизни.

Первое — строительство храма великомученицы Екатерины в Норке. Конечно же, в память о матери, Екатерины Петровны, которая всю жизнь не теряла веры в Бога и даже соблюдала посты, что повсеместно казалось дикостью, а то и мракобесием.

Ты будешь способствовать добыванию превосходного мрамора для возрождающегося в Москве храма Христа Спасителя, и часть этого мрамора отправится для твоего храма в Норке, который будет расти, как пшеница в урожайный год. В благодарность за мрамор сам Патриарх Московский и всея Руси Алексей II даст тебе обещание лично приехать и освятить церковь великомученицы Екатерины.

— Когда у вас день рождения, Иван Николаевич?

— Седьмого ноября, Ваше святейшество.

— Прекрасно, давайте и назначим открытие и освящение вашего храма на этот день.

Но до своего сорок девятого дня рождения ты, Иван, не доживёшь.

Второе — написание новой фундаментальной книги о себе и вольной борьбе. Катя в шутку посоветует:

— Назови просто: “Моя борьба”.

— “Майн кампф”? Остроумно. Но, пожалуй, если убрать первое слово, оставив второе, получится коротко и хорошо: “Борьба”.

Книгу ты успеешь написать и отправить в печать. Выход назначат на день твоего рождения, до которого ты не доживёшь. Набор остановят, чтобы добавить воспоминания друзей о тебе, и “Борьба” выйдет в свет к первой годовщине твоей гибели.

И лишь третье главное дело твоего последнего года ты успеешь довести до конца — чемпионат мира, который впервые пройдёт в Красношарске. В твою честь.

К этому своему последнему в жизни чемпионату ты будешь готовиться так, будто тебе предстоит тоже выходить на ковёр. Однажды согласишься на себя в зеркало и скажешь:

— Это ты зря.

И начнёшь заниматься так, как если у тебя и впрямь впереди была борьба за чемпионское звание. И к концу августа сбросишь накопленные за последние пятнадцать лет лишние килограммы, доведёшь свой вес до того, в каком ты был, когда нёс знамя своей страны по стадиону Большое-О в Мореале. Некоторые даже обеспокоятся:

— Не болен?

— Наоборот, здоров, как никогда!

И ты действительно будешь здоров, как никогда, в это своё последнее лето и последнюю осень. И телом, и душой. Сметется с тебя всё отягощающее, что дуrom накопило в лихие девяностые. Оно будет, конечно, постоянно напоминать о себе в лице иных друзей, с которыми тебе уже в лом будет продолжать общение, но эти лица станут мелькать перед тобой всё реже и реже. Даже Фон-Барона Пуделя, нынешнего Германского, к началу подготовки чемпионата мира в Красношарске снимут с должности губернатора области, так что и с ним не придётся встречаться тебе в это твоё последнее в жизни, такое счастливое лето.

Картёжный доктор физико-математических наук и представитель самой умной породы в то лето взлетит высоко к небесам власти, окажется в Москве на крупнейших должностях, самым любимым и преданным в президентской своре. Геннадий Ильич Германский. О нём уже всерьёз заговорят как о несомненном преемнике хозяина страны, а в шутку:

— После царя Бориса Второго наш ждёт Ильич Третий.

А ты, Иван Третий, услышав эту шуточку, покраснеешь от негодования: — Чтобы Россией управлял Пудель Германский... Ну, это вы зря!

И всё же тебе придётся один раз, пусть косвенно, но уколиться об острые зубки Пуделя. Вдруг на тебя начнут упорно давить, чтобы ты включил в число участников чемпионата мира чеченца Шамиля Докуева.

— Иван Николаевич, эта фигура весьма важна для самых высших лиц в руководстве страны. Вы понимаете.

— Нет, не понимаю. Почему я должен включать в нашу команду заведомо слабого спортсмена? Передайте мое решительное “нет”.

Но звонки будут продолжаться, покада к тебе лично не нагрянет Секретарёв, большой человек из кремлёвской своры:

— Сегодня мы должны с вами окончательно решить вопрос о Докуеве.

— Простите, но я не припомню даже в советские времена, чтобы кого-то включали по звонку из Кремля.

— Это очень важно. У вас в команде не хватает спортсменов с Кавказа.

— Это вы зря. А Магомед Шарипов? А Сати Буваев? А Азиз Ахметов? А Сулейман Муслимов? Да у нас весь костяк сборной наполовину кавказский. Простите, но я вижу, вы просто не в курсе.

— В курсе, но все перечисленные — дагестанцы. А положение дел сейчас диктует присутствие спортсмена из Чечни.

— В Чечне есть превосходные борцы, но все они в данное время не готовы к соревнованиям. Во многом благодаря обстановке. Война, знаете ли. А уж Шамиль Докуев никак к превосходным не относится. И я знаю, откуда ноги растут. Будем откровенны, вам нужен не он, а его папаша.

— Я вижу, вы в курсе, — скажет Секретарёв. — Буду откровенным, это так. Пусть Шамилёк выйдет из борьбы после первых же схваток, но благодаря его участию можно будет уладить весьма важные дела.

— Да знаю я, какие это дела, — неосмотрительно махнёшь рукой ты. — Такие вот... — И ты пошелестишь троеперстием, как бы пересчитывая денежки.

— Иван Николаевич, — совсем уж задумчиво придвинется к тебе Секретарёв. — Я хочу вам сказать, что по поводу Шамиля Докуева есть для вас личная просьба Геннадия Ильича.

— А, Фон-Барона Пуделя! Ну, так передайте ему личную мою просьбу — больше мне с Докуевым не докучать.

— Вы что, не понимаете, кем вскоре станет Геннадий Ильич?

— Это вы совсем зря. Не станет, не волнуйтесь. Ещё не хватало, чтобы Россией руководил Пудель!

— Смотри, Ваня! — вдруг злобно оскалится Секретарёв. И это тебя окончательно вызверит.

— Вы что, угрожаете мне физической расправой?

— Предупреждаем.

— А это уж совсем ни к чему. Передайте Пуделю, пусть передаст привет Мефистофелю! И — всего доброго!

Гадкое чувство останется у тебя после того разговора, и тревога поселится в твоей душе: только бы дали провести чемпионат, только бы дали достроить и освятить церковь, только бы дали дописать книгу!

Вскоре после разговора с Секретарёвым о Шамиле Докуеве попадет в аварию Александр Иванович, на несколько дней окажется на грани жизни и смерти. Мучительные дни! Но он выживет, оклемается, быстро пойдёт на поправку.

— Натура-то шарыгинская, с чего ему загигаться.

Перед началом чемпионата врачи скажут, что уже не о чем беспокоиться, и ты с полегчавшим сердцем полетишь в Красношарск, оставив при сыне Катю.

И вот подойдёт первая вежа из этих твоих “только бы дали”, наступит конец августа, а ты всё ещё будешь жив и откроешь первый в истории чемпионат мира в Красношарске, городе, давшем многих отличных борцов, лучший из которых — ты. И всё пройдет хорошо, если не считать, что российские вольники завоюют лишь две золотых медали — Магомет Шарипов и Сати Буваев, оба из Дагестана. География чемпионства окажется расширенной: Куба, Иран, Армения, США, Турция. Но как бы то ни было, ты не заслужишь никаких нареканий, и этот чемпионат признают одним из лучших по своей организации.

Вернувшись в Москву, ты застанешь сына уже совсем в хорошей форме. Довольный и счастливым, ты поедешь с Катюшей и Александром Ивановичем отдыхать в Сан-Ремо, где Катя всю жизнь мечтала побывать, в городе итальянской эстрады — Аль Бано и Рамина Пауэр, Тото Кутуньо, Рикки и Повери!

— Siamo romantici... romantici... — будет напевать Катя, нарочно к этой поездке взявшаяся учить итальянский язык.

Всё будет очень хорошо. Лишь однажды, когда вы, отдохнувшие и загорелые, пойдёте по набережной Императрицы, на которой то там, то сям звучит русская речь, какой-то хмырь, проходя мимо вас, с ухмылкой посмотрит тебе в лицо и прошипит:

— Глянь-ка, он ещё жив.

Смысл услышанного не миг долетит до твоего сознания, ты оглянешься и не увидишь того хмыря, растворившегося в пёстрой и беззаботной толпе отдыхающих. И какая-то тоскливая муха прожужжит в твоём сердце, но ты отгонишь её, ведь тебе сколько раз угрожали, тебя не застрелили в Монреале, и ты не потерял там своё лицо, тебя не убили костоломы, посланные Румыном, который, кстати, был одно время подельником у губернатора Германского, покуда не посадили за наглое воровство и беспредел. А Пудель вновь вышел чистеньким из воды, и теперь метит в президенты России.

— Это вы зря, — пробормочешь ты, а Катя, услышав, засмеётся, оглядываясь в поисках каких-то обидчиков мужа.

И на сей раз мимолётная фраза, содержащая в себе слишком маленький алкогольный процент угрозы, быстро испарится. Вы вернётесь счастливые из Италии, а в начале октября уже вдвоём, ты и Катя, поедете в Горячие Воды. Тебя пригласят на смотр молодых спортсменов Кавказа, и ты с удовольствием откликнешься.

Вы поселитесь в пансионате среди соснового бора, будете гулять по дорожкам парка и считать белок:

— Давай, сколько их, столько нам ещё жить на свете.

И собьётеся со счёту. После сотой ты махнёшь рукой:

— Столько жить грешно даже!

— Ничего и не грешно. Ты Библию же читал, вон там сколько жили праотцы. Адам, Ева.

— Так то праотцы.

— Иван, мне кажется, мы с тобою сейчас в райском саду, как Адам и Ева. Ей-Богу!

— Не пора ли вкушать плода с древа познания?

Ночью ты проснёшься в широкой кровати, оглянешься по сторонам и увидишь, что Катя в белом махровом халате курит на балконе. Рассердишься, вылезешь из постели, закутываясь в свой белый гостиничный махровый халат и тихо выйдешь на балкон. Увидев тебя, Катя поспежит забить до смерти окурки, тыкая его в пепельницу, как в плаху, стоящую на эшафоте балконных перил.

— Это ты зря. Не стыдно? Вот я перестал ходить в казино. А ты опять куришь!

— Прости... Что-то у меня на душе беспокойно... Прямо вот кошки скребут!

— Нашла оправдание. Кошки скребут, покурить хотят!

Катя засмеётся, представив себе курящих кошек, но тут же попытается сделать серьёзный вид.

— Ну, Иван, ну, прости! Я больше не буду.

— Сдать боеприпасы!

Она со вздохом достанет из кармана пачку сигарет, протянет тебе.

— Зажигалку тоже будьте любезны.

Получив и зажигалку, ты вложишь её в наполовину опустошённую пачку сигарет, спрессуешь всё это безобразие в мощном кулаке и, прицелившись, бросишь в стоящую под балконом возле подъезда гостиницы широкую мусорную урну.

— Александр Белов! Золотой бросок в Мюнхене! — захлопает в ладоши Катя, имея в виду бросок прославленного баскетболиста — тем броском на последней секунде Белов вырвал победу у американцев, принеся золото нашей олимпийской сборной.

Ты великодушно обнимешь жену, проворчав:

— Ненавижу табачный запах!.. Кстати, когда я в Монреале со знаменем шёл, у тебя тоже кошки скреблись, сама рассказывала. А ведь ничего же не случилось.

— Так-то оно так... — тяжело вздохнёт Катя. — Но тут вот ещё что. Помнишь, мы были в Норке на свадьбе. Потом у меня мама умерла. А на девятый день мне отец приснился. Я ничего тебе не говорила, потому что не придавала значения.

— И что отец?

— То-то и оно! Говорит мне: “Приезжайте с Иваном в отпуск к нам с мамой в Махачкалу”. Отец всю жизнь в Башкирии прожил, вообще ни разу ни про какую Махачкалу не говорил. Я тогда проснулась и подумала: “Странно, при чём тут Махачкала?” А как раз на следующий день наш Саша в аварию попал. Может, это какое-то предупреждение было?

— Ну, и что тут при чём? — фыркнешь ты.

— Понимаешь, отец в том сне говорил: “К нам с мамой в Махачкалу”. То есть, они с мамой на том свете и в Махачкале.

— Глупости всё это! Ну, какая на том свете Махачкала? Сашка, слава Богу, оклемался.

— Слава Богу! До сих пор не могу вспоминать, как он был на грани жизни и смерти... Помню, когда сказали, что в начале сентября выпишут, я на седьмом небе от счастья была. Кругом все, как дураки, ах да ох: “Принцесса Диана погибла!” А я не могу — смеюсь от счастья.

— И я тоже. Как раз в Красношарске первый чемпионат по борьбе закончился. Ты позвонила, сообщила радостную новость, и я тоже смеюсь, не могу остановиться... Пойдём-ка, Катюша, спать.

— От меня же табачищем.

— Ладно уж, потерплю в последний раз.

На другой день у Кати поднимется температура, и она не сможет поехать с тобой на турнир в Махачкалу.

— Всё равно поеду, не хочу, чтобы ты один.

— Да я всего на пару дней.

— А не ездить можешь?

— Не могу, обещал. Неудобно, вон Кадыр за мной с двумя сыновьями приехал, сам, чтобы отвезти и привезти.

И ты поедешь, как обычно, как часто бывало, легко попрощавшись с женой, ещё не зная, что уже никогда больше её не увидишь. И она помашет тебе с балкона рукой, ещё не зная, что больше не увидит тебя живым.

Кадыр Максудов, главный тренер Дагестана по вольной борьбе, придет за тобой на своём “бумере” с двумя сыновьями — двадцатилетним Анваром и четырнадцатилетним Аязом. И ты поедешь туда, где впервые стал чемпионом своей страны.

Махачкалой всё начиналось, Махачкалой всё и закончится.

Через два дня в том же составе они повезут тебя обратно. Ты будешь ехать на переднем сиденье рядом с Анваром, лихим водителем и весёлым парнем, постоянно что-то напевающим, и на душе у тебя будет так хорошо и спокойно, как никогда в жизни. Куда-то прочь улетят все тревоги и дурные предчувствия, все заботы и огорчения, ты заглянешь в своё прошлое

и увидишь, как оно прекрасно, несмотря даже на то, за что тебе стыдно, ибо не бывает человека, которому нечего было бы стыдиться.

Сидящий на заднем сиденье вместе с младшим сыном Кадыр ещё попытается со вздохами отговорить тебя ехать:

— Иван Николаевич, может, всё-таки вернёмся и останемся до завтра? Неудобно как-то, на турнире побыли, а на президентский банкет не остались. Не по-людски. Президент обидится.

Но ты будешь непреклонен:

— Не могу. Слово дал сразу после турнира вернуться.

— На ночь глядя едем.

— Какой на ночь глядя, Кадыр! День всюю. Если с ветерком, то к ночи в Горячих Водах будем.

— Это если через Чечню поедем, а если в объезд — к утру только доберёмся.

— А слабо через Чечню?

— Не смешно.

— Ну, в объезд, так в объезд. К утру, значит, к утру. Приедем в Гор-воды, там мы с тобой и оттопырится. Идёт?

— Идёт... А всё же нехорошо.

— Расслабься, Кадыр Асадович!

А Катя, жалея, что не поехала с мужем, поскольку температура спадёт на следующее утро после твоего отъезда, будет ходить по парку и считать ваших с ней белок, и снова насчитает больше сотни.

— Хоть бы и впрямь столько жить! — вздохнёт она, изнывая от плохого предчувствия, отгоняя его прочь: — Тогда в Монреале...

“БМВ” Кадыра Максудова с сидящим за рулем Анваром будет весело нестись по трассе Махачкала—Кизляр. И ты, теперь уже довольно весело, прощая себе всё, будешь рассказывать, как не попал на Московскую Олимпиаду:

— Сказать честно?

— Честно скажи, да, — кивнёт Кадыр.

— Проспал, — засмеёшься ты.

— Проспали?! Как это? — удивится Анвар.

— Всё решалось на Спартакиаде народов СССР. Я вышел в финал против Пикового Валета — Бориса Вале. Перед самым поединком я разогрелся в раздевалке. Лето, жара... Я что-то сомлел, прилёг на скамейку, да и уснул. Меня на ковёр вызывают, а я сплю. Наконец, меня разбудили. Выхожу на ковёр, а мне еще сон продолжает сниться. И проиграл схватку. Вот так я, ребята не попал на свою третью Олимпиаду, Московскую...

— Обидно, — глядя на тебя так, будто всё произошло вчера, скажет Анвар.

— Анвар, ты на дороге-то хоть иногда посматривай. А то мы ещё куда-нибудь не попадём. Хорошо, что Валет в Москве стал чемпионом. Не обидно, что я ему проиграл.

А Катя в это время будет идти вдоль фасада красивейшего здания главных нарзанных ванн и грустно вспоминать, как ты сказал, что оно лучше, чем любое Монте-Карло и Баден-Баден вместе взятые.

— Скорей бы уж приехать, — скажешь ты, когда машина минует поворот на Кизляр и выедет на трассу Кизляр—Горячие Воды.

— Ещё только поворот на Кизляр проехали, — скажет Кадыр. — Нам ещё ехать и ехать. Расслабься, Иван Николаевич.

— Да Катюша что-то нервничает сильно.

— Зачем нервничает?

— Мнительная стала. Сны ей снятся зловещие. Да и будешь нервничать. Сын недавно из больницы, на грани смерти был.

— Как же он в аварию попал?

— Приятель за рулём заснул, не вписался в поворот.

— Я не знаю, как так можно за рулём заснуть! — возмутится Анвар.

— Если узнаешь, поздно будет.

— Это точно! — захохочет от всей души Анвар, будто это и впрямь смешно, когда человек засыпает и не вписывается в поворот.

— Не смейся, на дорогу смотри, эй! — одёрнет его отец.

Катя в это время будет подниматься по нескончаемому водопаду ступеней величественной Императорской лестницы и, глядя на красивую колоннаду, вспоминать, как когда-то давно ходила с тобой в кино на “Белый взрыв”, как в тот момент фильма, когда Артём накрывает Веру своей курткой и та говорит: “Нет, не надо, правда, не холодно”, — ты накрыл Катину руку своей огромной лапой, но Катя выдернула свою руку и со смехом сказала тебе:

— Мне тоже не холодно.

А теперь ей так захочется, чтобы ты положил свою лапицу ей на руку и согрел её, потому что ей будет невыносимо холодно без тебя, одиноко и страшно на непомерно огромной Императорской лестнице. И, дойдя до самого верха, затерявшись в колоннаде, Катя сердито скажет:

— Иван, ты слышишь? Мне холодно без тебя!

А ты будешь нестись в машине по трассе, развлекая любезных дагестанцев рассказами о своём детстве:

— Смелый был отец у меня. И непокорный. Я родился в Горной Шории. Там в селе председатель был полный придурок. Отмороженный на всю голову. Собаками людей травил.

— Собаками?

— Их у него штук десять было, и все злые. Гуляли вокруг председательского дома без привязи. Многих покусали. Даже детишек. Отец ему сказал: “Не привяжешь собак, я их перестреляю”. А тот ему: “Кишка тонка”. На другой день собаки ещё одного человека покусали. Отец взял ружьё, пришёл и всех собак перестрелял. Потом собрал всю свою семью, и мы уехали в Туву, в Усть-Уюг. А семья-то немаленькая была — отец, мать, да нас тогда пятеро было.

— А всего сколько?

— Потом ещё пятерых мать родила. Итого десять. Шесть братьев, четвере сестры.

— Вот это по-нашему! Иван, твой отец с Кавказа, что ли?

Аяз задумчиво спросит:

— Дядя Иван, вот вы про странника рассказывали, как он предсказал гибель отца и двух братьев. А вам тот странник ничего не предсказал?

— Сказал, что я буду знаменитым. А ещё предсказал, чтобы Анвар на машине не лихачил. Слышь, Анвар? На дорогу когда будешь смотреть?

— Я её чую. Покурить можно?

— Нельзя.

— А вы что, никогда не курили?

— Курил.

— Курили?

— Знаешь анекдот? Еврей спрыгнул в армии с парашютом и говорит инструктору: “Мне-таки запишите сразу два прыжка”. “Почему это ещё?” “Потому что это первый и последний!” Так и у меня с куревом. Первый раз был-таки и последним. Мы с братом Гришей в сельмаге купили две пачки “Беломора”, якобы для отца, и две банки сгущёнки. И два коробка спичек, чтобы у каждого свой. Гриша считал, что пока мы курить не научимся, не мужчины. Многие так потом всю жизнь думают. Деньги стащили у матери из наволочки, но дали клятву друг другу, что заработаем и обратно положим. Чтоб не считалось, что мы их украли. Так, одолжили ненадолго. Отправились на реку, стали курить. После третьей уже стало мутить. Но пока по полной пачке не выкурим — не мужчины. После пятой нас стало рвать, прямо-таки наизнанку выворачивать. Пробовали сгущёнкой загасить — ещё больше рвёт. Обидно — сгущёнка! А тут соседка мать привела поглядеть на нас, как мы от посвящения в мужчины коньки отбрасываем. “Мама, убей нас! Мы сволочи! — И надо бы убить! Черти окаянные!” Но мама села между нами, притянула к себе, как птенцов под крыло, обогрела: “Горе вы моё луковое!” И тогда я поклялся матери никогда больше не курить. А Иван Шарыгин слово своё держит.

Ты задумаешься и так отчётливо увидишь свою мать, идущую тебе навстречу по огромному изумрудному полю с распахнутыми объятьями.

— Глядите! Свадьба! — воскликнет Аяз, и вдалеке и впрямь покажется свадебный кортеж.

— Ну, теперь мы точно только к утру доедем, — вздохнёт и засмеётся Максудов-старший.

Джигиты, взявшись за руки, перегороят дорогу, крича что-то, и Анвару придётся остановиться.

— Чего это они? Как в “Кавказской пленнице”. Никулин, Вицин и Моргунов.

— Выкуп требуют.

Но когда вы все выйдете из машины и Кадыр заговорит с джигитами по-аварски, те мгновенно проникнутся благоговением, обращённым в твою сторону:

— Иван Николаевич! Для нас огромная честь и хороший знак, что мы встретили вас во время нашего радостного события! Ваш авторитет в Дагестане на недосягаемой высоте. Вы спешите, и мы не смеем вас задерживать.

— А как же выкуп? — спросишь ты.

— Никакого выкупа, что вы!

— Э, нет! Так не годится! Я что, по-вашему, не джигит?

— Самый настоящий джигит! Чемпион среди джигитов!

— В таком случае, с меня выкуп. Только покажите мне жениха и невесту.

— Жених дома ждёт, а невеста к нему едет.

— Идёмте, мы вам её покажем.

И тебя толпой поведут к одной из первых машин длинного свадебного кортежа. В мелькании лиц тебе вдруг увидится одно отвратительно знакомое лицо. Человека без лица, сменившего несколько имён и фамилий и мнимое погибшего под твоим именем. Ты оглянешься, но уже не увидишь этого лица среди мелькания лиц дагестанцев. Из машины выйдет невеста, ты улыбнёшься ей, достанешь из кармана портмоне, вытащишь наобум пачку денег и протянешь невесте:

— Будь счастлива, доченька!

— Баркала, — скажет невеста и добавит по-русски: — Спасибо.

Она смущённо возьмёт деньги и поспежит спрятаться в машине. А тебе и троиМ Максудовым вынесут в огромных стаканах вино.

— Раз выкуп заплачен, вы обязаны выпить, уважаемые!

Кадыр кивнёт направо и налево на своих сыновей:

— Этот за рулём, а этот ещё мал.

Он возьмёт стакан, ты тоже. Скажешь:

— За счастье молодожёнов!

Станешь пить до дна и краем глаза снова увидишь среди улыбающихся дружелюбных дагестанцев лицо человека без лица и имени, поспешишь допить до дна, станешь смотреть по сторонам и снова не увидишь этого призрака.

Анвару и Аязу подадут в таких же стаканах виноградный сок. А всем четверым вам на закуску сыр, мясо, лепёшки.

— Простите, уважаемые, но нам пора ехать, — закусив, скажет Кадыр свадьбе, и вы станете рассаживаться. Ты всё будешь приглядываться, не мелькнёт ли то лицо человека без лица, и оно мелькнет, когда Анвар даст газу и машина сорвётся с места, как засидевшаяся гончая.

— Притормози, Анвар!

— Что забыли?

Анвар остановится, ты выйдешь из машины и некоторое время станешь внимательно смотреть на свадебный кортеж, где все уже тоже станут рассаживаться по машинам. Но так больше и не увидев человека без лица, вернёшься озадаченно на своё место.

И сердито скажешь, совсем забыв о моём давнем тебе предсказании:

— Давай, Анвар, гони быстрее!

И Анвар понесётся дальше по трассе.

— И вруби музыку. Мою любимую, дагестанскую.

Анвар врубит народную зажигательную дагестанскую музыку, от которой сразу хочется жить, и жить долго, жить радостно, жить великолепно, жить свободно, жить достойно и счастливо.

— Вот это жизнь! — воскликнешь ты под такую музыку.

Одна в вашем номере пансионата Катя попытается читать книгу, но буквы заскачут перед её взором, убегая навстречу тебе. Она включит радио и услышит твоё любимое “Огромное небо”, но в каком-то новомодном дурацком исполнении, будто певец поёт, кривляясь, стараясь высмеять то, о чём поёт:

— Огрёмное небо, огрёмное небо, огрёмное небо одне на двяих.

И она с отвращением выключит:

— Хорошо, что Иван не слышит.

Катя подойдёт к зеркалу, посмотрит внимательно на себя, подойдёт к букету цветов, поправит его, подойдёт к кровати и разглядит и без того гладко накрытое покрывало, вспомнит, как ты любишь, чтобы покрывало было застелено гладко-гладко, чтобы потом рывком сорвать его и отбросить...

Она посмотрит на часы и скажет:

— Иван! Мне холодно!

В “БМВ” Максудова по-прежнему будет звучать залихватская дагестанская музыка, и, глядя в окно на ночные пейзажи, постукивая в такт музыке, ты вдрут подумаешь, как же тебе холодно без Катюши. Ты согласишься на часы — начало одиннадцатого, согласишься на спидометр — 140 километров в час.

Катя слегка откинёт покрывало и как бы незаконно заберётся в утробу одинокой постели, стуча зубами от холода.

И ты тоже застонешь от тоски, бормоча:

— Поскорей бы...

Оглянешься назад и увидишь спящих на заднем сиденье Кадыра и Аяза. Тебя самого станет сильно клонить в сон. Почему-то вспомнишь, как однажды дочка заснула куколку в хрустальный рог, подаренный Георгием Михайловичем, и ты — удар за ударом — никак не мог куколку вытряхнуть, и уже когда совсем отчаялся, куколка выскочила.

Ты глянешь на Анвара и с ужасом увидишь, что лихой весёлый водила тоже уснул. За рулём! И ещё ты успеешь увидеть, как “бумер” на бешеной скорости несётся на стоящий у обочины большегруз.

Удар чудовищной силы вытряхнет твою душу из тела, и она полетит над ночным прекрасным Кавказом, над всей необъятной Россией, в огромное небо, огромное небо, огромное небо...

Катя ненадолго уснёт и вдруг проснётся от громкого удара входной двери. Вскочит радостная, что ты приехал, подбежит к двери и увидит, что она заперта изнутри на ключ. Метнётся по номеру в поисках тебя — может быть, ты пришёл, хлопнул нечаянно дверью, потом запер её и где-то спрятался? Но она нигде не найдёт тебя. Тогда почему же хлопнула дверь? Катя посмотрит на часы — без двух минут одиннадцать. А тебя уже пару минут не будет на свете. Ты погибнешь сразу от удара головой о правую переднюю стойку. Анвар тоже погибнет на месте. Кадыра и Аяза привезут в больницу без сознания, но они оба выживут.

Душа твоя улетит в огромное небо, а тело твоё привезут в Москву, и сам Патриарх Московский и всея Руси Алексей II приедет отпевать тебя, а потом сдержит своё патриаршее слово и в твой день рождения освятит храм во имя великомученицы Екатерины в Норке.

В первую годовщину твоей гибели в Новой олимпийской деревне Москвы, построенной к Первым всемирным юношеским играм, тебе поставят памятник.

Физик-кارتёжник не сделается очередным президентом, он встанет в жёсткую оппозицию к бывшему кагебешнику, который неожиданно обойдёт его на вираже. Представитель самой умной породы будет долго бороться, всё больше и больше проигрывая, и его имя станут постепенно забывать, пока конкуренты по бизнесу не застрелят его однажды ночью, когда он будет прогуливаться по лондонским улицам с новой любовницей, победительницей конкурса красоты самостийной бандеровской Украины. И его будут

показывать по телевизору, жалобно лежащего под дождём в белой рубашке и с огромным животом.

И уж подавно забудут человека без лица, сменившего несколько имён и на некоторое время присвоившего себе твоё имя, который якобы взорвался в собственном автомобиле.

А твоё имя будут вспоминать и вспоминать. В Красношарске ежегодно станет проводиться турнир, посвященный твоей памяти. Открывать турнир всегда будет председатель Фонда твоего имени — твоя Катя.

В твою честь назовут улицы в Норке, Красношарске, Агабане, Махачкале.

В Японии Сияющий избранник богов откроет школу вольной борьбы твоего имени и будет рассказывать ученикам о тебе как об образцовом патриоте своей страны, с которого следует брать пример:

— Запомните раз и навсегда: в спорте каждый сам за себя. В спорте нет друзей и врагов. Есть только ты. И ты сам себе друг или враг. В спорте важнее всего быть не с кем и не за кого — только за самого себя. Исключения бывают. Например, русский борец Иван Шарыгин. Он был и за себя, и за всех. Но таких, как он, очень мало. И только их называют великими.

В Красношарске тебе поставят памятник, похожий на московский монумент первому в мире космонавту Юрию Гагарину.

Твоим именем назовут Московский дворец борьбы и Красношарский дворец спорта, а в Агабане — новый сквер, предназначенный для отдыха и физкультуры.

Твоё имя напишут на борту одного из “Белых лебедей” — сверхзвукового стратегического бомбардировщика-ракетоносца с крылом изменяемой стреловидности, самого крупного, самого мощного и самого скоростного в истории военной авиации. И “Белый лебедь”, набрав высоту, понесёт твоё имя в огромное небо.

Но всё это будет потом, в далёком и неизвестном будущем.

А сейчас ты идёшь, ведя за собой спортивную рать, завоевавшую золотые, серебряные и бронзовые награды.

Ты — знаменосец, и нет для тебя счастливее минут жизни, чем эти драгоценные и выстраданные мгновения.

Ты крепко держишь в вытянутой могучей руке древко, на котором упруго реет красное знамя Родины, озаряющее её непревзойдённую славу.